

К 1438996

ГЕОРГИ

Меншине запрещено,

или

Майно святого Кирилла

*Майно Торичкого
женского монастыря*

Крипозитор Иван Трозный

*Об любви
Александра Можайского*

Моллер — агент Сталина

**Владимир
Ариин**

Бестселлеры

Владимир АРИНИН



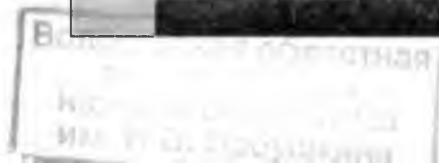
БЕСТСЕЛЛЕРЫ

Исторические сюжеты, начиная со средневековья, времен Кирилла, Ферапонта, Дионисия, Ивана Грозного, через события периода Российской Империи до Великой Отечественной войны и наших дней

Вологда
НП «ФЕСТ»
2006



К1438996



В эту книгу включены сюжеты, основанные на подлинных фактах из истории Вологодчины, ее городов и мест: Вологды, Кириллова, Горлиц, Ферапонтова, бывшей усадьбы Котельниково (ныне поселок Можайское) и усадьбы Несвойское, старейшей из сохранившихся усадеб на Вологодчине. Композиция книги определяется самим ходом русской и вологодской истории с древних времен до наших дней в ее наиболее острых и драматических моментах. Герои книги - реальные выдающиеся личности. Это русские святые Кирилл, Ферапонт, великий древнерусский живописец Дионисий, царь Иван Грозный. Это замечательный мореплаватель и изобретатель первого в мире самолета А.Ф. Можайский. И бойцы невидимого фронта, которые в годы Великой Отечественной войны вели сложнейшую борьбу с самим шефом гестапо Мюллером (по новейшим документам). И наши современники, горячо любящие свою родину и русскую историю.

Книга написана остросюжетно, в духе исторических бестселлеров. В послесловии к двухтомнику Владимира Аринина, выпущенному московским издательством «Современник» в 2002 году, в частности, говорилось: «Вологодский писатель Владимир Аринин покориł книжный Олимп в 1998 году «Неразгаданными тайнами Пушкина», получившими большой общественный резонанс и вошедшими в список интеллектуальных бестселлеров». Ныне предполагается выпуск нового двухтомника писателя, каждая из книг его тематически едины и вполне самостоятельны.

Редакторы издания: П.Ю. Мухин и А.В. Торопов.

Рецензент романа «Мюллер - агент Сталина» -
доктор филологических наук, профессор Н.В. Володина.

Фото: Александра Торопова, Анатолия Смолина и из личного архива семьи Комаровых.

На обложке - портрет Н.А. Комаровой, художник Михаил Копьев.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5.

Тираж 2000 экз. Заказ 2029.

Оригинал-макет: издательский центр «Вологодская неделя», НП «Фест»,
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

Дизайн обложки: Андрей Пшеничников. Верстка: Ольга Малютина.

Подписано к печати 08.02.2006 г.

Отпечатано: ПФ «Полиграфия», 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.



В. Аринич

СПАСЕННАЯ КРАСОТА

(ВСТУПЛЕНИЕ)



Свои историко-литературные повествования я стал называть «бестселлерами» только потому, что их многократно так называли в прессе. «Книги-сенсации», «бестселлеры» - таких отзывов в столичной и вологодской печати о моих литературных сочинениях было много. Помнится, меня прямо-таки потрясло, когда осенью 1998 года в столичной газете «Книжное обозрение» в списке «интеллектуальных бестселлеров» страны я увидел свою книгу «Неразгаданные тайны Пушкина», выпущенную московским издательством «Современник». Моя книга занимала в нем второе место по России, опережая (по рейтингу читателей) знаменитые книги выдающихся авторов: великого философа Н. Бердяева, известного историка Л. Гумилева, Нобелевского лауреата, японца Ю. Мисиму и других знаменитостей. Конечно, я понимал, что этот рейтинг - условность. Но все равно оказаться в одном списке с Бердяевым, Гумилевым, Мисимой и даже «опережать» их - это было потрясающе. Вот так и пошло. Так мои сочинения и стали называться «бестселлерами», что для меня является уже как бы привычным.

У меня сложная литературная судьба. В советское время мои исторические книги практически не печатались. Я начинал печататься как детский автор (притом очень поздно - в сорок лет), как автор волшебных детских сказок. Мои исторические книги не укладывались в рамки советских представлений. Я был «булгаковец», «волошинец», «гриновец», инакомыслящий. «Владимир Аринин: против течения» - так писала обо мне одна из газет, меня неоднократно называли «опальным писателем».

Но постепенно мое положение менялось. Начало было положено еще в советское время, в 1982 году, когда в Вологодском драмтеатре была поставлена наша с В.А. Кошелевым (ныне он - профессор, известный литературовед) пьеса о поэте К. Батюшкове «Мой гений» (постановщики - крупный театральный деятель, художественный руководитель «Александринки», Ленинградского Академического театра имени Пушкина, известный актер И.О. Горбачев и режиссер, и драматург Геннадий Соловский, музыка романса «О, память сердца» - знаменитого композитора В.А. Гаврилина).

В 1991 году вышла в свет моя книга «Тень генералиссимуса» (о вологодской ссылке молодого Сталина и Вологодском ГУЛАГе).

А в 1998 году, как уже говорилось, издана моя пушкинская книга - «Неразгаданные тайны Пушкина». Затем издавались и другие мои книги на исторические темы. Последняя из них - «Сенсации Гиляя» о «короле репортеров» В.А. Гиляровском. Во время этой работы мне удалось

открыть своего рода исторический факт - установить место рождения Гиляя, которое, как это ни парадоксально, не было известно. Мне посчастливилось найти это место. А потом неожиданно возникла новая, совсем другая тема. Дело было так...

Вечером 26 ноября 2005 года мы ехали в бывшую дворянскую усадьбу Несвойское, что в 30 километрах от Вологды. Мы - это группа участников юбилейных торжеств в честь 150-летия знаменитого «короля репортеров» Владимира Гиляровского, которые проходили на родине дядя Гиляя, в селах Вологодского района Березник и Сяма. Место рождения Гиляровского, как мне удалось установить, - деревня Горка, находящаяся чуть в стороне от Сямы, здесь всего одиннадцать жителей. А о Несвойском я знал только то, что здесь Гиляровский в молодости гостил у своего дальнего родственника, лихого гусара и охотника Николая Разнатовского.

Уже стемнело. Выпал первый снег, за окнами автобуса было темно и снежно. Мы ехали долго - почти час. Директор областной библиотеки Нелли Николаевна Белова что-то вполголоса рассказывала в темном автобусе о Несвойском и предпринимателе Комарове, нынешнем владельце усадьбы. Я почти не слушал, потому что не ждал от этой поездки ничего особенного. Я предполагал, что увижу темное, полуразрушенное старое строение, которому повезло уже только потому, что оно, как большинство дворянских усадеб, не было полностью разрушено и в каком-то виде дошло до нас. И вот мы наконец приехали... Я вышел из автобуса, кажется, последним. И обомлел. И не поверил собственным глазам. Все было как во сне...

Перед нами раскрылся великолепный вид. Высокий, холмистый берег. Деревья по берегу. Висячий мостик через реку. И самое главное, самое невероятное - на том берегу, на холмах, как сказочное видение, сиял окнами прекрасный особняк, трехэтажный белоснежный дворец. И это было как чудо.

Что это? Мираж? Ожившая сказка? Я шел к дворцу потрясенный, ничего не понимая. Долетели реплики спутников, они были восхищены: «Впервые на Вологодчине... Да, да, полностью восстановлена сбереженная усадьба... Восстановил Комаров, предприниматель... Такого среди новых русских не бывало...»

Так я познакомился с удивительным человеком - Леонидом Васильевичем Комаровым. Он на свои средства восстановил самую старую вологодскую дворянскую усадьбу, основанную еще в 1786 году.

И первый вопрос гостеприимному хозяину, который радушно и хлебосольно принимал нас в своем дворце, был таким: «Зачем и с какой целью вы это сделали?» И Леонид Васильевич без малейшей рисовки, с полной искренностью ответил: «Не знаю. Душа запросила. Конечно, все те деньги, которые я вложил в этот дом, можно было вложить в какое-то выгодное дело, получить прибыль. Но я увидел гибнущий дворец и уже не думал о прибыли».

Через несколько дней после встречи с Л.В. Комаровым я снова побывал в Несвойском и еще раз восхитился - это место удивительной красоты. Широкая панорама лесов по горизонту, окрестных лугов и полей, и на холме, как нечто возвышенное, завершающее, - белоснежный дом-дворец. В самом доме мне особо запомнилась комната Нины Арсеньевны. Здесь красиво застеленная большая кровать, много кукол. Такое впечатление, что хозяйка только что вышла из комнаты. И сейчас вернется.

Оказывается, увы, не вернется. Нина Арсеньевна трагически погибла в 2005 году в автомобильной катастрофе. Но душа ее живет в этом дворце. В этом я уверен.

И еще я верю, что не только современники, но и потомки будут всегда благодарны Нине Арсеньевне и Леониду Васильевичу Комаровым за воскресший дворец, за возрожденную красоту.

А я благодарен Л.В. Комарову за финансовую поддержку этого издания, в котором объединились мои исторические повествования, написанные в разное, в том числе в последнее время. Ход русской и вологодской истории как бы определил композицию издания - с древних времен до наших дней. С моими историческими версиями кто-то в чем-то может и не соглашаться. Но я могу поручиться: все основано на подлинных исторических фактах.



Очень красивы окрестности Несвойского.

ЖЕНЩИНЕ ЗАПРЕЩЕНО, или Тайны святого Кирилла



*Преподобный Кирилл Белозерский.
Дионисий Глушицкий, 1424.*

Что я пишу сегодня? Бестселлер. О русском святом и о русских святых. Прикасаюсь к сенсации, которой никто еще не касался. Разумеется, подобные утверждения могут вызвать естественное чувство недоумения, недоверия и протеста. И мне, честное слово, так не нравятся эти иностранные слова - бестселлер, сенсация. Я употребляю их только затем, чтобы быть по-современному понятным. Мне не хочется писать ни бестселлер, ни сенсацию. Нет у меня этого в душе. А есть просто глубочайшее удивление перед тем, что открывается передо мной. Начну со стихов XV века в честь Кирилла Белозерского, в переводе на современный русский язык:

Пребывающий в тебе
свет сохранив светлейшим,
постом воцарив ум
над губительными страстями,
на гору бесстрастия ты взошел,
ибо храбро препоручил
худшую природу лучшей
и плоть подчинил духу.

Сохранилось несколько средневековых стихир в честь Кирилла Белозерского, восхваляющих его многие достоинства.

Безусловно, он являл собой выдающуюся личность национально-го масштаба, о том свидетельствует и его «Житие».

«Житие» Кирилла Белозерского, основателя знаменитого монастыря, было написано спустя пятнадцать лет после его смерти, вероятно, в 1462 году Пахомием Сербом. Это тоже интересная личность. Пахомий Логофет, или Серб - первый на Руси профессиональный писатель, писавший по заказу. Ученый монах, прибывший на Русь с Афона, серб по национальности, он писал изысканным и торжественным стилем и «установил у нас, - по выражению В.Ключевского, - собственно литературную форму и приемы агиографического изложения... Это был едва ли не единственный русский литератор, который получал гонорар за свои произведения».

Читая «Житие», невольно задаешь вопрос: все же каким человеком был реальный Кирилл Белозерский? И какими людьми были другие русские подвижники, подобные ему? В «Житии» Пахомия Серба вроде бы дается прямой ответ. Вот он: «Таковыми же, как и мы, были те люди и имели общие с другими людьми страсти, но не такой, как у прочих людей, была их воля. Вместо телесного покоя предпочли они великие труды и болезни, вместо сна - всенощное стояние, вместо веселья - доставляющий радость плач и вместо людских разговоров - всегдашнюю беседу с Богом».

Нам такой психологический тип непонятен, хотя каждому очевидно, что таких подвижников прежде всего вели вера и воля. Но какими бы исключительными ни были их вера и воля, все равно они были людьми, а им надо было выживать в невероятно трудных, говоря современным языком, экстремальных условиях. Представим конкретно тех же шестидесятилетних Кирилла и Ферапонта, ведь им сначала надо было преодолеть путь почти в пятьсот километров, затем, поселившись в пустынной лесной местности, валить лес, рыть пещеру, ставить часовенку, чем-то питаться, как-то утепляться. И не умереть с голоду, не замерзнуть среди северных снегов и льдов. А летом - и дикие звери, и гнус, а подчас - и «лихие люди», разбойники, и враждебное население. Как возможно было выжить двум старым людям?

Столкнувшись со всеми этими вопросами, я обратился к специалистам-краеоведам. К примеру, на Вологодчине есть прекрасные специалисты, которые всю жизнь занимаются Кирилло-Белозерским монастырем и вроде бы знают из его истории буквально все. Но оказалось, что они не знают чего-то чрезвычайно важного. Во всяком случае, на вопросы, как могли пожилые люди в суровых северных условиях жить, выживать и действовать, конкретных ответов я не получил. Специалисты этого не знали, потому что подобным, выходило, никогда не задавались. И литература, и история об этом тоже молчали, потому что так вопрос никогда не ставился. Религиозная традиция влекла за собой традиционный ответ: «Бог помогал». Атеистическая традиция все отвергала. Так я столкнулся с исторически обусловленным «белым пятном» реальной, бытовой жизни русских святых. Это была тайна, которую я рискнул разгадать. И начал писать свою повесть о Кирилле.

ВСТРЕЧА С ПРЕПОДОБНЫМ

Ночью была гроза. И долго и грозно Илья-пророк раскатывал на своей колеснице по небесам, и острые стрелы молний били по черным тучам, отступавшим, скатывавшимся за дальний лес. А потом в монастырском саду запели, защелкали, залились соловьи. И все верно: пятнадцатое число месяца травня - соловьиный день. Поют, заливаются птахи-певцы, соскучились, измаялись по родной русской земле на чужеземье, вернулись, милые, изливают душу.

Кирилл, выйдя из кельи, долго и радостно слушал невидимых в темноте пернатых певцов. Потом ушел в келью и заснул крепко. А утром проснулся в каком-то невнятном для себя ожидании. А, спрашивается, чего ему ожидать? Шестьдесят лет, старость, умирать пора.

Пройден путь, и Господь был милостив к нему - все дал, все, чего он хотел. А он еще чего-то ждет, в свои-то лета. И душа переполняется этим ожиданием, и молит, и просит, и надеется, и верит...

А день сегодня хорош - небо голубое и бездонное, солнце щедрое и яркое. Все окрест цветет, радуется, живет, каждая Божья тварь суетится. Вон муравьишко бежит, былинку тащит, тоже рад.

Кирилл идет по монастырскому двору. Все вокруг так знакомо и привычно. Служба кончилась, пустынно. Но Кирилл знает: монастырская жизнь за этими стенами не замирает ни на единый миг. Живописуют иконы, переписывают книги, в мастерских - свои дела, из пекарни, столь ему хорошо знакомой, пахнуло свежим хлебом.

У пекарни встретил Кирилл любезного ему Ферапонта, сверстника своего, тоже чернеца.

Ферапонт в те же шестьдесят годков все еще крепок и телом, и духом. Только что с Белозерья вернулся, ездил туда по закупкам и продажам монастырским и много о тех диких, но красивых первозданной красотой местах Кириллу рассказывал. А Кирилл выпрашивал его про все подробно. А вот о самом сущем еще не спросил. Вроде бы не решился. А надо решиться.

- А скажи-ка, Ферапонт, - Кирилл посмотрел ему прямо в глаза, - скажи, есть ли там, на Белоозере, место, где возможно было бы иноку безмолвствовать?

И Ферапонт ответил ему прямым, понимающим взглядом, а вслух изрек:

- Да, брат Кирилл, тамо много места для уединения.

И все. Более не говорили ни о чем. А в душе что-то опять встрепнулось.

А может, так на душе у него потому, что день все же нынче особый, памятный. Шестнадцатый день месяца травня он всегда тайно из всех прочих дней выделяет. Четырнадцать лет назад в этот день была явлена ему великая милость Божия: он был удостоен посещения преподобного и богоносного Сергия, игумена Радонежского, всея Руси чудотворца, подвижника, каких еще не знала Русская земля. И это было как чудо.

В тот день, помнится, дел-то было весьма много. Второй-то пекарь приболел, и Кирилл взялся за работу с удвоенной силой. Воды уже натаскал, дров наколол, тесто замесил. И тут владыко прислал ему помощника, чернеца Савву. О том Кирилл, понятно, не просил, сам со всем хотел управиться. Но Савва, пришедши в пекарню, объявил архимандритову волю и спросил, чего надо делать, чем пособить.

- Хлебы надо в печь метать, брат Савва, - пояснил ему Кирилл.
- Не с руки мне такое, - поморщился Савва, - не обучен я тому, не умею. Не то что ты.

- Да я, брат, сам управлюсь, ты только пособи чуток.

Кирилл чувствовал в Савве тайное недоброжелательство - от зависти, что ли. И всегда старался это недоброжелательство не вызвать, ненароком не увеличить.

Они с Саввой приняли постриг в один и тот же год. И был Савва из разоренного обедневшего рода и, верно, пошел в чернецы не по призванию - по нужде. Ведь сказал же он тогда, не сдержавшись, Кириллу: «Пошто тебя-то в чернецы несет? Вы же - Вельяминовы, первые богачи на Москве. И всем княжеством тайно правите. Мне б такое». И осекся, поняв - лишку сказал.

Но, поди, и другим чернецам чего-то Савва про него нашептывал. И братия сперва приняла Кирилла настороженно, непросто. И вестимо: был он в Симоновом монастыре первым чернецом из такого знатного рода. И почувствовал - есть, как и в миру, разница меж собой и другими. И это было обидно.

Все же с братией у него как-то наладилось. Оценила братия нового чернеца: кроток, усерден. А потом он стал удивлять. И не хотелось Кириллу ничем выделяться. Но как определили его к старцу Федору в ученики, все увидели: он одержим в духовном рвении, презирает и томит свою плоть. Все узнали: Кирилл сам просил - позволить ему есть хлеб через день или через два, и зимой не носить теплой одежды, и спать немного, и только сидя. И старец ему сие запретил и повелел и спать ночью, и теплую одежду зимой носить, и хлеб есть с братией, пусть не досыта, но каждый день.

А потом архимандрит повелел ему перейти от услужения старцу в пекарню, и много лет Кирилл исполнял хлебодарную свою службу с большим усердием. Но тут, лишившись опеки старца, мог отвести душу сполна: изнурял ненавистную плоть, и ел хлеб через два дня, и ключевой пил немного воды. И поступал так тайно от всей братии, но однажды, видя, как братия обедает, упал замертво от голода, и все открылось. И придя в себя, покаялся в обмане, ибо обманывал всех, говоря, мол, я потому со всеми не обедаю, поскольку теперь при хлебах всегда и с утра хлеба наедаюсь. И просил прощения у братии за обман. И о том, понятно, стало известно владыке. И Кириллу было приказано обедать в трапезной. И изнурять плоть в меру.

Но о нем уже пошла людская молва, и миряне приходили к нему с поклоном, прося совета и помощи. И он, стыдясь своей славы, уже не знал, что ему делать.

И начал юродствовать. Мол, умом я стал немощен, глупее и сильнее всех. И вызывал смех: то овцой заблеет, то петухом запоет. И более других Савву смешить старался.

Савва тому смеялся охотно, но вроде бы все же чему-то не верил. И в тот памятный день тогда, в пекарне, помнится, изрек:

- Ты вот днесь петухом пел, зело смешно. Но однако же бают, будто сам преподобный Сергей про тебя знает. И еще бают - будто преподобный Сергей к нам в обитель приехать собирается, в гости к племяннику, архимандриту нашему.

И как в воду глядел: дверь отворилась, и незнакомый чернец в пекарню вошел. Простая поношенная ряса, посох в руке.

- Кого тебе, отче? - спросил Кирилл.

- Тебя, Кирилле, - ответил старец.

И тут Кирилл признал его: это же он, подлинно он - светоч земли Русской, Сергей, игумен Радонежский, и повалился в ноги.

- Встань, Кирилле, - сказал Сергей просто. - Я побеседовать с тобой пришел.

Так начались их беседы. И в самой первой Сергей сказал ему:

- Не юродствуй больше. Все равно тебе от людей не утаить, кто ты есть.

- А кто я есть, отче? - на глазах Кирилла были слезы.

- Ты - избранник, - тихо произнес Сергей. - И то не честь, а иго. Да будет иго твое желанно и легко. А ведаешь, как я нашел тебя?

- Не ведаю, отче.

- По глазам, Кирилле. Глаза твои выдают тебя, Кирилле. Свет в них другой. Наш свет.

А в монастыре, как они беседовали, было смятение. Как же так: великий чудотворец в гости в монастырь пожаловал, а сидит не в горнице архимандрита, племянника своего, а, сразу в пекарню прошедши, сидит с простым чернцем Кириллом, с ним беседу ведя.

И такие беседы продолжались и далее. Сергей еще не раз приезжал в Симонов монастырь и в каждый приезд свой, приведя в трепет архимандрита и всю братию, шел в пекарню для бесед с Кириллом. А когда Кирилл в поварню был переведен, то преподобный направлялся уже туда. И были те беседы для Кирилла как откровение.

И, осмелев, спрашивал Кирилл преподобного:

- Отче, ты исполнил первый подвиг отшельника, ты один жил в диком лесу в молчании и одиночестве. Но не страшен ли сей подвиг, не страшно ли тебе было, отче?

И Сергей отвечал:

- Страшен сей подвиг. Но, Кирилле, Кирилле, разве не страшна, погляди окрест, доля людская? В дикий лес и безмолвие уходя, знал я, как люди бьют и режут друг друга, как князя вцепляются друг другу в глотки, как страдает простой люд, а поганая Орда рада русским распрям и пьет кровь и сок Руси. Потому даже в диком лесу среди зверья не так страшно, как меж людей. Но у отшельника есть и свой, особый страх, когда душа не выдерживает самого подвига. И дьявол пользуется сим, и запугивает, наполняет твою келью то чудовищами, то змеями мерзкими, липкими, ползущими отовсюду. А то соблазняет невесть откуда взявшимися голыми женками. А как победишь все, как мысленно улицезришь Богородицу, вот тут и радость невыразимая, небесная.

- Так пошто же возвращаться в мир, к людям, отче, от таковой радости? - спрашивал Кирилл.

И Сергей пояснял: в отшельничестве на ступень к Богу поднявшись, должно для того к людям возвратиться, дабы строить Божий промысел среди них. И с дьяволом бороться во всех его напастях. И та же самая Орда есть дьявольская напасть.

- А не напрасна ли такая борьба, отче? - сомневался Кирилл. - Сам знаешь, велика была битва Куликовская, велика была радость победная. А вон как все обернулось: после Мамаю пришел другой хан - Тохтамыш, и зверствовал, тьму народу вырезал, и Москву пожег. Так какой прок?

- Прок был велик, - объяснял Сергей. - Впервой Русь Орду побил. И верую я - не напрасно великого князя на битву благословил, ему сказавши: «Победиши враги твоя». И не напрасно богатырей-иноков Пересвета и Ослябю на ратный подвиг посылал, схимы на них возложил, крестом Христовым украшенные, и напутствовал их: «Вот вам, дети мои, оружие нетленное». А сердце мое кровью обливалось, знал я, чуял - не вернуться они с Куликова поля. Но на то воля Божья. Но нынче Русь, даже побитая, уже не та. Дух не тот. И помяни мое слово, Кирилле, кровь на Куликовом поле еще восстанет, и с нею Русь восстанет. За то нам и должно молиться Господу.

После таких бесед все просто и ясно становилось Кириллу, душа успокаивалась, сомнения отступали.

Но вот уже шесть лет, как преставился преподобный Сергей, воспарил к Господу, и, лишившись учителя и оплакав его, словно потерял Кирилл опору духовную. Сам же чувствовал: что-то важное им не сделано, не продолжено дело преподобного в полную меру. Потому глубокое беспокойство и недовольство собой таится в его душе. Временами тоска грызет душу. А то - грех.

Только вот в последние дни наполняет его какое-то ожидание.

ВИДЕНИЕ

В жизни Кирилла, кроме матери, женщины не было. Ни единой. Но как-то раз тот же Савва подвел к нему девочку-малолетку, годов десяти-одиннадцати. И, взглянув на нее, Кирилл поразился - какая красота. Будто стоял перед ним ангел Божий. Прозрачная, тоненькая, трепетная, белые косы ниже пояса, губы вишневые, а глаза заплаканные. А Савва пояснил: вот, мол, племянница, Ведой зовут. Горе у нее. Отец ее помер. И надо бы родителя отпеть, а нонче покойников, как на грех, много, и в другую церковь покойного для отпевания отправляют. Попроси, брат Кирилл, чтобы мертвое тело куда бы то не везти, а тута отпеть, тебя уважают, брат Кирилл, твое слово веское, пособи сиротке.

И Кирилл пособил: отпели Вединого родителя в монастыре, а Кириллу после долго заплаканные глаза сироты, ангела во плоти, снились. Меж тем Савва, после тохтамышского разорения, куда-то пропал: видать, убили его безбожные ордынцы, тогда они многих чернецов поубивали. А что стало с Ведой, Кирилл не знал. Ему это и знать не надо...

Но был единожды ему сон, его испугавший: он увидел во сне Веду, и не девочкой-малолеткой, а взрослою женщиной, расцветшей зрелой красотой. И, проснувшись, он ужаснулся своей греховности. А может, то - от бесов? И открывши «Житие» преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, он перечитал там, как искусны бесы на многие пакости. Святой Феодосий, как говорилось в «Житии», «слышал в пещере шум от топота бесчисленных бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопелки, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не пал духом, не ужаснулся сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тогда затихало все в пещере...» Вот как бывало с преподобным Феодосием. «А еще пакостили бесы в доме, где братия хлеба пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба и много других разных пакостей творили».

Но с ним, Кириллом, такого отродясь не было - хранил Господь. И известно Кириллу о главной бесовской пакости, когда бесы принимали облик голых женок и являлись к святым отцам, дабы соблазнять их. И кое-кто соблазнялся и погибал. Но большинство святых отцов хранили целомудренную твердость и посрамляли бесов с их искушением.

От таких искушений Господь его, Кирилла, тоже хранил. Но к чему все же такой сон ему, с приснившейся Ведою? Женщина со своими земными и плотскими помыслами может только помешать главному делу жизни - духовному подвигу и спасению. И даже во сне являться женщине запрещено.

В его жизни была единая Дева - Пречистая. И каждый свой день начинал и завершал молитвой Богородице.

И на этот раз, день завершив, еще раз вспомняв преподобного Сергия, учителя своего, уже глубокой ночью, готовясь пропеть акафист Богородице, он задумался над тем, как влиятельна и благодатна Пречистая в земных делах, какие удивительные чудеса ею совершаются. Взять последнее ее великое чудо - два года назад. Было это у всех на глазах.

Шла тогда на Русь новая, чудовищная беда. Объявился враг пострашнее Орды. Двинулись на Русь несметные полчища Темир-Аксака¹, непобедимого «железного хромца», как его называли, покорителя Китая, Бухарского, Персидского и других царств, победителя Тохтамыша. И пообещал ведомый, видно, самим дьяволом «железный хромец» предать Русь мечу и огню и искоренить на ней христианскую веру навсегда. И казалось, не было спасения. Митрополит Киприан объявил всенародное очищение и всеобщей пост. В забитых беженцами церквах денно и ночью возносились молебны о спасении. И было решено перевезти из Владимира в Москву древнюю святыню - чудотворную икону Владимирской Богоматери. Вся Москва от мала до велика устремилась встречать чудотворный образ Пречистой. Тысячи рук тянулись к ней с мольбой и надеждой.

И случилось чудо. И все знают об этом. В тот день у Ельца остановил Темир-Аксак свои войска и повернул их назад, в степь. Но нет тому разумного объяснения. Есть чудо - Богородица спасла.

Кирилл же знает - Богородица явилась во сне «железному хромцу» и запретила ему двигаться на Москву, устранив его.

И сейчас в своей келии Кирилл, начиная молиться Богородице, зовет ее: «Мать Божия, Царица небесная, Москву спасающая, помилуй и спаси меня. Пошли мне чудо».

И случилось. И произошло. Было ему видение. Вот как о том говорится в «Житии» Пахомия. «Когда он молился и, по обыкновению, пел акафист Пречистой перед ее образом, случилось, что дойдя

¹ Так называли правителя Тимура.

до места в иконе: «Чудесное рождество видя, отстранимся от мира и мысль обратим к небу», - он услышал вдруг голос, говорящий: «Кирилл, уходи отсюда и иди на Белоозеро, ибо я приготовила там тебе место, на котором ты можешь спастись». И тогда же, разом с этим голосом, засиял яркий свет. Открыв оконце кельи, Кирилл увидел луч света, указывающий на север, в сторону Белоозера. И тем же голосом, словно перстом, ему было показано то место...»

И величайшее потрясение и необычайная радость охватили Кирилла. Он встретил это утро уже другим человеком. Решившимся и способным на подвиг.

ПУТЬ

Видение Богородицы - главное событие в жизни Кирилла. Вся его жизнь переломилась: до этого и - после. Кирилл, как пишет Пахомий, «всю ночь удивлялся видению и голосу, и была для него эта ночь не ночь, а словно пресветлый день».

По «Житию» Пахомия, Кирилл ничего не сказал о своем видении Ферапонт, открылся ему, лишь когда они достигли цели и пришли на Белоозеро. Но есть краткий вариант «Жития Кирилла Белозерского», составленный учеником знаменитого подвижника Нила Сорского Гурием Пушкиным. Согласно этому варианту, Кирилл сразу же рассказал Ферапонт о своем видении. «У него был там духовный брат, верный ему Ферапонт, и он рассказал ему о своем видении, и тот, услышав, прославил Бога. И, договорившись, они вдвоем отправились в путь».

У Кирилла и Ферапонта было много общего. Они будто предназначались друг для друга. Были ровесниками и умерли оба в девяносто лет (Кирилл прожил немного больше).

Ферапонт, как и Кирилл, тоже происходил из знатного рода - бояр Поскочиных. И принял в одном году с Кириллом постриг в том же Симоновом монастыре. И оба были одержимы верой.

Разумеется, Кирилл еще в Симоновом монастыре был более известен и авторитетен, чем Ферапонт. К тому же - книжник, мыслитель, а вот Ферапонт являл скорее тип практичного человека. Он даже и в грамоте не был силен.

Физически они тоже различались. Ферапонт довольно высок, крепок, а Кирилл маленький, сморщенный, но вынослив, жилист.

Они были аскеты, а духовная аскеза создала и развила в них особые свойства особых людей. Они отличались прекрасным здоровьем и невероятной с современной точки зрения выносливостью, поразительной живучестью. Это позволяло им преодолевать огром-

ные расстояния, переходить топи, переплывать реки, в случае необходимости - выдерживать длительный голод (они могли не есть без особого ущерба для здоровья по нескольку дней).

...Вот идут, идут они, Кирилл и Ферапонт, в рясах, с посохами, корзины с нехитрым скарбом за плечами, идут на Белоозеро.

Я понимаю, почему они не принимали нашего мира, и они правы - он ужасен, наш мир. Каждую минуту, каждое мгновение в нем свершается столько зла - убийств, жестокостей, несправедливостей, обманов, преступлений, насилий, изнасилований, слез, извращений, смертей, и это происходит непрерывно. И благо, что мы не в силах все это представить, осознать. Мы эгоистично успокаиваем себя - это, мол, происходит не с нами. Но ведь каждого из нас, как бы счастливо и удачно ни склеивалась у кого-то судьба, все равно ждет боль и смерть. И ничего нельзя изменить.

А они, Кирилл и Ферапонт, все идут и идут на Белоозеро. От города к городу, от деревни к деревне. От Москвы до Вологды путь далек, но обжит, проезжен, истоптан. И леса не столь обширны, и через реки - мосты. А вот за Вологдой начинается «великий лес». Беспокойный, древний, могучий, чащобный, населенный зверьми, гадами и, как полагали, нечистью: лешими, водяными, кикиморами. И еще на пути - озера, болота, реки - чаще всего без мостов и переправ. С узкими тропами, а часто и безо всяких троп. Но все равно надо идти. Чтоб самим спастись. И людей спасти.

Пройдя через Волок Словенский, путники вступили в поселение, и, как оказалось, в недобрый час попали: здесь были похороны. За селением был насыпан высокий курган, и похоронная процессия, неся два гроба - взрослый и детский - потянулась к кургану.

Кирилл и Ферапонт, подойдя к старушке, стоявшей у крайнего жилища, спросили, кого хоронят и что здесь приключилось. Старушка, зорко оглянув странников и узнав, кто они, пояснила: хоронят жену и малолетнюю дочку Прона, хорошего мужика, да нечестивого. А приключилась беда - разбойничье нападение. Объявились в округе лихие люди - разбойники. Главарь у них Каином зовется. А смертоубийство случилось так: Прон с женой и дочкой возвращались с рыбалки с озера. Пошли ближним путем - через лес. И напоролись на трех татей в кустах. Двое на Прона напали, и пока он от них, схвативши корягу, отбивался, третий тать зарезал Пронову жену и дочку-малолетку, десяти годков. Вот какое злодейство. И все три татя в лес сбежали. Горе, горюшко у Прона несказанное. Старушка замолчала, и странники, все поняв, тоже помолчали, попереживали.

- Не пойти ли нам, Кирилле, к могиле? - сказал Ферапонт. - Не утешить ли Прона в горе, как сможем?

- Не христиане они вроде, брат, - произнес Кирилл. - Сам видишь, курган насыпан. Не христианский обряд сие.

Но тут старушка вскинулась, рьяно заговорила:

- Не то, не то, старцы. Христиане мы. Токо новокрещенные. Вот, зрите!

Старушка за пазуху руку засунула, крестик вынула на бечевке и странникам крестик показала.

- У них, видать, не все устоялось, - в раздумье сказал Кирилл. - Все еще вперемешку. Пошли к могиле, Ферапонт, все одно - люди.

Пошли к могиле, толпа перед незнакомцами расступилась почтительно и выжидающе. Люди были в праздничных белых сорочках, поневах, вышитых рубахах (видно, таков здесь обычай). Кирилл подошел к гробам, с жалостью вглядываясь в лица убиенных. Покойницы были красивы и нарядны, в узорчатых одеяниях, украшены бусами, ожерельями, браслетами. На лице мертвой девочки застыло скорбное удивление. В гробы было положено все необходимое: два гребня, зеркала, два пряслица и веретена и многое, что сподручно всегда женскому полу иметь при себе. А в гробу у девочки еще лежали игрушки: кукла тряпичная, свистулька. Надо же ей и в загробной жизни игрушками играть. И подумалось Кириллу: вроде на Веду похожа. О, Господи...

Кирилл перекрестил убиенных. Потом достал из корзины медную иконку - Богоматерь Умиление - и печально изрек:

- Царство небесное, мати и дочка. Вот зрите, люди, перед вами образ Богоматери нашей, Заступницы. Кладу сию иконку в гробик невинно убиенной отроковицы. И верую: настанет миг, оживет сия девочка, и мати ее оживет. Гробы распахнутся, и образ святой Богоматери явится опять на свет Божий.

Через много лет, через века иконка Богоматери Умиление на самом деле опять вернулась на свет. Нефедьевский могильник в современном Кирилловском районе был раскопан археологами. И рядом со скелетиком ребенка была найдена эта медная Богоматерь. Только вот девочка все еще не воскресла, не ожила. А я так этого хочу.

Когда курган с матерью и дочкой засыпали, к Кириллу и Ферапонту подошел здоровенный красивый мужик (это оказался Прон) и, отерев рукавом слезы, сказал:

- Благодарствую вас, люди добрые. Утешили вы меня. Дочке-то с Богоматерью легче лежать будет. И жене моей, убиенной, тако спокойнее. А вы будьте гостями, ночевайте у меня.

- Нет, Прон, - твердо произнес Кирилл. - Благодарствуй и ты. А нам итить далее надобно.

- Не можно далее, - замахал руками Прон. - Тамо же, чуть в лес ступишь, тати проклятые. Каин-кровопийца. Живота лишиться можно. Они же хуже зверья. А в обход пойдете - земли чуди некрещеной. Тоже опасно.

- А чего же нам делать, Прон? - спросил с беспокойством Ферাপонт.

- Воротиться, старче! Верно я вам баю - воротиться.

Но Кирилл покачал головой:

- Нельзя ворочаться. Нас Богородица обережет. Мы пойдем далее.

В САТАНИНСКОМ МОНАСТЫРЕ

А в разбойничьем скиту в лесной чащобе идет судилище.

- Пошто убил женку с отроковицей? - спрашивает главарь по кличке Каин стоящего перед ним на коленях молодого разбойничка Семку. По бокам его (руки за спиной связаны) два бородача с засученными рукавами. Заплечные мастера, верные Каиновы подручные. Такие в един миг башку открутят. На поляне полукругом стоят другие тати, судилище всем в назидание.

- Помилуй, Каин, - жалобно тянет судимый с надеждой разжалобить главаря, хотя сам в это плохо верит, - виноватый.

- Я тебе покажу - Каин! - вскипает главарь. - Как вам, всей братии, велено меня величать?

- Владыка, - хнычет убийца. - Помилуй, Ка... владыко!

Стоящие вокруг тати ухмыляются в бороды. Занятно сие. Хотя всем и не по себе...

Разбойничья ватага объявилась в чащобе небывалая. Набрал ватагу и уведши ее в белозерские леса, Каин объявил, будто он основывает здесь, в чащобе, монастырь. Сам он - игумен сего монастыря, а ватага - братия. И устав здесь будет монастырский. Но особый - князю тьмы посвященный, то есть сатане. И все службы будут сатанинские. И деяния тоже. Кто не согласен, пусть сразу на все четыре стороны убирается, пока голова цела. И кто устав сатанинский нарушит, будет наказан беспощадно.

- А ты, тать, наш устав нарушил, - говорит Каин стоящему на коленях. - Ты - убивец. А мы все же не убивцы. Мы верные слуги

князя тьмы. И устав гласит: убий, но толь ради пользы сатанинской.

- А я-то, я-то... того... пользы ради, - пытается невнятно оправдываться разбойничек. - Меня-то баба подговорила, а я дружков подговорил.

- Какая баба? - вопрошает Каин.

- Ульяна.

- А пошто то?

- Мил ей Прон. Без Прона, мол, мне и жизнь не в жизнь. А ему-то, Прону, милы были женка да дочка. Вот ежели бы их не было, ежели бы их порешить... Гривну мне заплатила. Ради гривны, владыко...

- Дурья ты башка! Гривну взял, а убытку на сто рублей. И не сосчитать убытку. Для чего мы все здесь, братие? Какой-то раз вам скажу: дабы великое, тайное число - шестьсот шестьдесят шесть - возвеличить и приход великого царства антихристового ублизить... Близится время сатанинское, братие, грядет срок. И мы тому служим. И всем нам должно веру нашу сатанинскую в простом народе творить - крепить, ширить. Потому не грабь простого человека, не убий простого человека, он - наш брат по сатане. Убий боярина, и службу, и холуя боярского. Убий и грабь купца богатого. А перво-наперво убий священника, Христова раба. А тот, кто простого человека убил и вражду к нам посеял, тот содеял кровную вину перед господином тьмы и всеми нами. А ты, убивец, сполна ответишь за свою вину...

- Невинный я, - гнусавит стоящий на коленях. - Баба Ульяна подбила.

- А Ульяна-то теперь тута, - раздается чей-то голос. - Зрел я - она к нам явилася. Тута она.

- Где Ульяна?

- В келии, у игуменьи сидит. Ворожит ей игуменья...

- Пошлите за ней. Скажите, я сам зову. И игуменью кликните.

В землянке, называемой келией, Ульяна, толстая молодая баба из ближнего поселения, просит другую женщину, которую все называют игуменьей и считают женой Каина:

- Помоги, приворожи Прона... Он теперь свободный. Приворожи, заколдуй. Жить без него невмочь. Вот гривна.

Та берет гривну, пробует на зуб, с усмешкой глядит на Ульяну, некоторое время молчит, после, взяв кусочек угля, чертит на щеках и лбу женщины какие-то знаки... Потом начинает бормотать что-то невнятное, но постепенно голос ее проясняется и крепнет. Она произносит заклинание. И Ульяна повторяет ее слова:

- Встану я и пойду в лес дремучий, к дубу кряковатому. Стану я под дуб кряковатый, священный и поклонюсь ему. Дай мне, дуб кряковатый, силу крепкую, неодолимую. И поклонюсь потом буйным ветрам: ой вы, буйные ветры, повеите на меня и обвейте мои шестьсот шестьдесят шесть составов и мои шестьсот шестьдесят шесть жил, и всю плоть, и всю кровь, и все сердце - и свейте вы, ветры, думу и помышление, тоску и сухоту. И обвейте вы, ветры, моего полюбовника Прона, его очи, и все шестьсот шестьдесят шесть жил и составов, и всю плоть. И заполоните вы, ветры, у Прона душу и тело, думу и помышление. Как всяк человек не может без хлеба, как рыба не может без воды, как младенец - без матери, тако и Прон не может теперь без меня. Как бык скачет на корову, как жеребец - на кобылу, так и он бы скакал на меня, девицу. И в уста бы меня целовал, и блуд творил - и насытиться никогда б не мог. И не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни есть, ни пить...

Глаза у женщины горят, ее тело бьет дрожь, но в землянку вваливается один из татей и прерывает заклинание...

- Кончайте, владыко кличет.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Женщины приходят на поляну, и все взгляды теперь устремлены на них. Стоит напряженная тишина.

- Подойди-ка ко мне, Ульяна, - говорит Каин. - И свидетельствуй правдиво. Чегой-то ты не в себе, а?

Ульяна бледнеет, в ее глазах страх. И тут на поляну вбегают один из дозорных (дозорные сторожат разбойничий скит на каждой тропе).

- Владыко! - кричит дозорный. - Старцев пымали!

- Каких старцев? - в голосе Каина удивление.

- А кто их знает... По тропке они шедши.

- Ведите, - приказывает Каин.

Из-за сосен другой дозорный выводит Кирилла и Ферапонта. Все с изумлением смотрят на них. Каин приблизился к пленникам, всматривается, словно не веря собственным глазам. Потом радостно ухмыляется.

- Кирилл? Ферапонт? Неужто вы? Неужто?

Теперь уже пленники всматриваются в говорящего. Первым узнает его Кирилл.

- Савва! Ты? Живой?

Встрепенулся и Ферапонт:

- И верно Савва.

Каин снова усмехается:

- Был Саввою. Давно кончился. Теперь - игумен, владыко.

Кирилл протестующе взмахнул рукой:

- Какой ты игумен? Разбойник ты стал, тать.

Каин перебивает его:

- Молчи! Вы мои пленники теперь. Жить надоело? Молчи!

Кирилл сокрушенно разводит руками:

- Сподобил же Господь - встретились...

И опять Каин перебивает его:

- Какой там Господь? То сподобил мой господин, князь тьмы.

И тут он обращается к окружающим:

- Судилище покуда кончаю. Ульяну покуда с игуменьей оставить.

Семку (жест в сторону судимого разбойника) - в яму, и етого (показывает на Ферापонта) туды же. А вот тебя (это уже Кириллу) прощу ко мне в келию, поговорить надо. По душам.

Когда они втроем - Каин, Кирилл и женщина, названная «игуменьей», вошли в землянку, Каин сразу спросил у Кирилла:

- А ее-то признал?

Пристально посмотрев на женщину, Кирилл ответил:

- Как же... Признал. Веда она.

- Ишь ты, - удивилась Веда. - А я-то не признала. Вроде бы и не шибко изменился чернец, постарел, но все такой же... А я-то не изменилась, что ли, старче?

- Изменилась. Еще краше стала.

Перед ним стояла уже не девочка с заплаканными глазами, как пятнадцать лет назад, а женщина в расцвете своих сил и красоты, с длинными белыми волосами (в такие закататься можно), с огненным, пронзительным взглядом...

Каин хохотнул.

- А ты влюбись, влюбись в такую красоту, Кирилле. Ты же женщин не знавал, бедный. И так и не узнаешь... А она - сладкая. Я с нею, как с женою, живу. И понесла она от меня. К зиме ей рожать.

- Она же племянница твоя, - Кирилл опустил глаза. - Кровосмесьство. Грех-то какой.

- А чем грешнее, тем слаще, Кирилле. И она же тебя один раз уже в грех втянула.

- В какой грех? - удивился Кирилл.

- А вот в какой. Ты же помог отца ейного отпеть. А отпевати его не можно было. Ево в другие церкви не брали отпевать - черно-книжник он был, колдун. Вот и дочка по стопам родителя пошла.

Ведьмой стала, хоть и объявлена мною игуменьей.

- Да, я - ведьма, - спокойно произнесла Веда. - А ты, Каин, не мучил бы человека. Поговори да отпусти его с товарищем на все четыре стороны. От них вреда нет никакого.

- Не женского то ума дело, - в голосе Каина прозвучало раздражение. - Потому иди покуда, Веда, отсель. Нас одних оставь. У нас разговор будет мужской. У меня к сему Божьему человеку свой счет.

СПОР ПЕРЕД ПОВЕШЕНИЕМ

Веда ушла. И они долго и рьяно говорили вдвоем. Кирилл обличал Каина, бывшего Савву, стыдил, взывал, ужасался, просил, заклинал.

Все было понапрасну. Перед ним уже был конченный человек. И, выслушав Кирилла, Каин уже заговорил сам, и в словах его звучала даже печаль.

- Эх, Кирилле, Кирилле, не трать зря слов. Знаю я все. Те же, что и ты, книги читал, те же и молитвы творил. И отверг. Все отверг. А пошто? Душа моя поломалась и переменялась, Кирилле. О том просто и не сказать. Верно, была во мне и роду нашем, как говаривали, червоточина. Было и у меня сомнение: в монастырь по нужде пошел. Однако же с отрочества жаждал я веровать - и в Бога Вседержителя, и в Христа Богочеловека, и в Матерь Божию Богородицу. И начал было веровать уже, будто Христов Промысел мало-помалу на земле утверждается. Как раз побили Мамаю на поле Куликовом. В том я тоже увидел христианской веры победу. А потом? В одногодье пришел вместо Мамаю Тохтамыш - и какой тогда был смертный ужас на Москве, не рассказать. Тебя-то твои Вельяминовы на добрых конях с Москвы вывезли, спасли...

- Был такой грех, - опустил голову Кирилл.

- Вот то-то... А я остался, мне бежать было некуда. И как татары пошли на приступ, мы, чернецы и многие женки, старики и дети заперлись в храме Рождества Богородицы и молились о спасении. И как ордынцы ворвались, выбив ворота, в храм, вопль многоголосый потряс его стены. И сам я видел своими глазами, как терзали татары тут же, в храме, как насильничали женщин и девочек, как резали детей и стариков. И меня в тот миг ужасный, как огнем, прожгло. Воззвал я к сатане о спасении. И Веда со мной была рядом. И сатана спас нас - среди груды мертвых тел живыми остались... А как татары ушли, выползли из мертвого храма, забрались в подвал какого-то разоренного терема и просидели в темноте три дня и три ночи. А

после шли вместе из разоренной Москвы, вознося хвалу сатане. А о том, как ватагу разбойничью набрали, как в сих местах оказались, рассказывать долго - да и ни к чему.

- Велики грехи твои, Савва, - вздохнул Кирилл. - Но Бог милостив. И тебе, может, обратный ход к Богу еще не закрыт. Покайся!

- Не хочу! - вскричал Каин. - Не хочу верить в Христа твоего распятого. Не было Богочеловека, сына Божьего. А был юродивый, одержимый, в больных видениях живший и наяву бредивший. Его лечить надо было, а не превращать в Сына Божия. И не было никакой Богородицы и непорочного зачатия, ибо Мария была женкой обыкновенной и не только бесноватого Христа родила, но и других детей. Сам знаешь, есть на то свидетельства.

- Того и знать не хочу, - перебил его Кирилл. - Не кощунствуй, тать. Поберегись Божьего гнева.

- Это ты поберегись. Это ты в моих руках. Чего хочу, то с тобою и сотворю. Только мне с тобою сперва наговориться надо, выговориться... С моими-то душегубами много не наговоришь. Но они мою правду нутром чуют.

- В чем же она, твоя правда?

- А в том, Кирилле, что чрез своего господина, князя тьмы, узнавши я, каков есть человек.

- Каков же?

- А вот Христос говорит - добренький он, человек, жалостливый, милостивый. Лжет он - твой Христос! А мой господине, сатана, мне проповедует: человек - зол, жаден, завистлив, жесток, похотлив. И из того надо исходить, дабы истинное, а не ложное людское новое царство построить.

- На него ты, грешник, и надеешься?

- Есть надежда. Есть у меня, Кирилле, великое мечтание. И о том скажу. Ты уже почти што мертвец, ты завтра умрешь, Кирилле. От чего же тебе-то не сказать? Я, Кирилле, мечтаю: сын у меня родится, и будет он тот, кого давно ждут, предрекают и зовут Антихристом. О том я кажинный день сатану молю. Ведь предсказано: Антихрист родится от связи кровосмесительной. У нас с Ведой то как раз и есть. Я о том много и трудно размышлял. «Кто он такой? - говорит Феофилакт Болгарский. - Не сатана ли? Нет, он некий человек, принявший всю его силу». Таков будет сын мой, пошли мне его сатана! И объявит он себя новым Христом, и люди поклонятся ему, яко истинному Христу.

- Замолкни! - Кирилл уже говорил громко, глядя ему прямо в глаза. - Проклинаю тебя! Ждет тебя кара небесная и муки вечные!

- Это тебя муки ждут, - произнес спокойно Каин. - Было мне

видение от князя тьмы. Предрекаю тебе - пройдет время и будет на вас великое гонение. И храмы ваши будут закрыты, поруганы и разрушены. И служители ваши в тюрьмы пойдут, и муки примут, и будут их резать бесславно и бесчестно, как скотину. И будут сжигать ваши иконы, и в водах их топить, и изгаляться над ними, и плевать на них... А тебя, Кирилле, я завтра повешу. Рядышком с Ферапонтом, на одном древе. Я тебя никогда, признаюсь, не любил, всегда тебе завидовал... Тем и закончим наш спор. А ежели ты и далее спорить горазд - то, как мы тебя будем вешать, вызови свою Богородицу, испроси у нее для себя и Ферапонта спасение. Эх, Кирилле, не явится к вам Богородица, не спасет - ты уж мне поверь. У тебя одна надежда спастись: отрекись, восславь князя тьмы, прими веру сатанинскую во спасение своего живота... Или тебя с Ферапонтом вздернем. Истинно будет видно перед повешением, кто в нашем споре прав и сильнее - твоя Богородица или мой князь тьмы.

НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА

Ночью Веда спустила в яму веревку. И тать Семка, ждавший суда, выбрался наверх. И зарезал Каина.

Кирилл и Ферапонт тоже выбрались из ямы. Светало. Разбойная шайка собралась на поляне, посреди которой лежал убитый Каин.

- Нету больше Каина, - объявил ватаге Семка. - Атаманом у вас теперя буду я. Кто не согласный?

Ватага молчала.

- То-то. Молчите - значит, согласны, - уже властно произнес Семка. - А вы, старцы, идите своей дорогой. Я вас отпускаю.

- Пойдем, Ферапонт, - тихо молвил Кирилл. - Господь и Пресвятая Богородица спасли нас.

Ватага молча расступилась. Старцы двинулись по тропе в лес.

- Меня возьмите! - это вслед закричала Веда. - С собой возьмите! Спасите меня!

- Пошли, женщина, - сказал Кирилл. - Но до первого лишь селения. Там останешься. А идти с нами - женщине запрещено.

Прошло сорок пять лет. Кириллов монастырь стал знатен и именит, строился и креп. И уже пятнадцать лет прошло, как не стало в живых Кирилла.

Пахомий Серб, прибывший в обитель, дабы собрать сведения о святом Кирилле для писания его «Жития», однажды стал свидетелем, как к воротам монастыря подъехала подвода, на ней - возчик и

две старухи. Одна из старух - бесноватая, непрерывно выла, произнося какое-то заклинание:

- Обвейте вы, ветры... шестьсот шестьдесят шесть жил и составов и всю плоть...

Возчик и другая старуха подтащили бесноватую к Святым воротам. Она упала ниц, завывала еще сильнее, потом затихла, успокоилась. Ее опять водрузили на подводу. Она лежала уже безмолвно, неподвижно.

- Что сие значит? - спросил Пахомий.

- Заклятье на ней, - ответила другая старуха. - Великий грех на ней. И он ее мучит. А как привезем к монастырю - успокаивается на время.

- А ежели в сам монастырь ввести? Не исцелится ли сполна?

- Нельзя, - строго произнесла старуха. - Грехи и на ней, и на мне. У меня вот сын здесь в иноках. А мне и ей нельзя. Как сказал преподобный - женщине запрещено.

- Как имена ваши?

- У меня - Веда, - ответила старуха. - У ней - Ульяна...



На этом мое повествование прервалось. Я не мог написать бестселлер о русском святом. Его тайна не открылась мне. Это запрещено не только для женщины, у которой другое предназначение. Это запрещено и для писателя с мятущейся душой.

ТАЙНЫ ГОРИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ



Мое увлечение Горицами (это было в далекие 60-е годы) началось с того, что я узнал: сюда была заточена красавица Ксения Годунова. О Ксении мне было известно из трагедии Пушкина «Борис Годунов». Тоже не обошлось без Пушкина. Потому я поехал посмотреть это место. И открыл для себя Горицы...

Многие знают о Кириллове и Ферапонтове, их знаменитых памятниках. О Горицах за пределами Вологодчины известно немногим. Но можно с достоверностью утверждать: это место - уникальное, особое. Здесь сами камни вопиют о судьбе русской женщины, о страстях человеческих, тайнах, падениях и взлетах. Здесь переплелись судьбы множества удивительных русских женщин...

Удивительно красивое место: холмы, леса, разлив Шексны, живописные острова на ней. И монастырь, гармонично вписывающийся в грандиозную и прекрасную панораму природы...

Обитель основывалась княгиней Евфросиньей Старицкой как место душевного успокоения и служения Богу. В 1544 году здесь был возведен на деньги Старицких соборный храм Воскресения, который при всех своих утратах, переделках и запущенности гордо стоит в центре обители поныне. Он громоздок, непропорционален, несколько нелеп в этой неуклюжести, но производит неизгладимое впечатление. По существу, история Гориц - это трагедия, начавшаяся со времени основания обители.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

...Октябрьской ночью 1569 года в монастырь ворвался отряд опричников Ивана Грозного. Писатель Вл. Железняк написал об этом так: «Взяв в Горицком монастыре Евфросинью и ее келейницу и санных девушек, опричники, не дожидаясь утра, погнали плачущих и полураздетых пленниц к реке Шексне. Здесь началась дикая расправа. Двенадцать женщин постреляли из пищалей и порубили саблями. Тела их, искрошенные на куски, отдали на съедение собакам. Саму княгиню Евфросинью засунули в мешок с камнями и бросили в воду на корм окуням и щукам».

Мне неизвестно, каким историческим источником пользовался писатель, ведь в данном случае речь идет не о художественном произведении, а о его исторической статье. Но во всяком случае все источники, хотя и по-разному, говорят об этой трагедии.

Чем же она была вызвана? Вероятно, трагедия в Горицах явилась

кровавым следствием «большой политики», ставкой царя на террор. Иван Грозный избрал в качестве жертв своих близких родственников Старицких, чтобы затем приступить к расправе над другими неугодными лицами и даже целым городом - Новгородом, где впоследствии произошла массовая кровавая бойня.

Безусловно, близкие родственники царя Старицкие были людьми неугодными. Боярская оппозиция предпочитала видеть на троне именно одного из Старицких - Владимира, двоюродного брата царя. Но он был безвольным человеком, не борцом, не заговорщиком. Главным своим противником Иван Грозный считал княгиню Евфросинью, мать Владимира, - женщину властную, стойкую, непокорную, тщеславную, сильную. Потому она и была насильно пострижена по приказу царя в монахини под именем Евдокии и сослана в основанный ею Горицкий монастырь. Так в 1563 году она и оказалась в этих местах.

Евфросинья-Евдокия была натурой одаренной, художественной. Она великолепно вышивала и содержала целую мастерскую искусных вышивальщиц, где создавались настоящие художественные произведения. В музее Кириллова хранятся два из них - плащаница и фрагмент хоругви. Политику она, видимо, уже оставила, гордыню смирила. Напрашивается мысль: Евфросинья Старицкая и Иван Грозный уже выбрали разные пути. Она обратилась к божественному. Он же все более впадал в душевную тьму...

«С осени 1568 года, - писал историк А. Зимин, - Иван Грозный под влиянием слухов о боярских заговорах и опасаясь «мора», все больше и больше времени проводил в Александровской слободе и на Вологде...» В отдалении от столичной жизни обдумывал он, какой путь избрать. Что-то непостижимое было в этом человеке, его невероятном лицемерии - даже перед самим собою. Царь вроде искренне тяготился шапкой Мономаха и хотел бы стать простым монахом Кириллова монастыря. Как пишет известный специалист по этой эпохе Р. Скрынников: «Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью несколько старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах». Притом убедил кирилловских старцев в своей искренности - ему поверили. Для царя даже срочно приготовили особую келью. Ждали: вот-вот примет постриг. Царь истово каялся в послании в Кириллов в своих грехах: «Сам бо всегда в пианстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе...»

А вместе с покаянием готовил «чудовищный процесс» (выраже-

ние Р. Скрынникова) над Старицкими. Владимира обвинили в попытке отравить царя, в сговоре с этой целью с дворцовым поваром. «К расследованию были привлечены в качестве свидетелей ближайшие льстецы, прихлебатели, палачи». Царь лицемерно заявил, что не хотел бы проливать родственную кровь. И потому князю, а также его жене и малолетним детям присудили самим выпить яд (так, мол, без пролития крови). Тщетно, рыдая, они пытались доказать свою невиновность. Рядом с ними уже стоял главный палач - Малюта Скуратов. И они сами испили смертную чашу (хотя есть и другие версии их смерти).

Расправившись с семьей Старицких, царь послал отряд опричников уничтожить свою тетку Евфросинью. Опять же имеются различные версии этой расправы. Бытуют на этот счет и различные легенды. Во всяком случае в горицкой рукописи говорится, что опричники утопили в Шексне четырех женщин: инокинь Евдокию, Марию, Александру и игуменью Анну. Нападение на женский монастырь считалось величайшим грехом. Теперь уже было «все дозволено». И ужас дьявольского террора обрушился на Русь.

А царь все еще делал вид, что собирается пойти смиренным монахом в Кириллов. Но вместо того ссылал в Горицы надоевших ему жен: свою четвертую супругу Анну и седьмую по счету - Марью.

В Горицах над могилами Евдокии (Евфросиньи Старицкой) и ее родственницы Александры (княгини Юлиании) впоследствии, в XIX веке, был возведен монументальный Троицкий собор. Он стал величественным памятником мученицам.

КРАСАВИЦЫ В ЗАТОЧЕНИИ

Иван Грозный, однажды проезжая по белозерской земле, якобы заметил: «Бабы у вас хороши». А царь знал в женщинах толк... Иван Грозный превратил монастырь в место ссылки и заточения московских красавиц, в том числе своих жен.

Кажется, до сих пор его тень как бы витает над древними монастырскими стенами...

В 1572 году Иван Грозный решил жениться в четвертый раз. Но четвертый брак запрещался церковью. И вот тогда, как пишет историк Д. Мордовцев, «...созван был собор святителей - митрополит, архиепископы, епископы, игумены, царь смиренно молил о разрешении ему четвертого брачного союза». Иван IV плакал и каялся, уве-

рял, что он - несчастнейший человек. И, как исключение, четвертый брак ему был разрешен.

Иван Грозный женился на восемнадцатилетней Анне Колтовской. До этого царь почти год проводил в оргиях со многими женщинами. И что же - теперь с этим покончено? Нет. Уже через год царь предпринимает попытку взять к молодой жене еще одну «супружницу» - уже без всякого разрешения - Марию Долгорукую. Она была совсем беззащитна - из опальной семьи, где были кто казнен, кто пытан, кто сослан. И вот ей вроде бы выпало сомнительное, но царское внимание. Царь стал двоеженцем.

Но «жизнь Марии Долгорукой закончилась на второй день после брака: Грозный, узнав, что его невеста прежде супружества потеряла девство, приказал «затиснуть» ее в колымагу, повезти на бешеных конях и опрокинуть в воду» (Д. Мордовцев). Свершив казнь, Грозный перекрестился и произнес: «Воля Господня свершилась».

Можно представить, что испытывала при том и «законная» жена - Анна. Царь прожил с ней еще два года. И отправил в Горницы. В монахинях она под именем Дарьи прожила еще 54 года, хотя сколько из них в Горницах - мне неизвестно. Но есть упоминание, что в память о Марии Долгорукой она заказывала поминальную службу. И это говорит о многом...

А царь продолжал жениться - в пятый, шестой, седьмой раз. В 1580 году, будучи уже старцем, царь пленился дивной молодой красавицей Марией Нагой. Об ее красоте слава шла по всей Руси. И самодержец возжелал взять ее в жены - седьмой по счету. Тщетно молодая красавица умоляла отца, боярина Федора Нагого, не отдавать ее за царя-старика. Отец был бессилен перед деспотом... И уже на второй год супружества, когда Мария была беременна, царь начал свататься к племяннице английской королевы Елизаветы Марии Гастингс. Царица Мария в расчет уже не бралась... Но брак с англичанкой не состоялся.

А в начале 1584 года здоровье Ивана Грозного резко ухудшилось. Началась агония.

Царь умирал в муках и страхе. И многие преступления томили его. В ужасе он уже написал свое последнее предсмертное послание в Кириллов монастырь. «Ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет», - так униженно писал он монахам и просил их молиться об избавлении «от настоящей смертной болезни». И теперь уже на самом деле готов был отказаться от трона, от власти, стать простым монахом в Кирилловом монастыре - лишь

бы выздороветь. Все напрасно. Пришла расплата. Мучаясь и ужасаясь, умер царь.

А что же Мария Нагая? Трудно представить, как много пришлось пережить ей. Как будто рок тяготел над нею и после смерти царя. Ведь именно ей выпала трагедия, которая потрясла не только ее, но и всю Русь. 15 мая 1591 года в Угличе погиб ее сын, несчастный мальчик, царевич Дмитрий. И она несла тело сына с колотой раной на шее и, как безумная, кричала: «Зарезали!»

А Борис Годунов, которого многие историки считают истинным убийцей царевича, ухитрился горе матери обратить в ее вину. И царицу Марию под именем Марфы за то, что якобы недоглядела за сыном, отправили в ссылку. Сначала в монастырь на Выксе близ Череповца, затем в Горицы.

А потом настало страшное Смутное время. И монахиня Марфа сначала по требованию Бориса Годунова объявила, что Лжедмитрий не является ее сыном. Но затем, победив, Лжедмитрий принудил ее признать себя за сына Дмитрия. И даже во время восстания 1606 года, уже находясь в руках восставших, беспомощный и раненый, он обращался к мнимой матери за спасением, прося сказать, что он - Дмитрий. Она этого не сказала... И он был убит.

А в память о своем настоящем сыне Мария возвела в Горицах придел при Воскресенском соборе.

Еще одна знаменитая русская красавица в Смутное время попала в Горицы - дочь Бориса Годунова, царевна Ксения. Она была добра и чиста, образованна и талантлива, прекрасно вышивала.

Лжедмитрий при занятии Москвы своими сторонниками приказал умертвить всю семью Годуновых, лишь Ксению оставил для себя, «да насладиться красоты ея».

Расстрига надругался над пленной, беззащитной царевной и, лишь власть натешившись, отправил ее в Горицы. Светлый образ несчастной царевны вошел в народные песни и русскую литературу...

А в 1612 году Горицкий монастырь подвергся нападению польско-литовских банд, бродивших по Руси. Кириллов монастырь тогда выстоял, а беззащитные Горицы подверглись разграблению и осквернению. Много страшного тогда произошло здесь - грабеж, глумление, убийства, насилия над монахинями...

Но уже шли по Руси железные полки Минина и Пожарского, мечом вычищая весь этот сброд, терзавший Русь. Гнали и били их - по всему Северу.

Возрождалась измученная страна. Возродился после разорения уже в 1613 году и Горицкий монастырь.

В Москве утвердилась новая великая царская династия - Романовы. И любопытно, что первый ее царь, Михаил, еще будучи мальчиком, побывал в Горицах. В рукописи по истории Гориц говорится, что в 1601 году здесь побывала «княгиня Черкасская вместе со своим племянником, будущим царем Михаилом». Есть упоминание, что он приезжал сюда и еще раньше, в 1600 году, вместе с матерью. Все это нуждается в уточнении и изучении. Этот факт в нашем краеведении был до сих пор не изучен.

ЗАПРЕТНОЕ

Лицам мужского пола - и мальчикам, и мужчинам - пребывание в Горицах не запрещалось. И с этим связано немало легенд и слухов о любовных историях в монастыре.

Местные жители рассказывают даже о подземном ходе, который якобы вел в монастырь. Что же было на самом деле? Один из местных жителей уверял меня, что его отец когда-то обнаружил подземный ход, ведущий из Кириллова в Горицы, даже спускался в него. И горицкие колокола, мол, раньше под вечер зазывали монахов из Кириллова, вызванивая:

К нам, к нам,

Сиротам.

Представление о том, что само понятие женской обители неминуемо связано с грехом, довольно распространено. Но так ли это было на самом деле?

«Сладок грех около Бога» - это высказывание самого Н. Лескова, а знаменитый писатель хорошо знал нравы монастырской жизни. И некоторые факты из истории Горицкого монастыря свидетельствуют - да, грехи были. И дети рождались... В 1659 году здесь возникло дело о покраже монастырских денег и вместе с тем вскрылись случаи пьянства и распущенности отдельных монашек...

В 1690 году возникло дело о «плутовстве» черницы Марфы. 22 октября игуменье Анфисе была направлена грамота Вологодского архиерейского приказа, в которой говорилось: «Черницу Марфу за воровство, что, забыв монашеское обещание, сплутала и, сплутав, хотела свое плутовство скрыть, сбежала, вывезти на дровнях за монастырь и закопать в берег без всякого церковного отпевания».

Что же дальше стало с несчастной Марфой? Началось следствие. И выяснилось, что беременная беглянка добралась до деревни Микулино, там родила мертвого ребенка и сама скончалась во время родов. Но несчастную женщину и после смерти не оставили в покое. Страшный приказ был выполнен: мертвую Марфу увезли в Горицы и там зарыли в «берегу», как было предписано, без церковного отпевания. Был выяснен и соблазнитель Марфы - «черный поп» из Кириллова монастыря Сергей Троицкий, но он сумел скрыться.

Да, все это было. В монастырь попадали разные женщины. Ведь многих постригали в монахини насильно, в том числе и за плотские связи. Но насильно изменить женщину изнутри не всегда возможно... Безусловно, строжайшие монастырские запреты усиливали соблазн. Иногда подобное случалось и с достойными людьми. Примеры тоже есть.

Но такие явления внутренне и глубоко не характерны для русской монастырской жизни. Большинство монахов и монахинь, пришедших в монастырь, добровольно следовали своему внутреннему предназначению духовной, аскетичной жизни. Они находили высшую радость в самосовершенствовании, в служении Богу, и это было их естественным состоянием. И не было в Горицах никакого подземного хода - это легенда. Другое дело, что некоторые люди могли вносить и в монастырь свое людское, в том числе и плотское, и темное... Горицы - святое место.

ТАИНСТВЕННАЯ УЗНИЦА

Трагедией Горицкого монастыря стало то, что он был насильно превращен в место заточения и ссылки многих знатных русских женщин.

Вот одна из таких историй. В 1739 году в Горицы была привезена молодая девушка, имя которой никогда не называлось. Ее держали под строжайшим и оскорбительным надзором. Но она проявляла гордость и неповиновение. Но однажды игуменья замахнулась на нее посохом, и узница с вызовом заявила ей: «Ты должна уважать свет и во тьме. Не забывай, что я - княжна». Не встала она на колени и перед приехавшим в Горицы губернатором, и за это окно ее кельи было забито досками. Она жила в полной темноте, но так и не покорилась.

Но кто же она? По некоторым сведениям, это княжна Долгорукая. ...Ей было всего 17 лет. Хороша собой, беззаботна, выросла в

роскоши; она, казалось, была любимицей судьбы. И была страстно влюблена в графа Мелиссино, и он отвечал ей страстным чувством.

Однако у ее отца, князя Алексея, были свои планы относительно дочери. Шла борьба за власть, за влияние на мальчика-императора Петра II.

Меншиков собирался женить Петра II на своей дочке. Но не получилось, а обернулось для Меншикова ссылкой и опалой. Князь Алексей предложил царствующему мальчику свою дочь.

И Петру II понравилась Екатерина. Ее разлучили с возлюбленным, графом Мелиссино, которого немедленно выдворили из столицы. По приказанию отца Екатерина стала невестой мальчика-императора. Ее торжественно обручили с ним, хотя жениху было всего 14 лет.

Но судьба готовила неожиданный и трагический оборот. Петр II внезапно заболел оспой и скоропостижно умер. И при дворе взяла верх партия противников Долгоруких, на них посыпались аресты, казни, ссылка. Для Катеньки титул «государыни-невесты» стал проклятием. Она была арестована, над ней издевались, ее постригли в монахини и держали в заточении. Она вынесла все...

Лишь императрица Елизавета освободила ее из заточения, вернула ей почести и богатство.

Несколько авторов уверенно утверждают, что узницей Горицкого монастыря с 1739 по 1741 год была именно Екатерина Долгорукая. И есть самое главное доказательство - об этом говорится в рукописи по истории Горицкого монастыря. Однако имеется и другое мнение. Историк А. Сулоцкий документально опровергает это и считает, что в Горицах томилась в то время какая-то другая знатная девушка.

Один из местных жителей рассказывал мне, что в Воскресенском соборе имелся каменный мешок для особо важных узниц. И лишь сравнительно недавно его отец заложил кирпичами и замуровал этот мешок.

Многие тайны хранят Горицы, они так и останутся, вероятно, нераскрытыми...

РАСЦВЕТ И ГИБЕЛЬ ОБИТЕЛИ

Но, пройдя сквозь трагедии и страдание, испытывая постепенное запустение и упадок, монастырь внезапно, как чудо, пережил возрождение, пришел к расцвету и стал одной из самых выдающихся женских обителей на Руси.

Как награда за все трагическое, страшное и страдальческое, за все выплаканные и невыплаканные здесь женские слезы - внезапный расцвет обители, благополучная жизнь на протяжении столетия. Но все обрывается трагической нотой - террором большевиков, гибелью монастыря.

С самого основания обитель была достаточно состоятельной. Даже Иван Грозный, совершивший здесь преступление, оказывал монастырю различные милости. Это делали и другие цари. Обитель получала жалованье, владела землями, угодьями, перевозом через Шексну, что давало немалый доход. Однако постепенно монастырь хирел. Он потерял свои земли и к началу XIX века переживал упадок. Казалось, вот-вот он закроется.

Но в 1810 году обитель, терпящую бедствие, возглавила игуменья Маврикия. В миру Мария Ходнева, белозерская помещица, она приняла постриг в 1801 году и, став игуменьей, за короткий срок сумела возродить монастырь, который стал одной из самых выдающихся и знаменитых женских обителей в России.

Император Александр I пожаловал монастырю новые земли, и обитель завладела красивейшим местом - горой Маурой. В Горлицы приезжали фрейлина императрицы Параскева Хованская и княжна Варвара Долгорукая. Их давние родственницы были мученицами Горлиц: Хованская происходила из рода Евфросиньи Старицкой, убитой здесь опричниками Грозного, а Долгорукая наверняка вспоминала и молилась здесь за княжну Екатерину - узницу из ее рода, томившуюся когда-то в келье с забитыми окнами. Теперь обе приезжавшие сюда женщины видели в Горлицах мир, служение Богу, благополучие.

Много сделала для монастыря и вдова генерала Готовцева, ставшая церковной писательницей и основавшая по подобию Горлиц монастырь под Петербургом.

Профессор С. Шевырев, совершивший путешествие по нашему краю в 1847 году (кстати, видевший в Вологде больного Батюшкова), так описывал Горлицы:

«Все церкви расписаны трудами даровитых инокинь обители. Особенно памятны мне имена Клементьевой и Готовцевой. Историческое значение имеет плащаница, подаренная монастырю императором Александром в 1823 году: это художественное произведение в золотошвейном искусстве совершено гречанками по фамилии Либерос... Четыреста инокинь живет теперь в обители. Игуменья Маврикия, несмотря на свои 70 лет, деятельно и благоразумно правит обителью, окруженная любовью и уважением. Разные женские

рукоделия процветают в монастыре... Здесь золото, серебро, жемчуг, шелка, ткани - все покорилося благочестию избранного вкуса женского...»

И когда сегодня видишь грязь, запустение в полуразрушенной обители, становится особенно горько...

Многие замечательные вологжанки жили здесь. Вот, к примеру, профессор Шевырев упоминает фамилию Клементьевой. Александра Клементьева, богатая вологодская дворянка, после смерти любимого мужа навсегда приехала сюда, вложила в монастырь все свое огромное состояние и привезла с собой трех дочерей. Все они стали монахинями, а одна из них, Арсения, стала впоследствии игуменьей обители.

Здесь протекала высокая духовная жизнь. И царило благополучие. Было отлично поставлено хозяйство. Имелись свои стада. Масло, молока, сыра было так много, что их некуда было девать. Для этого были построены большие ледники-погреба. Велось каменное строительство: были возведены больница и водопровод (им пользуются местные жители и сейчас).

Путешественник С. Перов, посетивший монастырь в 1915 году, отмечал, что есть там «ряд мастерских с производством икон, шитых и тканых предметов одежды и убранства, обуви. Огромная хлебопечкарня. Культура цветов: садовых и комнатных. Прекрасное полевое хозяйство и даже своя пристань по Шексне».

Но уже надвигался трагический 1917 год... И близилась гибель монастыря.

Среди многих легенд, бытующих о монастыре, есть услышанный мною устный рассказ о матушке Калерии. Она обладала даром предвидения. Может быть, это и помогло ей спастись. Она и другие монахини укрылись в окрестных деревнях, когда на монастырь внезапно нагрянул большевистский отряд. Но укрылись не все. И большевики, как когда-то опричники Ивана Грозного, захватили нескольких монахинь, посадили их на старую баржу и отплыли. Где-то в верховьях Волги баржа с монахинями была затоплена...

А матушка Калерия прожила долгую жизнь и пользовалась уважением и любовью среди местных жителей. Она предсказала и войну, и голод, и помрачение душ.

Но матушка Калерия предсказывала: все это временное, монастырь снова возродится в своей славе. Смута пройдет.

В 1932 году монастырь был закрыт. Немногие его монахини разошлись по деревням, люди укрыли их. Но, по словам научных сотрудников Кирилло-Белозерского музея-заповедника Ирины Шориной и Натальи Петровой (им я благодарен за их рассказы), есть сведения, что большинство монахинь стали жертвами большевистских репрессий.

В перестроечные девяностые годы было объявлено о возрождении монастыря. Некоторые строения начали реставрировать. Во всяком случае, туристы, прибывающие по Шексне на теплоходах, начинают свой маршрут в Кириллов и Ферапонтово именно с Горыц...



КОМПОЗИТОР ИВАН ГРОЗНЫЙ



Себя он именовал: «Первый из царей царь, Богом избранный пастух, благоверный, православный, великий, разумный, справедливый, милосердный». Милосердный? Проклятая болезнь, овладевшая им, все перепутала. А сколько всего еще надо свершить! Сегодня он вспомнил о своих книгах, древних манускриптах. Они суть сокровище. Надобно извлечь их из тайника. Но есть дела и поважней.

Вчера ему стало легче. И душа наполнилась церковным пением. И он отчетливо услышал в уставшей и смятенной душе своей, как хор славит Богородицу. Он начал записывать то, что слышал внутри себя, и, казалось, болезнь отступает.

И не могло же быть такого, чтобы он, великий государь Иван Васильевич, умер, как простой смертный. И в мелодии, сочиненной им, возникла вера в чудо исцеления. Он заснул успокоенный.

Но его сон был страшен. Приснилось то, что было наяву когда-то. Как он насильовал малолетнюю дочь казненного князя Старицкого.

Он сперва спросил, сколько ей лет. Ему сказали - тринадцать. А имени ее он не спросил. Зачем? В свои молодые года она телом была обильна и красива. И доставила ему радость.

А та радость его была особой. Ему показалось, что князь умер слишком легкой смертью. И это была его месть казненному впопыхах. А потом, насытившись вволю, он отдал ее опричникам, своим псам-опричникам. И они гоготали над ней. И он сказал своим псам: «Посылаю вас в Горицкий монастырь. Потешьтесь и там над монахинями. Грех беру на себя». Было такое.

И он проснулся в холодном поту. И потребовал перо и бумагу. Он решился на последнее. Но писать было трудно.

Царь чувствовал - рука слабеет. И надо было успеть дописать... Надо было спастись...

Он начал смиренно, униженно - не как царь, как простой холоп.

«Ног ваших касаясь, князь великий Иван Васильевич челом бьет», - писал он. Он просил всю монастырскую братию, даже клирошан (невелики людишки - на клиросе поют), даже лежней по кельям (тех, кто немощен уже, по кельям лежит, не вставая) - вдруг и их молитва подействует.

Молил царь: выпрашивайте у Бога исцеления от настоящей смертной болезни, об отпущении грехов его окаянству. Не хотел царь Иван Васильевич Грозный помирать. И грехи томили его. Сколько грехов...

А смерть... он оглянулся, он отчетливо увидел - в темной глубине покоев, куда не доходил свет свечей, смерть покачивает своей головой, своим голым черепом, и череп смеется...

О ужас... Рука дрожала, но царь писал. Вымолите только исцеление, все отдам, ничего не надо. От престола отрекусь... Простым иноком в Кириллове монастыре приму постриг. Простым иноком - только бы выжить.

Царь дописал. Тяжко вздохнул. Царь запечатал письмо своим перстнем.

...Игумен со страхом распечатал грамоту. Что в ней - первоначально и читать не мог: дух захватило. Каждое послание грозного царя потрясало.

Большие милости знавал от государя монастырь. Знаменита стала северная обитель по воле государя. Его владения: села, слободы, деревни, пустоши, починки - уже числом до тысячи доходят, а крестьян ему уже, почитай, двадцать тысяч принадлежит... Великое каменное строение идет в монастыре, стал он могучею государевой крепостью.

Но страшен в гнев государя. Какие обличения в обитель он писал, вина братию и в бражности, и в лени, и в блуде. Какие жуткие кары пали на многих - умел и любил царь карать.

Да что их, их-то Господь еще миловал, а вон в соседнем-то, Горичком женском монастыре что было... Послал царь туда своих опричников. Ворвались они в женскую святую обитель, настоятельницу-то Евфросинью в мешок затолкали, зашили, с гоготом (так рассказывают) к берегу тащили и с гоготом - в реку... А других монахинь... которые молодые, раздели донага, насильничали во дворе скопом, а после кололи, рубили, из пищалей стреляли. Дико... Не угодила настоятельница государю - оттого и гнев государев. От него и за монастырскими стенами не укрыться.

Но, видно, что-то деется с царем, а что - неясно. В прошлом году пришел в монастырь от царя поминальный список, и в нем больше трех тысяч человек: опальных, избитых, утопленных и сожженных, с женами, чадами и домочадцами, убитых ручным сечением и огненным стрелянием и на пытке. Царь заказывал молебен по тем, кого убил.

И что в этом-то новом послании? Игумен в поездке был, в соседнем Ферাপонтовом монастыре, когда грамота от царя поступила. Уж шестой день, как поступила.

Игумен, собравшись с духом, начал читать. И все понял с первых строк. Боится царь смерти, боится и грехов своих. Надо ж - монахом готов стать, от престола отказаться, лишь бы жить.

Не дочитав грамоты, задумался игумен. Вспомнились ему росписи Дионисиевы в Ферапонтовом монастыре, только что опять виденные. Не ко времени вроде бы, а вспомнились росписи Дионисия.



Западный портал.

Удивителен этот человек был - живописец Дионисий, он будто и смерти не боялся. Сказывают, пришел сюда, на Север, после кончины любимой жены и сам уже чувствуя скорую кончину.

Был он признанным мастером, о нем шла слава по всей Руси. Жил при дворе, сам государь был его заказчиком. Он писал в Кремле, в Успенском соборе.

И вот, все оставив, ушел из столицы, с пышного государева двора - за сотни поприщ, в глушь, в северные леса. И здесь, в незнатном монастыре, в глуши, где «древеса некая», ели и мхи великие, непроходимые, он создал совершенное.

Создал росписи в память об умершей жене. Он, сказывают, очень тосковал по ней. То - его тайна.

А его росписи - будто песни радости: нежно-голубые, светло-зеленые, фиолетовые, розовые, бирюзовые, малиновые, синие, желтые, вишневые, красные - песни радости.

Огромное, пресветлое чувство воплотилось в них, как бы выступающих из стен и парящих в воздухе... И смерть в них попрана. Так-то. Таково его последнее послание нам, грешным.

А вот царь - у того все иное. Не может царь умирать. Велик он

был человек - и правитель мудрый, и полководец, и книжник несравненный... А вот совесть его - и сам он то знает - черным-черна.

...Игумен дочитал письмо. И встрепенулся: скорей, скорей - всем молиться, всем просить, всеобщие молебны скорей - об исцелении государевом.

В сенцах раздались крики. В покои игумена ввалилась целая толпа. И впереди - гонец, видно, только что прибыл. И веяли крики над толпой, смятенные, растерянные:

- Гонец московский!

- О Господи...

- Государь помер!

- Страх какой!

Опоздали с молитвами - не стало царя.

Я иду по берегу озера вдоль монастырской стены, с удовольствием вдыхая свежий озерный ветер. Тихо, просторно, свежо. Сюда я приезжаю постоянно. И каждый приезд что-то дает душе. Это особое место - небольшой вологодский районный городок Кириллов, здесь находится знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь.

Его нередко сравнивают со сказочным градом Китежем, который встал из озерных вод, вздымая свои могучие стены, купола храмов, башен, прапорцы на них. Целый город-кремль, явившийся нам из средневековья.

И в душе начинает звучать мелодия. Она звучит во мне много лет. Ее написал царь Иван Грозный.

Помнится (хотя так много лет прошло), как однажды (я был тогда московским студентом) мой приятель (он был тогда аспирантом) Александр Рогов несказанно удивил меня, спросив:

- Не хочешь ли ты послушать музыку Ивана Грозного?

- Как? - ахнул я. - Неужели он писал музыку?

- Да, писал, - пояснил мой собеседник.

И через некоторое время на квартире Александра Рогова я эту музыку услышал.

...Медленные, тяжелые, торжественные аккорды. Наплывают, как волны, и топят тебя в какой-то потусторонней, нездешней стихии.

Со слов Саши я уже знал, что мелодия весьма приблизительна.

Как пояснил мне Рогов, в далеком XVI веке она звучала наверняка несколько не так. Ее пели. А спустя века она переложена на современные ноты, сыграна на фортепиано, записана на магнитофон. Именно магнитофонную запись и дал мне послушать мой приятель. Но все равно впечатление незабываемое.

Как пояснил мне тогда Саша, до нашего времени дошли два музыкальных сочинения Ивана Грозного, найденных в Троице-Сергиевой лавре. Они сопровождалась текстом стихир и предназначались для церковного пения. Да, это церковное пение, записанное тогда так называемыми «крюками». Существовала, как известно, оригинальная система средневекового нотного письма, при которой «крюки» фиксировали только высоту звука, не указывая его длительность. Тем не менее приблизительная расшифровка возможна.

Пораженный всем этим, я, со слов Саши Рогова, написал тогда заметку «Композитор Иван Грозный», она была напечатана в газете «Неделя» (приложение к «Известиям») и перепечатана во многих провинциальных газетах. Это был мой дебют в центральной прессе.

Много времени прошло с тех пор. А музыка Ивана Грозного все звучит и звучит во мне. Или это только кажется?.. А ферпонтовские фрески кажутся мне мелодиями радости.



Посвящается В.П. и А.В. Тороповым

ДВЕ ЛЮБВИ

Александра

Можайского



Повесть, написанная по музейным
и архивным документам, о подвиге
и тайнах необычного человека

МЫ ИДЕМ К ЛЮБЕ

(пролог)

Имя Александра Федоровича Можайского (1825-1890 гг.) вошло в мировую историю и широко известно, но о судьбе Можайского, его личности знают немногие, и до сих пор в ней множество загадок.

В его жизни было две страсти, две стихии - море и небо. Он плавал по многим морям, пересек два океана - Атлантический и Тихий, пережил множество опасностей и приключений, не раз смотрел в лицо смертельной опасности. И вместе с тем он был страстно устремлен в небо, создав модель первого в мире самолета.

Но взлетел ли этот самолет? И какое это имеет отношение к нашей вологодской истории? Об этом и пойдет речь...

Июньский день. Пасмурно, хотя и тепло. Вокруг ярко-зеленые просторы лугов. Мы идем к Любви Можайской. Нам хорошо вот так идти летним днем под облачным небом среди лугов. Эти места - родные для Любы, Любви. Они вошли и в жизнь Можайского.

Мы - это я, автор повествования, и двое моих молодых спутников - Люда и Егор, неразлучная пара влюбленных. Они - студенты Вологодского техникума, проще говоря, политеха. Они - «технари», но их интересы (и это мне очень нравится) далеко выходят за пределы инженерной специальности. Что же, и Можайский тоже был «технарем».

Люда и Егор искренне любят историю и литературу. Они читали мои книги. В доме-музее Можайского они побывали без меня - приезжали сами по себе. Но мы нередко путешествуем вместе, вдвоем, по историческим местам в окрестностях Вологды, по бывшим дворянским усадьбам. Я рассказываю молодым людям, что знаю из вологодской истории. Сегодня мой рассказ о том, что мною пишется повествование о Можайском.

- У меня, друзья, - рассказываю я, - еще в 1999 году были две публикации об этом: «Вологодская любовь Александра Можайского» и «Японская любовь Александра Можайского». Ведь он совершил путешествие в Японию. И есть сведения, что у Можайского в Японии был любовный роман и родился сын, и далекие японские потомки Можайского и ныне живут в Японии и чтут его память. И особо ценно для нас, вологжан, что Можайский жил на вологодской

земле, что здесь он встретил свою новую и главную в жизни любовь - вологжанку Любовь Кузьмину. И это было крупнейшее личное событие в его судьбе. Не сомневаюсь, что Люба повлияла и на его дерзновенную, великую мечту о создании первого в мире самолета, о полете человека в небо. Не случайно сам Можайский свой вологодский период назвал впоследствии годами «плодотворного труда по вопросам воздухоплавания».

Можайский - личность особая, во многом загадочная, недостаточно понятая не только современниками, но и нами до сих пор. Действительно, существует загадка, как и почему великолепный моряк-профессионал, переплывший два океана, дослужившийся до контр-адмирала, страстно влюбленный в море, устремил свой взгляд и свои мысли в небо, задался целью поднять человека ввысь, создать первый в мире летательный аппарат, то есть осуществить многовековую мечту всего человечества. Это был настоящий подвиг, который современники, окружавшие Можайского, не в силах были даже понять.

Обо всем этом я рассказываю своим молодым спутникам, Люде и Егору, в которых вижу своих духовных наследников, на которых можно надеяться в будущем.

- Ах, мои дорогие, - говорю я, - в Вологде собрано много интереснейших материалов о Можайском. Но вот парадокс: к ним, этим новым материалам, никто, кроме музейщиков, не обращался. Открываешь некоторые архивные дела - и странное чувство охватывает тебя: об этом никто еще не писал, это никто не использовал. Интерес к Можайскому был как бы потерян. Более того - стала распространяться версия, что полета самолета Можайского на самом деле не было. Между тем первый полет человека на первом самолете является событием, возможно, не меньшим, чем полет Гагарина в космос. Ранее, в СССР, в этом не сомневались. Издавались книги, публиковались документы, но все это было в 40-50-е годы. А потом стали нередко утверждать, что самолет Можайского все же не взлетел. У него был слишком тяжелый двигатель - паровая машина. Потому, мол, все кончилось неудачей. Одна из последних публикаций о Можайском так и озаглавлена - «Великий неудачник». Неудачник? Не знаю. А вот в то, что великий, - верю. Он был великий человек! И это совершенно точно - он создал первый в мире самолет, который мог в принципе летать. И обо всем этом я должен написать.

Конечно, он прошел к своему подвигу трудный, а подчас и трагический путь. И пережил большую личную трагедию - неожиданную гибель, безвременную смерть любимой Любы...

Мы идем в деревню Спасское, идем к могиле Любы. И взволнованы этим. Я уже бывал на этой могиле. Но и теперь, как и тогда, чувствую волнение, как будто иду на встречу с давно умершим, но светлым, в чем-то даже близким моей душе человеком. Люба, Любочка, Любовь... Она, такая молодая, лежит в Спасском на местном кладбище, рядом с ныне полуразрушенным храмом. Но когда я появился здесь в первый раз, ее долго не мог найти. У меня был ориентир - я знал, что у ее могилы родные посадили три березки. Но столько времени прошло! Деревья, конечно, стали старыми. Это она, Люба, навсегда осталась молодой. Березы уже старые. Но где они? Обошел все кладбище - нет трех старых берез.

Оказалось, они со временем срослись. И одна из них сломалась. Но ориентир - березы-сестры, ныне сросшиеся, - остался. И старый обелиск остался. Лишь Любин портрет и надпись - это из нашего времени. Для меня это место теперь - память сердца.

И незабываемое до сих пор впечатление оставляет храм, который и сейчас, полуразрушенный, гордо и мощно встает над округой. Это был окружной храм, главный в этой местности, для многих поселений. И кладбище было главным, потому и Любу похоронили не в родной усадьбе, а здесь, у храма. Храм был величествен, красив, таким он остается и сегодня. На стенах кое-где видны еще остатки росписи. В проломах бывшего входа и окон гуляет ветер. Влетают и вылетают птицы, видимо, некоторые из них здесь живут.

У храма я встретил местного жителя, пожилого, но еще крепкого мужика. Это он показал мне могилу Любы. «А, а... жена Можайского, - сказал он. - Как же, знаю. Вон она, лежит под березами».

Я спросил его: «Много ли местных жителей в Спасском?» - «Почти никого. Я точно не знаю. Сам уже теперь не местный, не здесь живу, на кладбище навестить родных добрался. Тянет. А в деревне живут дачники. Несколько домов осталось. А было село большое - в сто домов. Не стало села. А вот храм остался. Его не разрушить, не сломать. Мне наш председатель - это уже после войны было - приказал разрушить колокольню. Я тогда трактористом был. Человек подневольный, колхозный, приказ начальства надо выполнять. Обмотал я стальным тросом макушку колокольни с крес-

том и дернул трактором. Полетел крест, рухнула макушка колокольни. Все село сбежалось. Все плакали, жалко было. А я не плакал, не понимал тогда. А теперь жалко. И понимаю - грех совершил».

Много в России грехов совершалось. И не таких еще, что и говорить. Я понял: ему жаль, что так все произошло. На том мы с ним, старым крестьянином Шалагиным, расстались. Я верю, что сегодня он - достойный человек.

И вот теперь, когда я привел в Спасское молодую пару - Любу и Егора, нам опять, когда мы подходили к храму, встретился местный житель, старый уже человек. И он опять с горечью говорил, каким Спасское было большим, зажиточным, веселым, многолюдным селом, какие были народные праздники и гулянья около храма под его колокольный звон. «А про Можайского и его жену у нас знал всякий - и стар и млад».

И вот мы подходим к могиле Любы. «Здравствуйте, Люба». Мы низко кланяемся ей.

Более ста тридцати лет прошло, когда ее, молодую красавицу, положили здесь в землю. И я всей кожей чувствую, какое это было горе, сколько слез здесь было выплакано и самим Можайским, и любимой матерью, обожавшей дочь. Все прошло. Тихо.

Но мне кажется, что наши души откликнулись друг другу.

Я люблю вас, Люба. Я буду писать о вас - с грустью и любовью. И пусть, хотя бы в воображении, повернется время. Вы снова живы. Вам восемнадцать лет. Вы - невеста Можайского. Вы очень счастливы. И ничего не знаете о его японской любви.

ПРО ЯПОНИЮ В ВОЛОГДЕ

Они шли по парку, говорили и не могли наговориться. Он - морской офицер Александр Можайский, по воле судьбы оказавшийся в Вологде, и она - восемнадцатилетняя прелестная вологжанка Любовь Кузьмина. Уже состоялось объяснение в любви, они были уже помолвлены, считались женихом и невестой, но восторг от происшедшего не оставлял ни его, ни ее. Они познакомились на балу в губернском Дворянском собрании. Она смотрела на него восторженно - высокий, красивый морской офицер, столько уже испытывавший в своей жизни, необыкновенный, талантливый человек. А когда он смотрел и не мог насмотреться на нее - невинное, чистое, нежное, прекрасное создание, в нем возникало ощущение полета. «С ней я взлечу»,

- сказал он сам себе. И окончательно поверил, что теперь сможет взлететь. Люба. Любовь. Любовь - это полет.

- В Японии я выучил одну старинную песню, - сказал он. - Как мне, Люба, ее перевели на русский, - целая история. Тем не менее перевели, и я ее выучил. Японские песни и стихи, Люба, очень короткие, но смысл в них большой. Вот эта песня, всего несколько строк, спеть не могу, а наизусть помню:

Как журавль белоснежный в синем небе,

Белых облаков крылом касаясь,

Так и ты...

Прилети ко мне.

- Чудесно! - улыбнулась Люба. - И как мне завидно! Япония для меня - нечто непостижимое, загадочное, сказочное. А кто вам... кто тебе пел эту песню?

- Одна молодая японка, - сказал он. И внезапно осекся, и она почувствовала это. Их взгляды встретились. И он подумал: «Признаться, сказать? Но как она все это воспримет?» Сказать ей о той, оставшейся на далеком чужом японском берегу и тоже вызывавшей в нем чувство полета, не было сил.

Она отвела взгляд. Возникла неловкая пауза. И, словно спохватившись, она прервала ее:

- А что было самое счастливое для тебя в Японии?

- Счастливое? - он на миг задумался. - Кажется, немало. Большой радостью для меня было, к примеру, то, что мы переплыли два океана на нашем фрегате «Диана», достигли Японии. И, конечно, меня очень порадовало, что мы нашли общий язык с японцами и договор был заключен. И еще...

И снова осекся. Потому что опять вспомнилось самое жгучее и счастливое - неожиданная любовь к юной японке. Это была его японская тайна.

Люба опять опустила глаза и уже совсем другим тоном спросила:

- А что было самое тяжелое, самое страшное в Японии?

- Страшное? Безусловно, Любочка, стихийное бедствие, случившееся одиннадцатого декабря пятьдесят четвертого года. Тогда мы все, и я в том числе, чудом избежали смерти.

- Расскажи...

- Пожалуй, можно рассказать...

И он начал рассказывать. Но не все, опуская самые ужасные подробности, оберегая ее душу.

11 декабря 1854 года. Трагедии, подобной той, что произошла в этот день, Александру Можайскому, закаленному в морских бурях и штормах, еще не приходилось переживать. Казалось бы, ничто не предвещало беды, и «Диана» мирно стояла на рейде в бухте Симода. Время приближалось к десяти, моряки занимались своими обычными делами. Лейтенант Можайский находился в своей каюте, отдыхая после ночной вахты, но ему отчего-то не спалось...

Вдруг судно дрогнуло, словно от сильного толчка снизу, затряслось. Заходили стены, пол и потолок, посыпались вещи и книги с полки и со стола.

Можайский выскочил на верхнюю палубу. Сюда уже высыпало большинство команды. Палуба ходила ходуном. Можайский бросился к адмиралу Путятину: он находился близ капитанского мостика, держась за корабельный канат.

- Землетрясение! - выкрикнул Путятин.

Внезапно все стихло. Наступила полная тишина. Все вроде успокоилось.

- Пронесло, - выдохнул Путятин.

- Дай Бог, - добавил Можайский.

- Что, Васька, струхнул? - засмеялся один из матросов.

- Струхнешь тут, - Васька медленно поднялся на ноги. Его несло кубарем по палубе, так что едва успели ухватить за ноги.

Землетрясение длилось не более минуты. И снова - полный покой, штиль. Сияло яркое солнце, белели вершины далеких гор. Городок Симода на берегу под яркими солнечными лучами казался огромной лаковой шкатулкой.

- Приступить к обычным занятиям! - приказал Путятин. - Но быть, однако, начеку.

Адмирал сошел вниз, в свою каюту. Можайский чуть помедлил, и вдруг море дрогнуло и стало подниматься. «Диану» закачало, подкинуло. Можайский ухватился за корму. Было видно, как море хлынуло на берег, разбрасывая и переворачивая джонки у причала, затапливая городские улицы, смывая и унося прохожих. Это было цунами. Первый удар гигантской волны высотой около двадцати метров... Потом она отхлынула, унося с собой перевернутые джонки, трупы захлебнувшихся и еще живых, барахтающихся в воде обреченных людей.

И снова - полная тишь и яркий солнечный свет. Но теперь во всем этом было уже что-то зловещее.

Можайский перевел дух, еще не веря в реальность происшедшего.

Примерно через пять минут мгновенно вскипела, встала на дыбы и обрушилась на бухту вторая чудовищная волна. «Диану» подбросило, как детский мячик, вверх и обрушило вниз, впрочем, не причинив фрегату особого вреда. Но удар цунами по городу Симода был страшен: город погрузился в кипящую пучину. Лишь кое-где виднелись крыши затопленных домов. Когда волна отхлынула, она вновь понесла с собой остатки разрушенных строений, мертвые тела и живых еще людей, успевших ухватиться за бревна, за все то, что могло оставаться на поверхности этого адского водоворота.

- Ребята, - закричал Можайский, - бросайте концы, спасайте людей!

Моряки бросали в воду канаты в надежде спасти кого-то, но утопающих быстро проносило мимо бортов корабля. Лишь одна старая японка сумела ухватиться за канат, и ее вытащили на палубу.

Стало темно. Небо заволокла черная туча. Потом с малыми промежутками последовало еще четыре удара, еще четыре морских вала. И снова «Диана» уцелела - крепок и стоек был русский корабль. Но город Симода перестал существовать.

Для «Дианы» настали трудные и страшные часы. Огромные водовороты в адском кружении, как скорлупку, закружили судно. Затем его понесло к скалам каменистого острова Инубасири. Остановить «Диану» было невозможно - еще несколько метров, и судно разобьется. Конец?

Фрегат выбросило на одну из скал, к счастью, довольно пологую, но совсем рядом - острые, как ножи, другие каменистые утесы. Еще один удар волны - и фрегат разобьется в куски. Не уцелеет никто...

Около пяти сумасшедших минут фрегат пролежал над провалом на скале, потом удар волны с другой стороны снес его со скалы в противоположную сторону и снова потащил в бухту.

Это было чудом - это было спасением. Море бушевало еще шесть часов, постепенно ослабевая, смиряя шум и ярость.

«Диана» спаслась. Правда, были и потери - оторвавшимся орудием убило матроса Соболева, матросу Викторову оторвало ногу, унтер-офицер Терентьев получил тяжелый перелом. И все-таки самое страшное было уже позади. Опять столь же внезапно стало тихо. Опять засияло солнце - словно и не было ничего.

Первый приказ Путятинина - отправить в погибший город на шлюпке группу матросов с доктором во главе. Выяснить, уцелел ли кто. Если таковые окажутся, оказать помощь.

Еще не придя в себя толком после чудесного спасения, русские поспешили на помощь японцам.

- Ах, Люба, - закончил свой рассказ Можайский. - В этот ужасный день, когда «Диана» висела на скале над бездной и мы не погибли по воле счастливого случая, когда я стал свидетелем гибели целого города, я со всей очевидностью понял, что люди, в том числе русские и японцы, не должны тратить силы на вражду и войны. Человеческое бытие слишком хрупко, и мы должны вместе противостоять слепым ударам природы. И вместе защищаться. И еще люди должны подняться в небо...

- А та японка, которая пела тебе песню... тоже погибла? - тихо спросила Люба.

- Нет. Она осталась жива, она жила в поселке Хеда.

Как началось их знакомство? Как пишет в «Морской газете» (Кронштадт, номер от 7 августа 1993 г.) журналист В. Гузанов, оно началось с того, что Можайский, отличный рисовальщик, нарисовал портрет юной японки, а она «улыбнулась и смело поцеловала в щеку - так, что никто в мире не поверил бы, что она делает это впервые. Однажды он ей назначил свидание. Она не противилась. Он увел ее, изумленную и послушную, на задворки буддийского храма, туда, где пробуждалось весеннее цветение фиалок».

ГИБЕЛЬ «ДИАНЫ»

Корабль тонул. Вместе с ним тонул и Можайский. Вода заливала каюту и уже доходила ему до пояса. Но надо было спасти рисунки, книги, ценные бумаги...

Сейчас спасенные рисунки лежат на столе. Рядом - два томика «Фрегата «Паллада» Ивана Гончарова. И Люба все время спрашивает его о японском путешествии.

- Конечно, Люба, - говорит Можайский, - как обещал, расскажу тебе про Японию, обо всем, что я там видел и что происходило со мной. Но сначала...

В его голосе прозвучали нотки старшего, ведь он родился на пятнадцать лет раньше нее. Однако в последнее время, поддавшись обаянию ее молодости, вроде и сам стал моложе, говорил и чувство-

вал почти как юноша. И все же возрастная дистанция между ними ощущалась, и Люба ее чувствовала.

- Но сначала я хотел бы, чтобы ты прочитала превосходное сочинение господина Гончарова, талантливейшего нашего литератора, под названием «Фрегат «Паллада». Ты ведь не читала?

«Он говорит со мной, как учитель с ученицей, - подумала она. - Я боюсь, что не смогу быть ему хорошей женой».

Но тотчас же отбросила сомнения. Чаще всего они хорошо понимали друг друга.

- Нет. «Фрегат «Паллада» не читала, - как бы извиняясь, ответила она.

- Обязательно прочитай. Это даже и не сочинение, а путевые заметки о плавании фрегата «Паллада». Ведь наш фрегат «Диана» лишь повторил путь «Паллады». А Гончаров в высшей степени замечательно изобразил не только свои впечатления, он написал обо всем за всех нас - и «палладовцев», и «диановцев».

- С удовольствием прочитаю, - пообещала Люба. - Ведь я, признаться, от сочинений Гончарова без ума. «Обыкновенную историю» прочитала залпом. А его новейшее сочинение «Обломов» - чуть ли не самый любимый мой роман. «Обломова» вся Вологда запоем читала.

- Что там Вологда, - сказал он. - «Обломова» вся грамотная Россия читала - от простолюдина до государя. Наверное, не было еще в России такой книги, которая бы так читалась и такой успех имела. Я в одной из солидных журнальных рецензий прочитал: в империи нет ни одного заштатнейшего города, где бы не читали «Обломова», не хвалили «Обломова», не спорили об «Обломове». Только вот почему? Неужели русский человек, при всей его доброте и благородстве, - ленивец Обломов? В том с Гончаровым не согласен. Но не об этом речь.

- А мне больше всего понравилась его героиня Ольга Ильинская, - почему-то покраснев, призналась Люба. - Господин Гончаров пишет о нас, женщинах, прямо-таки в превосходной степени.

- Это верно, - кивнул он. - Мне сдается, в героинях Гончарова есть истина красоты и добра. Они выше всяких догм и умствований. Вот и ты, я полагаю, из героинь Гончарова.

- Наверное, он очень любим женщинами, - задумчиво произнесла Люба.

- Да, любим, и очень, - подтвердил он. - Но литературно, абстрактно, со стороны. Хоть мы лично не знакомы, но я слыхивал, в личной

жизни он - неудачник. Говорят, в Ольге в «Обломове» изображены сразу две женщины, которых он любил, и с обеими потерпел неудачу. Вот ведь как бывает в жизни. Особенно с творческими личностями. Многие из них имеют у женщин большой успех. Но некоторые - полные банкроты. Как Батюшков. И как хорошо, что в жизни мне встретилась ты!

- А мне ты, - тихо сказала Люба и опять покраснела.

- Спасибо, милая. Однако вернусь к «Фрегату «Паллада». Я сделал в книге закладки, обрати на них особое внимание. Гончаров очень верно изобразил то, с чем мы столкнулись в Японии. Япония, по его словам, - отгородившаяся от всего мира страна, которая, «осмеливаясь жить своим умом, своими уставами, упрямо отвергает дружбу, религию и торговлю чужеземцев, смеется над нашими попытками просветить ее и внутренние, произвольные законы своего муравейника противопоставит и естественному, и народному, и всяким европейским правам, и всякой неправде». Вот отчего первоначально нам было так непросто в Японии.

Все же весьма примечательно, что два таких выдающихся человека - Гончаров и Можайский - совершили как бы «параллельные» путешествия: Гончаров - на фрегате «Паллада», а Можайский - на фрегате «Диана».

Гончаров отправился в плавание в качестве секретаря адмирала Е.В. Путятина, который возглавлял русскую миссию с целью установления дипломатических отношений между Россией и Японией. Гончаров должен был описать все происходящее. Но для него самого это путешествие было особым личным событием, исключительным в его судьбе. В обществе Гончарова чаще всего воспринимали как Обломова, считая этот образ во многом личностным, и писатель решил доказать всем, что это не так. Он решился испытать сам себя, реализовать в себе другие, совершенно не обломовские черты. Плавание к берегам Японии, начавшееся 7 октября 1852 года, было для Гончарова личным подвигом.

Для Можайского это плавание являлось гражданским долгом, его работой моряка-профессионала, и, конечно, чувства у него были совсем другие.

Можайский происходил из дворянского рода потомственных моряков. Согласно послужным спискам Можайских, из этого рода

вышло семь высших офицеров, которые в общей сложности прослужили на российском флоте более ста лет.

...Он родился 9 марта 1825 года в семье военного моряка на военной базе в местечке Роченсальм Выборгской губернии. Был первенцем, затем в семье появились еще два сына и две дочери.

В десять лет был отдан на учение в Санкт-Петербург, в Морской кадетский корпус - прославленное учебное заведение, директором которого был знаменитый русский мореплаватель Иван Крузенштерн. Кадеты получали здесь отличное образование. Александр Можайский изучал навигацию, теоретическую механику, геодезию, астрономию, теорию кораблестроения и другие науки. Здесь преподавали лучшие русские профессора и ученые того времени.

По окончании кадетского корпуса началась его морская служба. Далее я цитирую из рукописи его старшего внука А.А. Можайского, которая хранится в Вологде: «Плавал по Белому, Баренцеву, Северному и Балтийскому морям на различных парусных судах типа фрегатов, шлюпов, шхун, а после появления на русском флоте военных пароходов перешел на службу на таковые, а позднее участвовал в постройке и усовершенствовании паровых судов русского военноморского флота».

Это был прекрасный моряк и великолепный человек. Красивый, гигантского роста, он обладал огромной физической силой, был прекрасно образован, технически талантлив, храбр и носил в душе необыкновенную мечту - взлететь в небо.

По воспоминаниям его родственников, мысль о полете на летательном аппарате появилась у Александра Федоровича на борту «Дианы», во время плавания к берегам Японии.

«Диана» отправилась в плавание 4 октября 1853 года. К этому времени было получено письмо от адмирала Путятина, что фрегат «Паллада», преодолев огромное расстояние, в пути обветшал, и для выполнения дипломатической миссии требуется новый корабль. Поэтому «Диана» должна была пройти тот же путь и заменить «Палладу». Маршрут: Кронштадт - Копенгаген - Глазго - Рио-де-Жанейро - мыс Горн - Япония.

«Диана» была превосходным кораблем: трехмачтовым, с 52 пушками, с опытным капитаном Степаном Лесовским, с экипажем в четыреста человек. В их числе были и два брата Можайские - лейтенант Александр и мичман Тимофей.

За время годичного плавания «Дианы» произошло много событий - началась Крымская война, и английские и французские корабли охотились за русскими кораблями на всех морях. Велась охота и за «Дианой», но опасности удалось избежать.

«Диана» выдержала все штормы и бури, и в июле 1854 года состоялась встреча «Паллады» и «Дианы» у русских дальневосточных берегов. Русская дипломатическая миссия во главе с адмиралом Путягиным перешла на борт «Дианы», чтобы плыть для переговоров в Японию.

- Признаться, Люба, японцы встретили нас почти враждебно, - рассказывал Можайский. - Оказалось, что до нас у японских берегов побывали североамериканцы. Адмирал Перри тогда заявил, что имеет полномочия от сената вести по японским портам оружейный огонь, если эти порты не будут открыты для американцев. Японцы уступили, но все свои обиды перенесли на нас. Вот видишь, на этом моем рисунке японцы на лодках встречают «Диану» так, будто собираются напасть на нас: они раздражены. На берегу появился военный лагерь. Воины укрывались за щитами, чтобы мы не могли определить, сколько их. Но мы, русские, прибыли с миром и очень хотели убедить в том японцев. Нам помогло несчастье, если так можно сказать о том ужасающем событии, которое произошло 11 сентября. Вот на этом рисунке - начало трагедии. Я изобразил первый удар стихии. Страшное землетрясение и гигантские волны погубили город Симоду. И, собственно, это погубило и «Диану». Правда, фрегат уцелел, но получил такие повреждения и удары, что спасти его было почти невозможно.

После землетрясения и убийственного цунами починить «Диану» отчасти все же удалось, и судно направилось из симодской бухты в бухту Хеда, расположенную примерно в тридцати милях. По пути израненную «Диану» застал шторм. До Хеды оставалось менее двух миль, но «Диана» была уже почти неуправляемой, положение стало опасным. Капитан Лесовский отдал приказ ссадить команду на берег. Перевоз команды на баркасе проходил под командованием Можайского. Он проявил мужество и умение, и люди были спасены. Попытались спасти и судно, к тому же шторм уже стихал. Множество японских джонок буксировали «Диану», но внезапно все они бросились врассып-

ную. На небе показалась новая черная туча - приближался шквал.

Адмирал отдал приказ: задрать все порты, отверстия для орудий, чтобы увеличить плавучесть корабля. Но кто исполнит опасный приказ?

Это взялся сделать лейтенант Можайский. Он вернулся на погибающее судно. Порты были закрыты, но «Диана» уже тонула.

Можайский побывал на погибавшем корабле последним. Он сумел вынести свои рисунки, судовые бумаги, книги... И это тоже был подвиг.

Когда весть о гибели «Дианы» дошла до России, она поразила всех: «Диана» погибла не от шторма, который лишь добил корабль, а от повреждений, полученных от землетрясения и цунами. Такое произошло впервые. Иван Гончаров двадцать лет спустя в новом издании «Фрегата «Паллада» писал об этом: «Никогда гибель корабля не имела такой грандиозной обстановки, как гибель «Дианы», где великолепный спектакль был устроен самой природой. Не раз на судах бывали ощущаемы колебания моря от землетрясения, но - сколько помню - больших судов от этого не погибало».

Можайский в то памятное утро проснулся рано. Команда еще спала в дощатых, построенных на скорую руку укрытиях.

Буря утихла. День был солнечный. Впереди расстилалась великие просторы океана. Но «Дианы» не было. Ночью фрегат погрузился на дно. Сердце сжалось...

Можайский оглянулся на поселок Хеда - величественный конус Фудзи возвышался над ним.

Можайский еще не знал, что встретит здесь свою японскую любовь.

ДОГОВОР И ЛЮБОВЬ ЯПОНКИ

Не обижайтесь на меня, Александр Федорович, за то, что я коснулся вашей интимной тайны, вашей любви к прелестной юной японке.

Может, все это лишь миф и в жизни ничего такого не было? Но я хочу верить, что это было. Я стремлюсь писать, исходя из фактов, насколько возможно документальнее. Однако и факты могут быть мифологичны.

Но можно представить, какая яркая, жадная, внезапно прорвавшаяся страсть могла быть между могучим, высоким, породистым русским моряком-офицером и изящной, миниатюрной японкой. Они принадлежали к разным мирам и были друг для друга как инопланетяне: все разное, непохожее, даже телесно, но стихийная страсть, прекрасная, жгучая, темная, запретная, бросила их друг к другу. Ведь это было так, Александр Федорович? Или нет?

После гибели «Дианы» русские поселились в рыбацком поселке Хеда, у подножья знаменитой японской горы Фудзи. Эта великая гора, тысячекратно воспетая в японской поэзии, живописи и графике, являлась вулканом и в любой миг могла извергнуть пепел, огненную лаву и смерть. Но это происходило редко, раз в несколько веков, обычно же Фудзи была спокойна, прекрасна и величественна. У ее подножья, в Хеде, русские прожили до весны.

Далее о пребывании русских в Хеде сообщает японский источник и японский автор. Приведу несколько цитат из материала Е. Уэно «Весточка из далекого прошлого», распространенного в Интернете Генеральным консульством Японии в Санкт-Петербурге.

«Отношения русских с японцами в Хеде налаживались постепенно. Поначалу японцы боялись чужеземцев. Они не понимали языка и вообще впервые видели иностранцев, о которых ходили разные слухи. Говорили, например, что они пьют кровь (а пили-то они красное вино). Девушки, чтобы не стать жертвой насилия, мазали лицо сажей и старались не выходить из дома. Но с течением времени жители привыкали к морякам и открывали им свои души. Может быть, сближение облегчалось тем обстоятельством, что предками жителей Хеды считались самураи, которые потерпели поражение в войне где-то на западе Японии и укрылись в этих местах. Поэтому, мол, их потомки и сочувствовали русским, тоже попавшим в беду. Сказывался, видимо, и дух морского братства.

Так или иначе, в поселке для русских построили четыре дома. Офицерам отвели жилье в двух буддийских храмах, которые устояли при землетрясении. На горной дороге, ведущей в Хеду, по приказу правительства был сооружен пост. Эта мера была предпринята, с одной стороны, для защиты русских, а с другой - для наблюдения за ними. Хотя жителям поселка было запрещено общаться с моряками, из этого ничего не вышло...

В поселке хранятся имена шестидесяти одного русского моряка. Среди них значатся знаменитые Посьет (Константин Николаевич Посьет, 1819-1898) и Можайский (Александр Федорович Можайский, 1825-1890), а также неизвестные моряки, к фамилиям которых присовокуплены данные японцами характеристики: «мастер мяча Гаранташев», «круглолицый красавец Свиньин», «балалаечник Беляков» и многие другие.

Можайского японцы звали «Можай». Удивлялись его высокому росту и огромной физической силе. С трепетом относились к его дагерротипу - фотокамере, которую он привез в Японию. Впоследствии оказалось, что первые в Японии фотоснимки были сделаны независимо друг от друга американским офицером Брауном и Можайским. Эти снимки ныне - ценные фотодокументы о жизни и быте японцев того времени.

Сам Можайский вспоминал, что японцы считали фотографирование сверхъестественным явлением, колдовством. Удивляло японцев и то, что Можайский все время рисовал. Они даже похитили несколько его рисунков, и некоторые из них в наше время обнаружили в Японии.

И, конечно, он вел свои наблюдения за запусками воздушных змеев, такие тоже были в Хеде, и Можайский этим жадно интересовался. Он все чаще думал: не является ли прообразом первого летательного аппарата именно воздушный змей?

Уже зацвела розовым цветом вишня - сакура, и однажды сквозь ее розовые цветы он почувствовал пронзительный взгляд узких и прекрасных глаз японки. Он остановился окаменело, а она, в пестром кимоно, бросилась к своему дому. В этом доме он бывал как гость, украдкой любуясь ее юной утонченной нежной красотой. Но неужели возможно невозможное?

Моя прелестная, моя невероятная, я не могу поверить до сих пор, что все это - на самом деле. Я не в силах уразуметь и запомнить что-то по-японски. А ты, сколько я тебя ни учу, - по-русски. Ты не понимаешь моих слов, но понимаешь меня. Но чтобы любить, нам не нужны слова.

Когда ты так трогательно молишься на великую гору Фудзи, я понимаю: ты молишься и за меня, и за нашу любовь. Рядом с тобой я, кажется, стал понимать японскую душу. Конечно, Япония - это

розовый цвет сакуры, кимоно, веера, циновки, бумажные фонарики, ирисы и хризантемы. Цапли и драконы. Самураи и гейши. Церемонии и иероглифы. И многое другое. Но что такое японская душа, твоя душа? Наверное, любовь, разлитая вокруг, - в сакуре, хризантемах, солнечном свете, водопадах, море, небе, горах...

Вчера мой друг Посьет, глубокий, особенный человек, правая рука адмирала, переводил мне с голландского кое-что из ваших японских мифов. И я узнал, как возникла Япония. Боги Изанаги и Изанами по радуге спустились с неба. Изанаги ударил по волнам своим богатырским копьём, и из солнечных капель, упавших с его копья, образовалась цепь японских островов. А потом они родили лучезарную богиню солнца Аматерасу, и она стала покровительницей Страны восходящего солнца, где все одушевленно и светло - леса, цветы, море. И горы - посредники меж небом и землей. И главная посредница меж земным и небесным - великая гора Фудзи, где воплощено все прекрасное, обычное и невероятное, опасное и счастливое, темное и светлое - это как наша любовь.

Меж тем переговоры русской и японской делегаций после перенесенной вместе трагедии с цунами сдвинулись с мертвой точки и пошли успешно. Можайский на переговорах делал зарисовки с натуры. Один из рисунков имеет просторную подпись Александра Федоровича. Приведу ее при некотором сокращении: «На рисунке изображены, в портретах, уполномоченные Японского Правительства. Они сняты мною карандашом, во время переговоров о торговом трактате, веденных ими с нашим уполномоченным, генерал-адъютантом, вице-адмиралом Путятиным. Тут же помещены их секретарь и переводчик с голландского языка. Японские уполномоченные одеты были чрезвычайно богато и опрятно: на каждом из них было по четыре шелковых халата, верхние теплые, а два нижние без ваты, из белого шелка. Шаровары атласные с узорами. Все они были подпоясаны атласным шарфом, за коим у каждого было по две сабли. У двоих шаровары были белые, толстые и плотные, как кожа, с виду совершенно серебряные. Сабли их отличной работы... Не успев в своем намерении убедить адмирала подчиниться их обычаю, уполномоченные устроили себе скамейки, равной высоты со стульями, которые были привозимы для нас с фрегата. Первый слева сидит старый, почтенный и добрый сановник Цуцуй-Хизенно-Ками; подле

него Кавадзи-Сайемоннодзио, человек умный, имевший большое влияние на переговоры. Третий - Мацумото-Чуробе, официальный шпион, редко вмешивавшийся в разговор, но по обязанности своей все слушавший и замечавший. Четвертый - Кога-Кинидциро, знающий, как и все японцы, имеющие притязание на благовоспитанность, китайский язык, и особенно известный в Японии глубоким изучением этого языка. Последний справа - Никамур-Тимро, записывавший все сказанное, человек умный, любезный, деловой, всегда предупредительный и всеми нами любимый. Переводчик лежит на полу, и, не смея поднять головы и глаз, втягивая в себя воздух, шипя и захлебываясь, передает слова уполномоченных».

Первый российско-японский договор был подписан в феврале 1855 года. И это было важное событие как для России, так и для Японии.

Меж тем мысль о возвращении на родину никогда не оставляла команду погибшей «Дианы». И выход был найден. Среди материалов и книг, спасенных Можайским с «Дианы», оказался «Морской сборник», в котором были напечатаны чертежи шхуны «Опыт». Можайский предложил по этим чертежам построить шхуну. Путятин одобрил идею, и весь экипаж под руководством Можайского с начала февраля дружно принялся за работу.

«Можайский везде успевал побывать. Только что он отдавал распоряжение на стапеля - и вот уже в сопровождении переводчика спешит в японскую деревню, чтобы договориться о валке леса, необходимого для постройки. Маленький, низкорослый японец едва успевал за длинноногим Можайским. Офицер отдает короткие, деловые приказания, поторапливает отстающих, сам показывает, как работать. Его высокая фигура в длинном черном морском сюртуке, застегнутом на все пуговицы, неотделима от стройки» (В. Крылов, «Можайский», М. 1951 г.).

Японцы помогали русским и учились у них, ведь до этого в Японии строились лишь небольшие суда. Судно такого размера, как шхуна, строилось впервые. Шхуну называли «Хеда». Весной 1855 года она была построена. Снова процитирую материал Е. Уэно:

«Пребывание русских в Хеде легло тяжелым бременем на и без того бедный рыбацкий поселок, но его жители делились с русскими всем, чем могли. И днем и ночью они строили вместе с ними корабль. Пере-

говаривались так: русские слова переводились на голландский, а с него - на японский. Порой вспыхивали споры о том, как именно надо строить. Иногда русские выходили из себя, и дело доходило до кулачных стычек, в которых моряки обычно одерживали верх. Но после ссор дружба становилась еще более крепкой. Среди русских, кажется, были и такие, которые, выпив, начинали буйнить. Но это случалось редко. В целом они вели себя подобающим образом и оставили о себе хорошую память. Говорят, русские и японцы очень тяжело переживали расставание. В поселке помнят слова Путятина: «Мое сердце остается здесь навсегда».

21 апреля «Хеда» вышла в открытое море. Адмирал Путятин и значительная часть экипажа вернулись в Россию именно на «Хеде». Но Можайский и еще одна группа моряков возвратились домой на одном из попутных американских судов. Можно не сомневаться, что Можайскому было непросто расстаться со своей японской возлюбленной.

Е. Уэно деликатно пишет: «По слухам, у некоторых моряков были романтические отношения с девушками из поселка. Но это слишком деликатная тема, до сих пор скрытая завесой тщательно охраняемой тайны».

Можайский и его японская возлюбленная все сохранили в полной тайне. Более того, она утаила от своего «Можая», что беременна. Она призналась во всем только матери, и та решила отправить ее в далекое местечко, в горы. Здесь она и родила крепыша-мальчика. Затем вернулась с сыном в Хеда. Было объявлено, что мальчик - сынишка умершей родственницы. Многие годы и десятилетия это оставалось глубокой семейной тайной.

Как же открылась эта тайна? Произошло это почти через полтора века, сравнительно недавно.

В 1992 году в составе одной из русских делегаций в Японии побывал петербургский журналист В. Гузанов. И к нему подошла японка, назвала свое имя - Хасина Харуко - и сказала, что ее предком является русский моряк с корабля «Диана». Она решила открыть эту семейную тайну, чтобы что-то узнать о нем. Русского моряка любила ее прабабушка, имя которой она открыть не имеет права.

«Имя моего русского предка - Александр. Так, как звали русского императора. Он не из простых матросов, офицер. И художник. Он постоянно рисовал. Это все, что передавалось из уст в уста в нашей семье».

В экипаже «Дианы» имелось четыре Александра. Но художник был только один - Можайский.

В облике Хасины Харуко, пишет В. Гузанов, было явно что-то не японское: высокий рост, крупные черты лица. Она с изумлением узнала, что ее предком мог быть именно Александр Можайский, имя которого столь почитаемо в Японии.

В 1993 году Хасина Харуко приезжала в Россию, посетила в Петербурге и Кронштадте памятные места, связанные с Можайским, возложила цветы на его могилу.

Значит, все прояснилось и интимная тайна Можайского ныне открыта? Скажем так, соблюдая такт и осторожность: все сказанное - версия. К интимной японской тайне Можайского я еще вернусь в своем повествовании.

ЛЮБА

«1861 года, ноября пятого дня.

По указу Его Императорского Величества Вологодской Градской Екатерининской церкви священнослужители произвели обыск о желающих вступить в брак, и оказалось следующее:

1. Жених: 12-го флотского экипажа капитан-лейтенант Александр Федорович Можайский, православного вероисповедания.

2. Невеста: надворного советника Кузьмина дочь, девица Любовь Дмитриевна, православного вероисповедания.

3. Возраст к супружеству имеют совершенный: жених - 35 лет, невеста - 18 лет; оба находятся в здравом уме.

4. Родства между ними, возбраняющего брак по установлению церкви, плотского или духовного, нет.

5. Жених холост, а невеста девица.

6. К бракосочетанию приступают по обоюдному желанию».

Это подлинный архивный документ (в небольшом сокращении) - «свадебный обыск» (то есть своего рода брачное свидетельство) о вступлении в брак Можайского и Любви Кузьминой. Документ публикуется впервые (фонд 23, дело 48, сектор рукописных источников Вологодского музея-заповедника).

Они познакомились в 1859 году, когда старший лейтенант Александр Можайский, кавалер двух орденов, совершивший плавание в



А.Ф. Можайский и его жена Л.Д. Кузьмина-Можайская.



Дом-музей А.Ф. Можайского.



Макет фрегата «Диана» (Дом-музей А.Ф. Можайского).

Из японских рисунков Можайского



«Диана» на рейде. Причудливый японский пейзаж. Можайский, видимо изобразил себя, рисующего с натуры. Слева в зарослях - японец, наблюдающий тайно за русским.



Начало землетрясения.



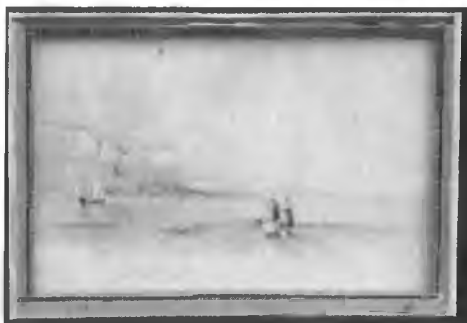
Гибель «Дианы».



*Современный вид на гору Фудзи
и поселок Хеда*



Макет шхуны «Хеда». Вазы, привезенные Можайским из Японии.



Оригинальные рисунки Можайского, хранящиеся в его Доме-музее: отплытие шхуны «Хеда» из Японии и женский портрет.



Рабочий кабинет А.Ф. Можайского.

Японию и экспедицию в Среднюю Азию, приехал в Вологду в гости к своим друзьям, морякам-вологжанам, тоже плававшим на «Диане».

Сохранился дневник матери Любы - Елизаветы Николаевны Кузьминой, в котором есть запись, что у них были в гостях моряки, в том числе Можайский.

Запись сделана 6 января 1860 года. «Моряки Можайский и Су-мароков были у меня весь вечер». Полагаю, что здесь небольшая неточность: моряки, особенно Можайский, были в гостях «весь вечер», конечно, у Любы.

Дневник Елизаветы Николаевны Кузьминой - интересный исторический документ. Он хранится в Вологодском музее-заповеднике. Называется «Памятная книжка». В нем в определенной мере - целая эпоха, хотя это личные, домашние записи. Первая запись относится к 1819 году, правка сделана позднее, последняя - 3 июня 1873 года. Конечно, главная ценность дневника в том, что здесь говорится о Можайском. Но не только. Это ценный документ бытового плана, рассказывающий о жизни дворянской усадьбы девятнадцатого века. Он написан доброй русской барыней естественно, просто, и хотя записи очень короткие, они живо передают то, что происходило в этой семье и вокруг. Выдержки из этого дневника приводятся мною впервые.

Вот запись за 1843 год: «Рождение дочери Любови 8 августа».

Кузьминым принадлежала роскошная усадьба-дворец в Браткове (ныне Шекснинский район), но постепенно они перебрались в Котельниково и здесь осели. В записи за 1855 год значится: «Начали строить дом в Котельникове и флигель поварской... Выкопали пруд». Дневник заполнен сведениями хозяйственного, бытового характера. Что делали, с кем встречались, кто гостил, как развлекались, что происходило в Вологде и так далее... Все это делает дневник Елизаветы Николаевны повествованием особого рода о жизни вологодского дворянства. Конечно, Любе в дневнике уделено большое внимание.

Кстати, оказывается, что перед встречей с Можайским Любе было сделано предложение неким Павлом Алексеевичем Кузьминым, крупным военным, приехавшим в Вологду. В дневнике говорится: «17 сентября. Павел Алек(сеевич) Кузьмин сделал Любе моей предложение, но она отказала, он назначен начальником штаба на Кавказе». Так что на Кавказ Любочка не поехала.

Любе было тогда семнадцать лет. Ее отец, надворный советник Д.И. Кузьмин, умер. Ее мать, Елизавета Николаевна, после перене-

сенного несчастья всю свою душу отдавала детям - сыну и двум дочерям. Люба получила хорошее домашнее воспитание, закончила вологодскую женскую гимназию, училась в Москве музыке у брата знаменитого Антона Рубинштейна. В Вологде участвовала в любительских музыкальных концертах. Была набожна: сохранился молитвенник приходского священника с надписью: «Самой исполнительней верующей Любви Дмитриевне Кузьминой». Сохранился также девичий альбом Любочки Кузьминой. Он прислан из Нижнего Новгорода потомками рода Кузьминых в Дом-музей Можайского. Это типичный альбом дворянской девушки, заполненный стихами, рисунками, пожеланиями. Вот одна из записей, посвященных хозяйке альбома:

«Способности судьба меня лишила
Красно писать и говорить.
Но сердцем наградила,
Чтоб искренне любить.
Вот только чем могу я вам служить?»

Но появился Можайский, и все в ее жизни перевернулось. В феврале 1861 года Елизавета Николаевна сделала в дневнике важную запись: «18 февраля я благословила Любу с Александром Федоровичем, и с этого дня они объявлены женихом и невестой».

Меж тем Можайский оказался в Вологде не случайно. Он приехал сюда не только в гости к сослуживцам по «Диане», но и по причине «временного откомандирования» с флота, и даже получил должность кандидата мирового посредника по Грязовецкому уезду.

Странно? Кажется, что весьма странно. Опытнейший морской офицер - и вдруг в глушь, в сухопутную Вологодскую губернию. Но все объяснимо.

Россия проиграла Крымскую войну, и на унижительных условиях ее лишили флота. Моряков, в первую очередь морских офицеров, надо было трудоустраивать. Предстояла великая реформа - отмена крепостного права. Потому должность Александра Федоровича была не формальна. Надо было на местах, в провинции, в глуши проводить реформу, внедрять ее в жизнь. Можайский был авторитетный и справедливый человек: именно такие люди, способные соблюдать равенство меж интересами дворян и крестьянства, были нужны, особенно в провинции.

В один из присутственных дней к Можайскому явился с предложением помещик Алексей Васильевич Квашнин-Самарин.

- Я к вам, Александр Федорович, - пояснил он, - как к грязовецкому посреднику. Только что, будучи в Грязовце, имел там откровенные беседы с местным дворянством. И нашел понимание. Мы, братья Квашнины-Самарины, начинаем сбор подписей под прошением государю с нижайшей просьбой - отказаться от губительного для России проекта об отмене крепостного права. Это право рождено для блага Отечества всей российской историей. Начнем собирать подписи с Грязовца, перекинемся на Вологду, потом на всю губернию. Надеюсь, что вы, Александр Федорович, в этом благородном начинании нас поддержите?

- Увы, не поддержу, - твердо сказал Можайский.

- Как так? - оторопело произнес Квашнин-Самарин. - Вы же дворянин, Александр Федорович. Неужто вы будете, извините, предателем дворянству?

- Я - русский дворянин, - сказал Можайский, - никогда русскому дворянству предателем не буду. Но, убежден, крестьянству надо давно дать волю.

- Об чем вы, сударь, говорите! - возмущенно возопил Квашнин-Самарин. - Ежели русскому мужику дать волю, порядку в России не будет, русский мужик сольется и начнет буйствовать. И дворянство, эта вековая опора престола, может погибнуть. Мужик сможет уничтожить дворянина. И будет уничтожать. А вы знаете, что и в Библии сказано: крестьянское сословие произошло от Хама. В Россию придет великий Хам.

- В Библии такого нет, - возразил Можайский. - И я хочу вам прямо заявить, сударь, как мировой посредник, что я в меру своих сил всегда буду содействовать миру между мужиком и дворянином.

Они обменялись еще несколькими резкими репликами. Квашнин-Самарин ушел раздосадованный. Можайский тоже был раздосадован и еще долго не мог успокоиться.

«Вот ты наверняка произошел от Хама, - подумал он о Квашнине-Самарине. - Все вы, три брата, хороши».

Можайский имел сведения о Квашниных-Самариных, внушавшие ему неприязнь. И было отчего. Старший брат, Павел Васильевич, женился на владелице села Кувшиново госпоже Мельгуновой, но

бросил ее, выжав из бывшей супруги все, что мог. Он был известен на всю Вологду своими противоестественными содомистскими наклонностями, причем их не скрывал, открыто рассказывал, как склонил за деньги к интимной связи какого-то мальчика или юношу из бедных слоев. Средний брат, Иван Васильевич, был кутила, проиграл в карты все свое состояние. Но ушел в монастырь, чем и спасся. Младший брат, приходивший к Можайскому, Алексей Васильевич, был куртизан, распутник, введший в своем имении право первой ночи и ни одну крестьянскую девку не пропускавший.

«Конечно, Квашнины-Самарины не раз отличались на полях сражений. У них есть заслуги, - думал Можайский. - Но это в прошлом. Такие люди ныне воплощают упадок части дворянства. Они не опора трона. Они опасны, ибо вызывают ненависть крестьян. А настоящее русское дворянство - это честь и высшие идеалы. На вологодской земле много таковых: Брянчаниновы, Зубовы, Засецкие, Межаковы, Дружинины...»

В усадьбе Дружининых Грибцово (она рядом с Котельниковом) Можайский только что побывал в гостях и в беседе с главой рода Алексеем Ивановичем Дружининым нашел полное понимание. Говорили как раз о крестьянской реформе. Алексей Иванович, несмотря на преклонный возраст, сохранил ясность мысли и отчетливо понимал, что происходит ныне.

- Вы знаете, Александр Федорович, что я - старый человек, участник еще войны с Наполеоном, - сказал он. - Я уже из другой эпохи. Но всем сердцем поддерживаю реформу государя. Мне ведь ясно помнится: мы освобождали Европу от наполеонова ига, а в самой России у нас было рабство. Конечно, я тогда был мальчишка, но о том многие офицеры говорили. Они видели и понимали: крестьяне в Европе, в отличие от русского мужика, - свободные люди. И становилось горько. Отсюда и заговор двадцать пятого года произошел. Мне самому жить осталось недолго, мне за семьдесят, но я думаю о будущем России.

Ах, моя родина, моя Россия, моя отрада, моя боль! Я, Александр Можайский, русский дворянин, русский человек, так часто думаю, что происходит с тобой, Россия. Как пройдет великая реформа, к чему она приведет. Надеюсь на лучшее. На возрождение России. Но иног-

да боюсь за тебя, Россия. Ты бываешь страшной, бываешь горькой.

Сегодня тебе трудно, Россия. Ты побеждена, Россия, ты унижена, твои враги торжествуют. Они все-таки сумели взять Севастополь, наш Севастополь, великий город русской морской славы. Этого не забыть.

Я хочу поднять тебя, Россия. Я хочу создать свой первый в мире летательный аппарат, чтобы поднять тебя. Чтобы все восхитились тобой, Россия, весь мир. Россия первой полетит в небо. Первой. И это сделаю я.

Не ради славы - я не тщеславен. Личной славы мне не надо. Мне нужно личное счастье, семейное счастье. Я хочу жениться на Любе, которую люблю больше всех на свете.

Запись Елизаветы Николаевны в дневнике за 1861 год: «5 ноября. День свадьбы Любы, обряд венчания был в Вологде, в церкви Св. Екатерины, из церкви молодые приехали в Котельниково. Прожили целую неделю в деревне. 14, 15, 16 молодые были в городе... 19 ноября был свадебный обход в Котельникове для родных и знакомых». Все рады, все счастливы.

Котельниково было приданым Любы. Так Можайский поселился под Вологдой. Он познал семейное счастье. И в свой вологодский период, с 1860 по 1869 год, многое сделал для создания первого самолета.

В 1863 году родился первенец - Саша. Изредка супруги выезжали в Петербург.

В альбоме Любови Дмитриевны есть стихотворение, написанное ее матерью Елизаветой Николаевной на французском языке как раз перед отъездом молодых в столицу. Эти стихи свидетельствуют, насколько теплая, полная любви обстановка была в семействе.

Елизавета Николаевна называет уже замужнюю дочь «девочкой», «дорогим ребенком» и вместе с тем «своей подругой». Вещи дочери: «святые книги», четки, «освященные бусинки» - и в разлуке «будут очаровывать старость твоей счастливой мамы».

И никто не подозревал, какое ужасное несчастье ожидает эту семью, какое чудовищное горе обрушится на них. Произошло неожиданное - скоротечная болезнь и смерть Любови Дмитриевны. Она умерла в 23 года.

Вот записи об этой трагедии в дневнике Елизаветы Николаевны за 1865 год. «17 декабря. Люба моя захворала, мы всей семьей были при ней». «27 декабря. Родила Люба преждевременно сына Николая и не вставала с постели».

Что же случилось? Есть версия, что Любу заразила родственница, приехавшая в гости и не подозревавшая (да и никто не подозревал), что она скрыто больна какой-то инфекционной болезнью. Она выздоровела. А Люба - нет. Страшная запись в дневнике в январе 1866 года. «18 января. Удар нам. Люба скончалась». Сколько горя за этими краткими словами!..

ЧЕЛОВЕК ВЗЛЕТЕЛ ПОД ВОЛОГДОЙ

В судьбе Можайского наступил перелом: семейное счастье сменила трагедия - неожиданная смерть любимой жены. И возникает самый сложный психологический вопрос: как это сказалось на его поисках, как отразилось на создании им своего летательного аппарата? Несчастье способно сломать человека. Но для творческой личности, как это ни парадоксально, глубинное страдание может повлечь своего рода прорыв в его поисках, как бы психологическую компенсацию, открыть нечто новое. И не исключено, что через жестокое страдание Можайский прошел в своих поисках того, к чему стремился. И возможно, важнейший шаг к созданию летательного аппарата он сделал именно в Котельникове. То есть можно высказать сенсационную версию, обращенную в прошлое: человек впервые в истории, впервые в мире взлетел на летательном аппарате (змее-планере) под Вологдой, близ Котельникова, на Бычьей горе.

Но что же здесь нового и сенсационного, скажете вы. О полетах Александра Федоровича с Бычьей горы сохранилась память среди местных жителей, об этом постоянно рассказывается на экскурсиях в Доме-музее Можайского. На первый взгляд, все это общеизвестно, во всяком случае, для вологжан. И о полетах на воздушных змеях, небольших, неуправляемых, известно с древности. Но Можайский под Вологдой впервые взлетел на частично управляемом змее-планере.

Новым является оценка того, что произошло в Котельникове. Если исходить из воспоминаний старшего внука Александра Федоровича - А.А. Можайского, то можно даже утверждать, что история российского воздухоплавания началась под Вологдой. Котельниково

является в определенном роде колыбелью воздухоплавания. Это недооценивалось, не было понято.

Но, разумеется, обо всем этом можно сказать попроще - без глобальных выводов, без сенсации, а именно: «вологодский период» Можайского до сих пор оценен и понят недостаточно. О нем и в солидной исследовательской литературе о Можайском ничего по существу не говорится, выводы не делаются. Более того, утверждается, что первые полеты Можайского на змее-планере состоялись в 70-е годы на Украине, в поместье Вороновица. Но А.А. Можайский, если внимательно вчитаться в его воспоминания, прямо пишет, что на Украине его дед усовершенствовал то, что им было открыто и создано на вологодской земле. Подчеркиваю это - «усовершенствовал», то есть продолжил, развил, завершил. Начало было под Вологодой, еще в 60-е годы. Если даже не придерживаться сенсационной версии, то все равно, на мой взгляд, «вологодский период» был переломным и потому важнейшим в судьбе Можайского. Здесь, в Котельникове, он нашел и сформулировал основные принципы полета будущего летательного аппарата, сконструировал и построил его (змея-планер) и впервые взлетел на нем.

И конечно, в личной жизни Можайского вологодские годы имели исключительное значение: здесь он полюбил, женился, здесь родились его сыновья и была пережита его самая большая личная трагедия.

На могиле Любы были посажены три березки, три сестрички. Они привились. Можайский часто приходил и приезжал сюда. Сидел у могилы, разговаривал с любимой женой, выплакивал свою душу, гладил кору березок-сестреночек.

Потом возвращался в Котельниково и полностью, пытаясь заглушить горе, уходил в работу. Продолжал то, что было начато при жизни Любы.

В его кабинете над рабочим столом висело чучело белой чайки. Чайка напоминала ему о море и как бы постоянно звала разгадать тайну полета птиц, их парения в воздухе. Ведь сама по себе его мечта о полете первоначально возникла при наблюдении за птицами. Почему птица летает? Почему она может парить? Он тщательно препарировал крыло голубя. Пытался на чертежах проанализировать голубиный полет.

Голуби, вороны, ласточки, воробьи, чайки - возможности их полета внимательно наблюдались и изучались. Каждой птице была посвящена учетная карточка, в которую вносились высота полета, обмер крыльев, вес, физические возможности.

Но может ли человек уподобиться птице, создать крылья для себя, похожие на птичьи? С древности люди полагали, что это возможно. Отсюда древнегреческий миф о полете на крыльях Дедала и Икара. Но Икар погиб. И это символично. Нет, птичьи крылья не совмещаются с человеком. Человек может полететь лишь на аппарате с неподвижным крылом.

Можайский делает важнейший вывод и записывает его: «Основой будущего летательного аппарата должно быть неподвижное крыло, наклоненное под некоторым углом к горизонту и получающее тягу от воздушных винтов... Для возможности парения в воздухе существует некоторое отношение между тяжестью, скоростью и величиной площади... Чем больше скорость движения, тем большую тяжесть может нести эта площадь».

Принцип полета птицы должен лежать в самой идее создания летательного аппарата. Но он не может быть похож на птицу. Это нечто другое, не существующее в природе, это - создание человека. Как парус, несущий корабль по волнам. Как змей, взмывающий в воздух. Причем может взлетать и змей больших размеров. Он тяжелее воздуха, но он летит, он парит, как птица. Значит, надо построить змей такой конструкции, чтобы он мог поднять человека.

Можайский чертит сложные чертежи воздушных змеев разных конструкций. На верстаке готовит детали для их сбора. Ему уже ясно: сначала он взлетит на воздушном змее.

Помимо главного - сложнейшей, всепоглощающей работы над будущим летательным аппаратом - в Котельникове у него было много и других занятий. Дети - два маленьких сына. Хозяйственные дела по усадьбе. Работа в парке, который он очень любил. Парк все расширялся, он занимал почти тринадцать гектаров. Одних только дубов было более двухсот.

Можайский полюбил Котельниково и уже не представлял своей жизни без этой ставшей родной усадьбы. По родовому преданию, Можайские еще в четырнадцатом веке получили в вологодском крае земельные наделы. Но тогда не прижились.

Все же судьба привела их на Север. Отец Александра Федоровича, старший Можайский, после службы в Финляндии долгие годы служил начальником архангельского порта. А сын - Можайский-младший - некоторое время плавал на судах, приписанных к этому порту. А потом по воле фортуны оказался в Вологде. И стал здесь своим, вологодским. Выполнил различные почетные поручения. Когда в апреле 1867 года в Москве открылась первая Русская этнографическая выставка, вологодским представителем на ней стал уважаемый всеми Александр Федорович Можайский.

Он написал обстоятельный и очень эмоциональный отчет о выставке. В нем - его любовь к России. На выставке были показаны триста представителей народов России, их костюмы, предметы труда, изделия искусства, их древности. Все это глубоко взволновало Можайского - он видел в России уникальную семью множества народов во главе с русским народом. Он в качестве почетного гида возил в Петербург представителей зарубежных славян. В славянстве он видел (и писал о том) «будущее научное и литературное единство». Можайский верил: славяне должны быть вместе.

Хоронили соседа, Алексея Ивановича Дружинина, человека, прожившего долгую и достойную дворянина жизнь. Можайский, конечно, присутствовал на похоронах, ибо уважал покойного чрезвычайно.

Алексей Иванович был из тверских помещиков, но женился на вологжанке Надежде Михайловне Булдаковой и, уйдя в отставку в чине штабс-капитана «за ранами», поселился в усадьбе Грибцово, где возвел огромный барский дом, специально построенный из столетних, привезенных с северных мест гигантов-пихт. И превосходно обустроил усадьбу. Красивейший парк, богатейшая библиотека, храм с родовым склепом.

Стоя у гроба, Можайский разглядывал боевые ордена покойного: святой Анны четвертой степени, князя Владимира четвертой степени с бантом, святого Станислава второй степени с бантом. Лежал Алексей Иванович в гробу в парадном мундире штабс-капитана Пермского пехотного полка, где начал службу с пятнадцати лет, отличился во многих баталиях и служил до ранения и отставки.

Почему-то бросился в глаза широкий армейский кожаный ремень с бляшкой в виде двуглавого орла, такой и в склепе на века сохранится...



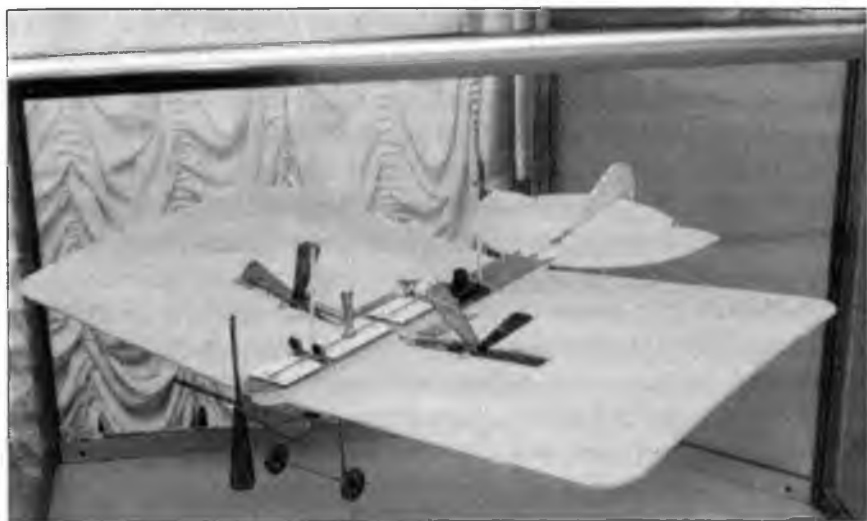
**Наша любовь -
Любовь Дмитриевна
Кузьмина-Можайская**



*Портрет Л. Д. Кузьминой-Можайской и ее
молитвенник.*



Могила жены Можайского и березы над ней, позади Спасо-Бруснищенский храм.



Модель самолета А.Ф. Можайского. Вид на Бычью гору, с которой А.Ф. Можайский на змее-планере совершал свои первые полеты.



Помимо процветающей усадьбы оставил Алексей Иванович после себя и научные труды. По просьбе известного военного историка А.И.Михайловского-Данилевского им написаны воспоминания об участии в сражениях при Клястицах и реке Свольне, где он был ранен пулей в живот навывлет, но чудом выжил. Написаны также были заметки (и он показывал их Можайскому) об английском и французском парламентах, «о способе жить долго и здраво», а также о разумном взыскании податей с крестьян.

И Можайский, глядя на покойного, думал: вот старый русский помещик, который стремился относиться к мужику справедливо и разумно. А это так важно сейчас, когда идет великая реформа. Россия особо нуждается в новых, более справедливых отношениях между дворянином и крестьянином. От этого, может, вся наша будущность зависит. Не приведи Бог, найдутся новые Пугачевы, толкнут мужика на бунт, смуту, кровопролитие. Не приведи Бог...

Новые Пугачевы нашлись... История соседней с Котельниковом усадьбы Грибцово, как в капле воды, отразила то, что потом произошло во всей России.

В первое послереволюционное время Грибцово принадлежало вдове известного вологодского врача В.Н. Горталовой. И ей управлением Вологодского губисполкома была выдана так называемая охранная грамота. Вот ее текст (в сокращении):

«Находящийся в усадьбе Грибцово Богородской вол. Вологодского уезда дом, как монументальное здание исторического характера, с библиотекой, предметами музейного характера и прочим инвентарем, взят на учет и находится под охраной вышеозначенного Управления, посему никаким реквизициям или конфискациям и даже обыскам без ведома Управления не подлежит; неисполнение сего правила рассматривается как нарушение революционного правопорядка и влечет за собою судебную ответственность, что и объявляется для всеобщего сведения».

Но революционная теория и практика чаще всего резко расходились между собой. Вскоре после получения «охранной грамоты» к В.Н. Горталовой явилась делегация и заявила: пусть она убирается из усадьбы немедленно, в Грибцово поселится коммуна и будет строиться коммунизм. Какая-то «охранная грамота» - пустяк по сравнению с построением коммунизма в бывшей барской усадьбе.

В восьмидесятые годы я неоднократно бывал в Грибцове вместе с журналистом (увы, ныне покойным) В.М. Решетниковым. Нам нравилось бывать здесь в старом, заросшем в рост человека травостоем, но все равно живом и прекрасном парке. И бывший барский дом был цел. Коммуны здесь давно, конечно, не было. Но дом, зияющий пустыми глазницами окон, стоял, могучий, как крепость. Казалось, ничто не может здесь его разрушить. Он мог простоять еще десятилетия, а может, и века.

Однажды здесь, в Грибцове, произошла встреча с бывшим старым коммунарком. Он приехал на машине вместе с молодыми своими родственниками, молодоженами, внуком и его женой, чтобы показать, где он жил в молодости. Мы с В.М. Решетниковым тоже подошли к старому коммунару, а он, стоя у бывшего барского дома, с гордостью рассказывал, как они, коммунары, здесь жили одной семьей, как работали, как установили в парке бюст Ленина, как построили отличный коровник, как пытались хотя бы в небольшом коллективе установить новые коммунистические отношения.

Но я задал ему совершенно неожиданный вопрос:

- Скажите, пожалуйста, но здесь была церковь и родовый склеп. Что с ними стало, не помните?

- Как же, хорошо помню, - закивал он. - Вот как раз церковные кирпичи и могильные плиты и пошли у нас на коровник.

- Вы вскрывали могилы? - спросил я, внутренне ужасаясь.

- Все вскрыли, - ответил он спокойно. - Мы драгоценности искали. Прах покойных, конечно, выбросили, драгоценностей, к сожалению, не нашли. Но представьте себе, вскрыли один гроб, а в нем лежит старый офицер, как вчера похороненный, целенький, в мундире, орденах. Из наших сразу кто что тогда в гробу схватил - кто ордена, кто эполеты. А я ухватил ремень. Отличный был кожаный ремень, хоть и с двуглавым орлом. Я его долго носил. Жалко, украли. А офицер на наших глазах в пыль рассыпался.

«Наверное, - подумал я, - это был прах Алексея Ивановича Дружинина».

Никаких эмоций, ни малейшего раскаяния в голосе старого коммунара я так и не почувствовал. Спустя столько лет, несомненно, пережив многое, в том числе свои коммунистические надежды, он, видимо, так ничего и не понял. И ему было совершенно непонятно,

что они, коммунары, совершили в Грибцове подлинное нравственное преступление. Но упрекать его в этом было бесполезно. Его наивные детские глаза были пусты и прозрачны и ничего не выражали.

Вологодское дворянство в революционные годы и в период сталинских репрессий было уничтожено под корень. В этом я убедился, когда в перестроечное время много писал о вологодском дворянстве и со страниц газет призывал: откликнитесь, уцелевшие. В ответ было мертвое молчание.

Уцелели единицы. Такова трагическая участь всего российского дворянства. Остались те, кто бежал на Запад. В России выжили немногие. Большинство дворянских усадеб было уничтожено.

И поразительно, что барский дом в Грибцове был уничтожен совсем недавно, в наше время.

Придя с В.М. Решетниковым в очередной раз в Грибцово (восьмидесятые годы), мы с недоумением и негодованием увидели вместо усадьбы развалины. Могучий дом, способный еще стоять, жить, даже использоваться, был разрушен, полностью снесен. Бульдозерами, что ли, тракторами? Но зачем? Какому идиоту потребовались двухсотлетние бревна? Как это могло быть в наше время? Нет ответа.

Умеем мы, русские, бессмысленно разрушать свое, родное. Умеем мы падать. Остается лишь надеяться, что умеем и взлетать. Что и доказал Можайский.

И то счастье, что Котельниково все же не повторило судьбу соседнего Грибцова, все же уцелело. Вероятно, все же благодаря имени Можайского.

Усадебный дом в Котельникове тоже пережил немало: здесь были и клуб, и склад, и контора местного хозяйства, и партшкола, и, наконец, частное жилье. Историческая справедливость все же восторжествовала: в 1986 году здесь открылся музей, посвященный Можайскому и частично истории авиации и космонавтики.

К великому сожалению, архив Можайского в Котельникове не сохранился. А.А. Можайский вспоминает, что его отец показывал ему, еще мальчику, этот архив. В больших коробках было множество чертежей, записей, документов. После революции все это исчезло неизвестно куда.

Но вологодские музейщики многие годы вели тщательный сбор

материалов о Можайском и собрали немало ценных материалов. Они хранятся сегодня в музее-заповеднике и Доме-музее Можайского. Но так получилось, что по-настоящему эти материалы не использовались, не изучались. В первую очередь это относится к воспоминаниям А.А. Можайского, старшего внука первоизобретателя самолета, которые я неоднократно цитировал и вновь на них обращаю особое внимание. Эти воспоминания были написаны еще в 1960 году, когда А.А. Можайский был помощником военного атташе в Румынии. Он умер в 1972 году, а его воспоминания были присланы в Вологду его братом, Д.А. Можайским, в 1975 году и с тех пор пролежали в Вологде втуне. И, казалось бы, при наличии обширнейшей литературы о Можайском их можно и не использовать. И мне тоже сначала, когда я впервые читал эти воспоминания, казалось, что в них нет ничего нового, что все это уже известно и опубликовано. Но это было только первое и ошибочное впечатление. При более внимательном чтении и сопоставлении воспоминаний со всей опубликованной литературой в них обнаружились новые, неизвестные сведения. Это всего несколько строк. Но они особенно важны для вологодской истории. И я понял, какое произошло упущение. Из воспоминаний А.А. Можайского становится совершенно очевидно, какую важную работу проделал Александр Федорович в Котельникове, прежде всего по конструкции змеев-планеров. Вот свидетельства старшего внука Можайского, они публикуются впервые (фонд 23, дело 48).

«...В Котельникове же А.Ф. Можайский сконструировал змей-планер, создав наиболее подходящую форму и величину такого с учетом подъема на нем в воздух человека. Достигнув желанных результатов для подъема змея-планера в воздух, в Котельникове А.Ф. Можайский совершил свои первые полеты на этом змее-планере». Еще раз выделим это с гордостью: первые полеты Можайского были именно в Котельникове. Здесь должен стоять обелиск на Бычьей горе. И снова цитата из воспоминаний старшего внука Александра Федоровича о работе, проделанной в Котельникове: «А.Ф. Можайский производил опыты со змеями различных размеров и форм, среди которых были змеи прямоугольной формы, квадратные, а также коробчатой формы. На змее коробчатой формы А.Ф. Можайский совершил свой первый полет в воздух». Вот какой змей-планер взлетел на Бычьей горе.

Конечно, до создания первого самолета еще далеко. Но главный принцип полета будущего самолета уже найден, открыт и практически воплощен. Это и есть скачок в воздухоплавании, происшедший в Котельникове.

Можно представить, как это было. Можайский садится на повозку тройки рысаков, привязанный к огромному змею. Тройка разгоняется. Змей надувается, как парус. Змей взмывает в воздух. И Можайский вместе с ним взлетает ввысь.

И полет проходит самостоятельно. Змей-планер летит как самостоятельный, независимый от ветра летательный аппарат. Им управляет человек.

Человек впервые летит, летит над вологодской землей.

ТОЛЬКО БЫ ВЗЛЕТЕТЬ!

Я, Любовь Дмитриевна Можайская, я, Люба, Любовь, давно мертва. И лежу в Спасском близ храма под тремя березами.

Ах, как хочется мне увидеть моих сыновей, прижать их к сердцу! Как хочется броситься на шею любимому мужу! Но это невозможно. Я мертва.

Ах, но если это невозможно, то хотя бы одним глазом взглянуть на наше Котельниково, на наш дом, пробежаться по его комнатам...

Вот в этой комнате вещи, привезенные мужем из Японии: костюм самурая, причудливые чашки, вазы, высушенная рыба-меч. Я знаю: это не только память о Японии. У него там была любовь к молодой японке. Я не виню его в том, это было до меня. Когда мы еще не были мужем и женой, когда он еще так почтительно ухаживал за мной, однажды нарисовал в мой альбом рисунок, на нем шхуна «Хеда», построенная им самим, отплывает из Японии. Видимо, это прощание и с ней, его японской возлюбленной. Впрочем, он отплыл не на «Хеде». Но все равно - это прощание. И как жаль, что он почему-то ни разу не нарисовал меня...

Можайский был художником-любителем, но, безусловно, одаренным. Он мечтал издать свои японские рисунки отдельным альбомом, но не получилось. Воспоминания о Японии много значили для него. Ведь он был одним из тех, кто участвовал в заключении Симодского договора, в котором говорится: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией». Это была дипломатическая победа. Закрытая для мира страна протянула России руку.

Японская тема, видимо, его никогда так и не оставляла. Он расписал стены флигеля усадьбы в Котельникове двумя огромными пейзажами. На одной стене - русский вид: мельница, лес. На другой - японский пейзаж. Эта уникальная роспись сохранялась еще в пятидесятые годы прошлого века, потом была уничтожена. Все же она запечатлена на редкой любительской фотографии.

В Доме-музее Можайского ныне имеется три подлинных рисунка Александра Федоровича: это этюд, запечатлевший отплытие «Хеды» из Японии, изображение сына Саши и портрет пожилой дамы. Они уникальны. Ими можно гордиться.

Конечно, Можайский был яркой творческой личностью во всем, это проявилось и в его рисунках тоже. Но вот что примечательно: ни на одном из этих рисунков нет неба, нет полета. Много моря. Но ни неба, ни Любы на рисунках Можайского нет. Возможно, это было столь значимо для него, что он не решился рисовать ни небо, ни Любу.

Две главные любви Можайского - Люба и небо - в рисунке были для него невыразимы.

Летом 1869 года - новый удар судьбы: на Украине, в Подольской губернии, в своем поместье Вороновица близ Винницы умер брат Николай. Можайский уехал туда, оставив сыновей на попечение тещи Елизаветы Николаевны.

Вороновица - прекрасная усадьба с домом-дворцом, прекрасным парком. Здесь были все условия для работы. И местное общество встретило его приветливо и уважительно. Можайского даже избрали почетным мировым судьей Браиловского округа. Но главным оставалась работа по созданию летательного аппарата. Надлежало продолжить и завершить то, что было создано в Котельникове.

«А.Ф. Можайский настойчиво продолжает свои опыты по усовершенствованию змея-планера, могущего поднять в воздух груз и человека. Там же А.Ф. Можайский совершает ряд полетов на сконструированном им змее-планере, который уже имел форму распростертых крыльев летящей птицы, обтянутых шелковой материей; между крыльев находилась гондола в форме лодки, но без днища. Человек, совершавший полет, помещался в этой лодке, ноги же человека с разбега до поднятия змея в воздух касались земли...

В Вороновице А.Ф. Можайский взлетал на змее-планере неоднократно, но однажды получил перелом ноги при неудачном приземлении, что приковало его на некоторое время к постели». (А.А. Можайский).

Перелом замедлил, но не остановил работу. Опыты со змеепланером были завершены. И создана модель аппарата. Теперь надо ехать в столицу. К тому же он решил возвратиться на флот, по-прежнему любимый им, но теперь - в торговое пароходство. И главное - утвердить, продвинуть проект своего воздухоплавательного аппарата.

Осенью 1876 года Можайский приезжает в Санкт-Петербург, поселяется в доме Тупикова на пересечении Невского и Литейного проспектов. И вскоре многочисленная публика собралась в Манеже на невиданное зрелище - испытание первой летающей модели.

Можайский под напряженными взглядами поставил модель на стол. Она была невелика. Чем-то она напоминала миниатюрную лодочку, но с крыльями, двумя рулями и винтами. Разумеется, паровую машину установить на ней было нельзя. Ее заменяла служившая двигателем пружина.

Александр Федорович, волнуясь, завел пружину. Модель покати-лась по столу, и раздался общий возглас: «Ах!» У края стола модель оторвалась от поверхности и взлетела. Выше, выше, уже над головой Можайского. И грянули аплодисменты. У всех на глазах модель летала! Такое было впервые.

Можайский был окрылен. Военный министр назначил специальную комиссию для оценки изобретения, в нее вошел уже всемирно известный Менделеев. И Менделеев поддержал Можайского. Выводы комиссии были положительными, и Можайскому выделено три тысячи рублей на продолжение работ.

Во второй половине марта 1878 года Александр Федорович завершил свой проект по созданию летательного аппарата. Это уже был прообраз самолета, в чертежах и расчетах - первый самолет. Длина - 23,2 метра, размах крыльев - 25, высота - 7,5 м. Вес - немного более 900 кг. Двигатель - паровая машина в 30 лошадиных сил.

Паровая машина была ахиллесовой пятой самолета. Бензиновый мотор еще только входил в жизнь. Двигатель внутреннего сгорания был уже изобретен, но он громоздок и тяжел - тяжелее паровой машины.

Лишь спустя двадцать лет американцы братья Райт сумели создать компактный, достаточно легкий для подъема бензиновый мотор для своего первого самолета. И это помогло им полететь.

Можайский рассчитывал взлететь с паровой машиной. И верил в это.

Что же случилось потом? Откуда все дальнейшие огромные трудности? В чем причина тех горьких испытаний, которые выпали на долю Можайского? В книге Н. Черемных и И. Шипилова «А.Ф. Можайский - создатель первого в мире самолета», изданной в пятидесятые годы, причина объясняется просто: «Александр Федорович Можайский жил и работал в тяжелых условиях царского самодержавия». Конечно, во всем виновато царское самодержавие - такая все объясняющая причина была у нас аксиомой. Теперь мы так не говорим и не пишем.

Но почему все же Можайский попал в сложную, трагическую ситуацию? Главная причина очевидна - он опередил время, вырвался со своим проектом из привычных, обыкновенных рамок. А взаимное непонимание и конфликты между неординарной личностью и обществом - это всегда было и, увы, всегда будет. Трудно тому, кто живет «не так», поступает «не так». В своем устремлении в небо Можайский не был понят, до конца ему не поверили. Чего только стоит лишь краткое резюме из доклада Главного инженерного управления: «Вопрос «о плавании или летании в воздухе» признается пока бесполезным и нерациональным». То есть летать человеку - это бесполезно.

И была субъективная причина - засилье иностранцев в русской науке, возникшее еще во времена Ломоносова. В новую комиссию, занимавшуюся изобретением Можайского, вошло четыре человека, и три из них были немцы: профессор Николаевской инженерной академии генерал Паукер, генерал-майор Герн, полковник Вальберг и лишь один русский - Петров. Но он, талантливый ученый, был учеником Паукера и находился под его влиянием. Потому комиссия Паукера не только не продвинула проект Можайского в жизнь, а, напротив, нашла много причин препятствовать ему. Вряд ли подобное было злым умыслом - просто не верили и не понимали. Можайский с горечью писал в 1879 году: «Само собою разумеется, что обстановка, в которую я был поставлен, и правдивость, которую я могу доказать, не может поощрить человека на пути умственного труда для пользы своего Отечества, равно и служить поощрительным примером и для других русских».

Комиссия Паукера после долгих проволочек, в сущности, высказала отрицательное отношение к проекту Можайского. Можайский был возмущен. Он писал: «Вообще, я не ожидал такого безучастия, которое комиссия высказала к моему труду... Я желал быть полезным своему Отечеству и заняться разработкой моего проекта, для

чего и оставил место своего служения... Я трудился не для своего личного интереса, а для пользы государства...»

Можайский был абсолютно уверен в своей правоте. Он даже считал, что его самолет можно использовать в назревшей в 1877 году войне с Турцией. А ему отказывали. Если взглянуть в глаза на портрете Александра Федоровича - в них глубоко прячется тень страдания. Но все же он не был одинок. Его горячо поддерживал генерал-майор И.П. Алымов и другие уважаемые лица. Вокруг него стал складываться круг убежденных сторонников - ученых, военных, журналистов.

С марта 1879 года начались работы по строительству первого в мире самолета. 3 ноября 1881 года департаментом торговли и мануфактур была выдана привилегия (то есть патент) на изобретение самолета («воздухоплавательного снаряда»). Можайский признавался создателем этого первого «воздухоплавательного снаряда».

Но все это требовало немалых денег. Можайский скрупулезно подсчитал - 18895 рублей.

«Капитану 1-го ранга Можайскому.

Главное инженерное управление уведомляет Ваше высокоблагородие, что г. Военный министр не изволил изъявить согласия на отпуск Вам 18895 рублей, о которых Вы ходатайствовали в письме к его превосходительству от 23 марта сего года для устройства изобретенного Вами воздухоплавательного аппарата в натуральную величину.

За управляющего делами Инженерного комитета генерал-майор Баумгартен.

Делопроизводитель полковник Вальберг».

И молодой монарх Александр III, недавно вступивший на престол после злодейского убийства его отца Александра II - Освободителя, тоже отказал. Он сторонился всего нового. Потому «Высочайшим повелением от 7 июля 1881 года просьба г. Можайского отклонена».

Можайский продавал все, что мог, закладывал, перезаклаживал. Ему грозила нищета. Но и это его не остановило. Так было заложено Котельниково, Любино приданое.

Все же нашлись понимающие, сочувствующие люди, спонсоры, среди них знаменитый генерал Скобелев. К лету 1882 года первый самолет был построен. Свое детище Можайский описывал так: «Воздухоплавательный снаряд состоит из следующих главных частей: крыльев, помещенной между ними лодки, хвоста, тележки с колесами, на кото-

рую поставлен весь снаряд, машин для вращения винтов и мачт для укрепления крыльев. Крылья снаряда делаются неподвижными. Хвост состоит из плоскостей: горизонтальной и вертикальной... Лодка служит для помещения машин, материалов для них, груза и людей».

Люба моя, любовь моя. Прости меня. Я заложил нашу усадьбу, наше Котельниково. И не только. Я заложил даже обручальное кольцо, бесценную память о тебе. Прости, родная. Увы, выхода не было. Денег не хватало. Но мой воздухоплавательный аппарат, дело всей моей жизни, построен. Я верю, ты поймешь меня и за могилой... И простишь.

Я люблю тебя. Я представляю, как ты лежишь где-то под Вологодой, в сырой земле у храма, и сердце мое плачет. Ах, родная, как тяжело мне, как тяжело.

Я не женился. И не женюсь. Никто на свете не сможет мне заменить тебя. Сыны растут, уже оба вступили в отрочество. Утешаюсь ими. И живу своим воздухоплавательным аппаратом. Всю свою боль, всю свою скорбь по тебе я вложил в него, и это помогло мне выжить и перенести непереносимое горе. Я хочу взлететь.

Я хочу научить людей летать. И это тоже будет память о тебе. Один священник (кабы один) сказал мне: «Это против Бога, человек летать не должен, это богохульное дело». Нет. Я не выступаю против Бога. Но я бросаю вызов смерти: для меня взлететь - значит вырваться из земного притяжения, подняться над всем. Ты понимаешь, любимая, о чем я...

Только бы взлетел мой аппарат, только бы взлетел...

ВЗЛЕТЕЛ ЛИ САМОЛЕТ МОЖАЙСКОГО?

«Первый в мире полет самолета в воздухе под управлением человека состоялся в России летом 1882 года на военном поле Красного Села в Петербурге... При испытании самолет Можайского под управлением механика пролетел над военным полем Красного Села, и при посадке аппарат сломал крыло...» (Н. Черемных, И. Шипилов, «А.Ф. Можайский - создатель первого в мире самолета», 1955 г.).

Так ли это? А что говорят документы? Вот выдержка из доклада Главного инженерного управления главному штабу: «Г-н Можайский построил летом 1882 г. в Красном Селе прибор свой в натуральную величину, который, сколько известно, подтвердил только справедливость вышеизложенного о нем мнения комиссии».

Это мнение было отрицательным. Значит, Можайский все-таки

потерпел неудачу? Значит, его самолет не взлетел? Но почему такая «обтекаемость», неопределенность в оценке официальной комиссии?

И здесь при внимательном знакомстве с сохранившимися материалами и анализе их сталкиваешься с парадоксом, на первый взгляд, невероятным и необъяснимым. Никаких официальных документов, что самолет Можайского не взлетел, не существует. И равно нет официального свидетельства, что полет состоялся.

Современники - П.В. Наумов, В.Ф. Найденов, Л.З. Меркович, Н.А. Яцук, сын Александра Федоровича А.А. Можайский - утверждали при небольших расхождениях примерно одно и то же: самолет отделился от земли, перелетел поле, но затем упал, сломав крыло. Пилотировал самолет механик Голубев; он якобы получил травму. Разумеется, свидетельства современников перечеркнуть нельзя.

Вологодские материалы в значительной мере свидетельствуют, что еще в Котельникове Можайский верно разработал основные принципы полета, и очень важно то, что Вологда располагает (о чем уже я неоднократно писал) ценнейшим документом, неизвестным исследователям - воспоминаниями старшего внука Александра Федоровича А.А. Можайского, из которых со всей очевидностью следует, что в роду Можайских были абсолютно уверены, что первый самолет взлетел, и это было неоднократно.

В этих воспоминаниях тоже есть парадокс и загадка. А.А. Можайский ни слова не говорит об испытаниях 1882 года, видимо, не придавая им решающего значения. Но он приводит важное свидетельство своего знакомого, старого морского офицера И.С. Путятин (возможно, родственника знаменитого адмирала), который вместе с Н.А. Можайским, братом А.А. Можайского, в 1883 году совершил поездку в Красное Село. Они осмотрели вышеупомянутый летательный аппарат и были свидетелями того, что аэроплан, взяв разбег по деревянному настилу при работавших паровых машинах и воздушных винтах, некоторое расстояние пролетел над землей. Это четкое свидетельство: аппарат взлетал и пролетал небольшое расстояние.

Испытания и полеты продолжались и на следующий год. И что очень ценно, в воспоминаниях А.А. Можайского приводится описание «показа» (т.е. испытания) самолета в 1884 году, и об этом факте ничего не сообщается во всей остальной литературе о Можайском. В воспоминаниях говорится: «Летом 1884 года был организован официальный «показ» полета самолета, созданного А.Ф. Можайским. Этот «показ» был произведен на Красносельском военном поле, где для взлета самолета был сооружен наклонный деревянный помост. Для

«показа» самолет был вывезен из сарая-гаража, поставлен на указанный помост... На этом «показе» кроме членов официальной комиссии присутствовали благодетели и друзья А.Ф. Можайского, как то Богословский, Алимов, Спицин, Печковский, Рыков и другие, а также немногочисленная столичная публика и крестьяне из Дудергофа и прилегающих деревень. Среди присутствующих на этом «показе» были и оба сына А.Ф. Можайского: мичман А.А. Можайский и младший гардемарин Н.А. Можайский (отец и дядя автора очерка)... «Показ прошел с успехом: аппарат после запуска винтов пробежал по мосту, затем по земле и поднялся в воздух, имея на борту механика-пилота; пролетев некоторое расстояние, аппарат приземлился, получив некоторое незначительное повреждение одного из крыльев».

Но, возможно, А.А. Можайский путает дату и речь идет все же о 1882 году? Или о 1885-м? Испытания, несомненно, были и в 1885 году. Есть два разрешения начальства на продолжение испытаний - 5 и 18 июля. Такое не может быть случайным.

Кстати, «Военная энциклопедия» Сытина (1914 г.) как раз утверждает, что испытание аппарата Можайского состоялось именно летом 1885 года. В ней говорится: «Первый полет аэроплана на военном поле в Красном Селе дал результаты неважные: аппарат отделился от земли, но, будучи неустойчивым, накренился на бок и поломал крыло».

Как совместить все эти сведения, в которых есть нечто общее, но относящееся к разному времени и противоречащее друг другу? На мой взгляд, здесь возможно следующее объяснение: вероятнее всего, было не одно, а несколько испытаний, и в разное время. Возможно, самое представительное и «официальное» из них состоялось именно в 1885 году. И каждый раз результаты были похожими. Самолет Можайского взлетал, «отделялся от земли». И это было несомненным успехом. Но, перелетев короткое расстояние, он ломался, падал, что давало повод чиновникам выносить отрицательную оценку. Сам Можайский не считал все это поражением. Ведь было принципиально доказано, что этот аппарат может взлетать, отделяться от земли.

Но чем же тогда объяснить, что это не было зафиксировано и признано официальной комиссией? На мой взгляд, чиновники комиссии не способны были оценить и понять, что происходит на их глазах. Они видели, что аппарат взлетает, но падает, ломается. Потому они «воздерживались», уклонялись от четкой оценки, не говорили ни «да», ни «нет». По существу, они до конца не осознавали, что происходит на их глазах.

Между тем Можайский был уверен в своей правоте. Он продолжал работу, приступил к постройке нового, усовершенствованного са-

молета, заказал два новых, более мощных двигателя. Он, увы, двигался к новой трагедии. С паровыми двигателями самолет Можайского настоящему полететь все равно не смог бы. Сумев создать первый самолет, сделав главное, Можайский теперь двигался к неудаче. И как будто само Провидение трагично не допустило его краха.

Все остановила внезапная болезнь. В марте 1890 года он простудился, началось воспаление легких, сдавало от многих переживаний и сердце.

Я, полковник Вальберг, только что получил известие о тяжелой болезни Можайского. Конечно, я искренне желаю ему выздоровления. Но сколько все-таки мороки с этим Можайским! Я имею несчастье состоять в комиссии по оценке его воздухоплавательного снаряда. И, признаться, и сам Можайский, и его аппарат - это настоящее мучение. Не знаю, как из этого выпутываться. Типичный русский миф, ведь Россия - страна мифов. Потому Россия мне так не по душе, хотя мои немецкие потомки еще при Екатерине Великой прибыли в эту полуазиатскую страну и всегда честно служили ей. И я честно ей служу, как умею. И Можайскому только добра желаю. И меня не раз подмывало сказать ему: «Александр Федорович, дорогой, ради Бога, перестаньте, наконец, истязать себя и всех нас. Вы - уважаемый человек, теперь уж контр-адмирал, и по заслугам, а занимаетесь иллюзией, самообманом. Во вред себе. Человек летать не может, это противоестественно. А вы даже все средства на аппарат истратили. И еще просите у государства. А я, несущий ответственность за финансовые расходы вашего аппарата, извините, не могу тратить государственные деньги на какие-то прожекты. С меня потом за это начальство спросит. Беречь казенную копейку для меня - святое дело, я ни одной копейки даром не истрочу. Ну и что из того, что ваш аппарат взлетел? Он же упал».

Вот что мне не раз хотелось сказать Можайскому, но я так и не решился сие сказать. Потому что все ж иногда возникало сомнение. А вдруг Можайский прав, а вдруг он - гений? Но если он гений, то тогда кто я такой? Выходит, я - посредственность. Нет, такого быть не может...

А ведь он от своего не отступит. Он фанатично будет продолжать мучить своим аппаратом и себя, и всех нас. Его одно только может остановить - смерть. Господи помилуй.

Я, Александр Можайский, прикован к постели, болен.

Но сегодня мне стало легче. Кризис, видимо, миновал. Но все же

бред держится во мне. Иногда мне кажется, что я взлетаю, я лечу. Моя страсть наконец-то насыщена, воплощена.

Моя страсть - от Бога. Большинству людей, наверное, это непонятно. Эта страсть дается немногим. Но я так понимаю тех, кто пытался взлететь до меня. И принял муки. И больно мне за того неизвестного простого мужика, крепостного князя Троекурова, который еще в далеком семнадцатом веке смастерил крылья из птичьих перьев и объявил, что полетит, «как журавель». Но не взлетел, хоть махал своими крыльями изо всех сил. И барину объяснил: крылья слабоваты, перьев больше нужно, деньги нужны. И Троекуров денег дал. Но ничего не получилось и с новыми крыльями. И был бит батогами. И больно мне за то, что его били.

И сколько их было и на Руси, и во всем мире, безвестных, непонимаемых, вызывающих насмешки, которые пытались взлететь на птичьих крыльях. Прыгали с крыш, с башен. И разбивались. Потому что на птичьих крыльях взлететь нельзя. Человек должен создать свои крылья. И я их создал. Этого не понимают. И государю обо мне и моем аппарате доклад представили неверный. А государь опасался перемен. И я его понимаю - он пережил такое горе: злодейское убийство своего царственного родителя, Александра Второго - Освободителя. Как такое могло случиться - бомбой в государя, который освободил крестьян? И ноги у него в кровавые клочья. Ужас. Что же это такое происходит в России? Вот и из Вологды мне пишут: в милой патриархальной Вологде, охваченной в те трагические дни великой скорбью об убиенном государе, политссыльные радовались, пели песни, устроили праздник. Не люди они, что ли? «Соотечественники, страшно», - сказал когда-то Гоголь. И мне страшно за Россию. И России так нужен мой аппарат, чтобы взлететь.

Но что это со мной? Говорят, мне нельзя волноваться. А я волнуюсь. И тяжесть навалилась. Вроде мне совсем плохо.

Но кто это? Кто передо мной? Это ты, Люба? Значит, я умираю.

Но как же мой аппарат? Работа еще не окончена. Если я умру, значит, конец и моему аппарату. Но должен же появиться в России такой правитель, который оценит мой труд и откроет меня.

Да, я умираю. Я иду к тебе, Люба.

Я, Иосиф Сталин, открыл стране и миру имя создателя первого самолета - Александра Можайского. Это небольшой факт из моей жизни. Я совершил великое множество великих дел. Я - величайший гений всего человечества. Я повлиял на весь ход мировой истории. Во

всяком случае, так обо мне пишут в советской и прогрессивной печати, и я сам иногда могу позволить себе об этом некоторую иронию.

Конечно, нелепо предположить, что я лично занимался Можайским, мне его имя было совсем неизвестно. Но мною была выдвинута идея - роль великого русского народа в мировой цивилизации оценена недостаточно. Наверняка во многих областях науки русские совершили гораздо больше, чем об этом думают, отдавая приоритеты Западу. В условиях царизма многие русские таланты не получили настоящего признания, и это необходимо исправить. И я оказался прав. Через некоторое время специалисты обнаружили немало выдающихся открытий и достижений, принадлежавших русским, которые так и остались ранее не оцененными.

И мне доложили, что, возможно, первый в мире самолет изобрел не известный никому россиянин Можайский. И я дал указание: Можайский должен быть известен всему советскому народу, каждому школьнику. Создать в его честь научные работы, художественные книги, картины, кинофильмы.

Так мы открыли Можайского. Правда, мне не нравится то, как о нем пишут. Неталантливо пишут. Вот жалко, что Булгаков умер. Он, хоть и был не наш человек, но написал бы о Можайском, сделай мы ему заказ, по-настоящему. Он понимал дворянскую душу. Можайский был дворянин. Русское дворянство дало России многих выдающихся людей, но все равно это был эксплуататорский класс. И пришлось его уничтожить. Никто не понимает, почему я разрешил постановку пьесы Булгакова «Дни Турбиных» - о дворянах-белогвардейцах, интеллигентах, и почему я сам без конца ходил на этот спектакль - кажется, шестнадцать раз подряд, сам уже не помню. А меня тянуло на этот спектакль (какая игра актеров, какая пьеса!), но главное не в том. Главное, что я видел на сцене тех, кого победил, и это доставляло мне почти физическое удовольствие. Они - умные, благородные, голубая кровь, а я, сын сапожника, пьяницы Джугашвили, оказался выше, сильнее. И уничтожил их. Конечно, уничтожило дворян большей частью крестьянство - мужики жгли усадьбы.

Я уничтожил также и старое русское крестьянство. Искоренил кулачество. Мною создано новое, советское колхозное крестьянство. Конечно, в будущем оно тоже прекратит существование. При коммунизме классов не будет.

А с собой в светлое будущее, в коммунизм мы возьмем только лучших, самых прогрессивных деятелей прошлого. Таких, как Можайский.

Парадокс, но Сталин сыграл свою роль в посмертной судьбе Можайского.

ВЗЛЕТ

Люба, Любовь Дмитриевна, Александр Федорович, простите меня, автора этого повествования, если я написал про вас что-то не то и не так. Одно могу сказать: я писал любя, переживая за вас, вы словно ожили и стали для меня близкими людьми. Конечно, ушедшее полностью оживить невозможно, написанное мною - субъективно, лично. Но все факты о вас правдивы, ничего в них не придумано.

Безусловно, в жизни Можайского до сих пор остается много тайного, парадоксального, необъяснимого. И нельзя объяснить, почему такой замечательный моряк, как Можайский, всю страсть своей души обратил к небу. Конечно, он до конца своей жизни любил флот и море. И многое из своих морских и флотских знаний использовал при изобретении своего летательного аппарата. Это и воздушный змей, который применялся при некоторых операциях на флоте и, как парус корабля, вздымался ветром. На нем Можайский взлетел впервые. И винт его самолета копировал пароходный винт. И символично, что к фюзеляжу его самолета при взлете был прикреплен морской офицерский кортик.

Но страсть к небу все же победила, стала всепоглощающей. Ради этого он оставил службу на любимом флоте и сам писал, что на морской службе всегда был уважаем и хорошо обеспечен, а ради своего самолета отдал все, что имел, оказался без денег, наедине со множеством трудностей и проблем. Но он не мог иначе.

Он шел новым, сложным, неизведанным путем. Конечно, на воздушных змеях поднимались в воздух еще в древности китайцы и японцы. И Можайский мог видеть подобное в Японии. И в его время на воздушных шарах люди не только научились подниматься высоко в небо, но и совершать длительные путешествия. Но при этом они были зависимы от природы, от ветра. Люди уже научились летать на том, что было легче воздуха. Но Можайский добился того, чего не было в природе - он взлетел на том, что было тяжелее воздуха.

Как он этого добился? В великом деле, творческом взлете всегда есть что-то от чуда. Но вместе с тем чаще всего в это вкладывается и огромный труд.

Чертежи самолета Можайского не сохранились. О многом мог бы рассказать творческий архив Александра Федоровича, который хранился в Котельникове. К великому сожалению, время не пощадило его. Он исчез в водовороте событий. В воспоминаниях А.А. Можайского есть важная приписка об этом архиве. Внук Можайского пишет: «Этот архив хранился в усадьбе Котельниково в шкафу, стоявшем в кабинете отца, и находился в двух больших картонках коричневого цвета... Были чертежи, зарисовки, расчеты и описания, относящиеся к воздушным змеям, моделям и самому самолету, создаваемому дедом». Обратим особое внимание: речь идет не только о воздушных змеях и моделях, но и о «самом самолете». Если довериться этим словам, то можно сделать вывод: в Котельникове Можайский не только впервые летал на змее-планере, но и уже начал создавать свой самолет, и это имеет для нас историческое значение.

Если предположить (что вполне возможно), что самолет Можайского создавался уже в Котельникове, то у нас, вологжан, появляется возможность для того, чтобы считать Котельниково колыбелью авиации, посмотреть на этот поселок под Вологдой именно так и сказать об этом на всю страну.

Деятельность Можайского многогранна, и невозможно было все вместить в мое повествование. Потому я лишь кратко рассказал о морской службе Александра Федоровича, но здесь можно написать еще о многом. Осталось за рамками повествования его участие в экспедиции в Среднюю Азию, за что он был удостоен ордена. И, конечно, нуждается в дальнейшем изучении и описании все, что связано с его самолетом.

Но при всех своих замечательных деяниях мог ли Можайский кануть в Лету, остаться неизвестным? Не исключено. И тут возникают парадоксы.

В Большой советской энциклопедии за 1939 год имени Можайского нет совсем. Он был полностью забыт, и есть серьезные основания полагать, что кампания по «открытию» и возвеличению Можайского была проведена по личному указанию Сталина. Это не бросает ни малейшей тени на Можайского, сам Александр Федорович тут ни при чем.

Во втором издании энциклопедии (пятидесятые годы) Можайский уже объявлен создателем первого в мире самолета.

А в третьем издании энциклопедии (70-е годы) при высокой оценке деятельности Можайского говорится: «Попытка полета окончилась неудачно».

А потом со времени перестройки начались дальнейшие исторические переоценки. Это коснулось и Можайского. Стали писать, что его самолет - это миф сталинской пропаганды. «Миф о самолете Можайского, переросший со временем в культ изобретателя, возник при Сталине в ходе кампании по борьбе с безродным космополитизмом, преклонением перед иностранщиной. На этой идеологической «волне» и выплыло из забвения имя Можайского». Это выдержка из одной вологодской публикации (1998 г.), в которой автор, воздавая должное Можайскому, тем не менее предлагает вологжанам убрать с его памятника, установленного в Вологде, слова о том, что он был создателем первого в мире самолета.

Имя Можайского всегда было в чести в Вологде, здесь давно Александра Федоровича стали считать отчасти своим земляком. Создан его музей, названы его именем улица и поселок - бывшее Котельниково. Установлен памятник. И с полной убежденностью могу сказать: никакой подписи на памятнике менять не нужно, она соответствует истине.

Но в оценке того, что сделал Можайский, нужен новый взгляд. Нельзя исходить из утверждений прошлого и давних оценок. Следует смотреть правде в глаза. Самолет Можайского не полетел. Ныне это очевидно. В Центральном аэрогидродинамическом институте в 1979-1981 годах проводилось исследование материалов о самолете Можайского (по сохранившимся схемам и описаниям), ставились соответствующие опыты, и был сделан вывод: «Полет был невозможен из-за недостаточной тяги винтов и малой мощности силовой установки» («Крылья Родины», 1986 г., № 1).

Но самолет Можайского был создан. И это главное. И он взлетал, он, вероятно, мог пролетать короткое расстояние, доказывая правильность расчетов Можайского и реальность полета - при другом двигателе. Во всем остальном, исключая паровой двигатель, он был прообразом современных самолетов и потому был, есть и навсегда останется первым в мире самолетом.

Великое изобретение Можайского не подвластно никаким идеологическим установкам и веяниям времени.

Профессор П.Д. Дузь в книге «История воздухоплавания и авиации в России» (М. Наука, 1995 г.) справедливо пишет: «Мы имя Можайского будем чтить как имя человека, который еще в 80-х годах прошлого столетия, задолго до француза Адлера, англичан Фи-

липса и Максима, американцев Райт и Лэнгли сумел спроектировать и построить аэроплан». Но другое дело, что великое изобретение Можайского не было понято современниками.

Когда в 1890 году он умер, в некрологах отдавалась дань его заслугам перед русским флотом, но в них нет ни слова о главном в его жизни - создании самолета. Он ушел из жизни непонятым.

Я склоняю голову перед вами, Александр Федорович. Вы совершили подвиг.

У вас были две главные любви - небо и Люба. Бржу по дому, где вы были счастливыми с молодой женой. Где началось создание вашего самолета. Я знаю, любовь Любы помогла вам в этом. И целью моего повествования было показать, как через сложнейшие перипетии времени, бури и штормы судьбы, через любовь, страдания, смерть, непонимание современников состоялся ваш взлет, вопреки всему - взлет Александра Можайского.

А как же японская возлюбленная? Если она не миф, то Можайский, не сомневаюсь, не забыл о ней. Японский автор Е. Уэно пишет, что в 1891 году в поселок Хеда пришла посылка с фотографиями, сделанными молодым Можайским в Японии. Это было на следующий год после того, как его не стало. «До сих пор никто не знает, кто и с какой целью прислал эти снимки в Японию», - пишет Уэно.

Рискну предположить: эти снимки перед смертью послал сам Можайский (или, что более вероятно, попросил тайно послать какое-



то доверенное лицо), чтобы напомнить о себе своей бывшей возлюбленной и так попрощаться с ней. Он не хотел раскрывать всем их интимную тайну. Но теперь об этом, видимо, сказать уже можно.

Вероятно, это - последняя тайна Александра Можайского.

Экскурсия в Доме-музее А.Ф. Можайского.



*Актёр
Л. Броневой
в роли Мюллера.*

МЮЛЛЕР - АГЕНТ СТАЛИНА



*Шеф гестапо
Г. Мюллер
(редкое фото).*

ПРОЛОГ

Возможно, кто-то из читателей воспримет этот мой небольшой роман как подражание знаменитому роману Юлиана Семенова и еще более знаменитому сериалу «Семнадцать мгновений весны». Но это верно лишь отчасти, мое повествование - скорее новый вариант сюжета о шефе гестапо Мюллере с новым образом уже «вологодского Штирлица». Версия, которая выдвигается в моем повествовании, может показаться невероятной, сенсационной. Но она основана на новейших материалах, которые ранее не были известны. И многое из того, что я пишу о Мюллере, - документально, во всяком случае, имеет документальную основу. Как версия это вполне исторически обоснованно.

А образ «вологодского Штирлица» возник у меня из случайного рассказа одного череповчанина, фамилию которого я давно не помню. Но мы вместе с ним отдохали в Торово, в доме отдыха знаменитой «Северстали» близ Череповца. Я любил Торово, часто отдыхал здесь и один, и вместе с семьей и много написал, а еще более придумал, бродя по сосновому бору над Рыбинским водохранилищем. А старая деревня Торово лежит ныне под водами Рыбинского водохранилища, оказалась затопленной, уступив частично место на нынешнем берегу дому отдыха «Северстали». Но то, что рядом, под водой, находится затопленная деревня, психологически действовало на меня, вызывая чувство необычности и странности.

И вот как-то мой случайный знакомый по отдыху в Торово рассказал мне, что якобы у одного из торовских жителей по фамилии Саутин сын стал разведчиком и работал в годы войны в Германии. «Напишите об этом детектив, - посоветовал он мне. - Может, и документы в архивах найдутся».

Признаться, тогда меня это не заинтересовало. Детектив я писать не собирался. Но вот когда через несколько лет столкнулся с новыми материалами о Мюллере, мне вспомнился и рассказ моего случайного знакомого.

Увы! Документов о разведчике Саутине в архивах ФСБ по моему запросу не обнаружилось. Но воображение уже заработало, повлекло меня. Ожили прежние мои впечатления и о бывшей ставке Гитлера «Вервольф», где мне когда-то удалось побывать. Так рождался мой детектив.

И в нем появилось еще одно место действия - усадьба Несвойское. На то есть свои причины. А начинается мое повествование в августе 1941 года...

Часть первая

ВОЛОГОДСКИЙ ВРАГ ГИТЛЕРА

Странное предчувствие возникло в нем и не давало ему покоя. Что-то должно было случиться.

Шеф гестапо Генрих Мюллер верил своим предчувствиям, этот дар ему был дан от рождения.

Почему-то сегодня среди многих победных сообщений его внимание привлекла шифровка, что русские на эстонском острове Сааремаа соорудили аэродром. Зачем? Неужели они попытаются бомбить Берлин? Это было безумие. Тревожиться нет причины.

Может, ему не дает покоя его тайный соблазн - начать радиоигру с самим Сталиным? Вчера он перечитывал своего любимого Гете - «Страдания молодого Вертера». И подумал: а что, если взять псевдоним Вертер? И начать...

Два официальных сообщения, опубликованных во всех советских газетах 8 августа:

«От Советского Информбюро. В течение ночи на 7 августа наши войска вели упорные бои на Смоленском, Белоцерковском направлениях и на Эстонском участке фронта».

«В ночь с 6 на 7 августа немецкие самолеты пытались совершить налет на Москву. Несколько эшелонов самолетов были рассеяны ночными истребителями и огнем зенитных батарей далеко от Москвы. Прорвавшиеся к городу одиночные самолеты противника сбросили фугасные и зажигательные бомбы. Возникшие пожары жилых зданий быстро ликвидированы. Есть убитые и раненые. Военные объекты не пострадали. По неполным данным, сбито шесть немецких самолетов. Наши потери - один самолет».

За этими скупыми строками официальных сообщений - великая трагедия лета 1941 года. Германская армия одерживает исторические колоссальные победы. Взят в плен сотни тысяч красноармейцев - целые пленные армии, которых не могут вместить никакие концлагеря. Уничтожена большая часть советских танковых войск и авиации. Немцы бомбят Москву. Налет в ночь на 7 августа - уже четвертый с начала месяца. Захвачены Белоруссия, Молдавия, Лит-

ва, Латвия, Западная Украина. Несмотря на героическое сопротивление, в середине июля пал Смоленск - врагу открыта дорога на Москву. Противник подходит к Киеву и Одессе. Овладев значительной частью Эстонии, немецкие войска в районе города Кунда 5 августа выходят к Финскому заливу, отрезав Таллин. И до Ленинграда, кажется, один бросок.

Широкое поле нового аэродрома. Эстонский остров Сааремаа. Экипажи выстроены перед своими бомбардировщиками. Погода хмурится, погода не радует. Но в душе каждого летчика после многих переживаний - это легко представить - восторг. Все знают, что предстоит нечто невероятное.

Полковник Преображенский выходит перед строем. Опытный ас, он волнуется, это видно по его лицу, но голос его тверд и решителен, как всегда:

- Товарищи! Друзья мои! Нам выпала великая честь. Это - личный приказ товарища Сталина. Я знаю - вы все давно готовы к операции. Сейчас я открыто объявляю цель нашего полета. Это столица фашистской Германии, друзья мои, это Берлин! Нанесем первый наш удар по логову фашистского зверя. В трудные для нас всех дни докажем всему миру - все равно победа будет за нами! Эскадрилью поведу я. Ровно в 21 час мы вылетаем. Мы летим на Берлин!

Громкое, ликующее русское «Ура!» звучит над аэродромом.

Последние сборы, последние проверки. И вдруг стрелок-радист Коля Рудаков говорит:

- А у меня, ребята, кажись, в Берлине есть знакомый. Кореш, школьный друг - Сергей Саутин. Он, насколько я себе представляю, наш разведчик. Эх, как бы не разбомбить мне Серегу. Эх, вот если бы Гитлера разбомбить...

В берлинской пивной «Медведь» на Геббельсштрассе Сергей Клементьев пьет пиво и ест сосиски вместе со своей интимной подружкой Эрной Кремер и ее папашей Отто Вильгельмом Кремером. И читает газету, которую папаша Отто, как патриот и настоящий нацист, всегда носит с собой - свежий номер центрального органа партии «Фелькишер беобахтер». На первой странице - крупно: «Фюрер сказал: «Война, развязанная мировым еврейством, закончится полным поражением международного жидовства и его союзника - больше-

визма». Тут же победные репортажи о великих победах германского оружия на Восточном фронте. На второй странице внимание Сергея привлекает колонка под рубрикой: «Будьте бдительны в интимной жизни». В колонке две заметки. Первая из них под заголовком: «Половое преступление». В ней говорится: «Девятнадцатилетний еврей предстал перед уголовным судом по обвинению в нарушении расовой чистоты. В мае он познакомился с 21-летней арийкой, работавшей в кафе немецких предпринимателей, и вступил в интимные отношения с ней, которые продолжались до его ареста в конце июля. Девушка заявила, что ей не было известно, что ее знакомый еврей, что смягчает ее вину».

Вторая заметка была озаглавлена так: «Не доверяйте русским». Ниже напечатано следующее:

«Этот прискорбный трагический случай лишней раз предупреждает нас - доверять русским ни при каких обстоятельствах совершенно нельзя. Уважаемый доктор Рунге, один из ведущих специалистов Института изучения человека, утратив бдительность, взял себе в прислуги русскую военнопленную - некую Зою Рудакову. И вот эта русская, которую доктор Рунге привел в свою холостяцкую квартиру, проявив подлинное зверство, убила его самым изверским способом. Преступница арестована, ей вынесен смертный приговор, вызвавший аплодисменты всех присутствовавших в зале. А мы еще раз всех предупреждаем: русские в некоторых обстоятельствах могут быть как звери. Не доверяйте русским никогда».

Сергею стало не по себе... Зоя Рудакова... А вдруг... Было бы ужасно, но вдруг это - она. Зоя Рудакова. Младшая сестра его школьного приятеля Коли Рудакова. Она была огонь-девчонка. И такая красавица еще тогда, в свои шестнадцать лет. И такая гордячка - ее не тронь. Нет, не может быть. Наверняка совпадение. Все равно жалко.

- Что с тобой? - спрашивает Эрн. - Ты даже в лице переменялся. А-а, понятно. Прочитал в газете, что русским доверять нельзя. Так знай, я тебе никогда и не доверяю.

- Ну, это ты напрасно, дочь, - миролюбиво говорит папаша Отто. - Господин Клементьев, можно сказать, уже стал немцем. Столько лет живет в Германии. А заметка - да, она поучительна. Она не может не волновать.

Папашу Отто на самом деле искренне и глубоко волновало все, что было связано с этой заметкой. Так получилось, что он знал бед-

нягу Рунге. Вместе еще с начала тридцатых состояли в одной партийной организации. Рунге пострадал, потому что был большой любитель молодых девочек, но прижимист, не любил тратить на девок свои марки. А тут вроде бы все могло быть бесплатно. В институт, где работал доктор (ведь он был ученым), поступили несколько молодых русских девок-военнопленных. Их прислали для проведения опытов по стерилизации. Ведь в будущем предстояла большая работа по проведению стерилизации среди покоренных низших рас. И вот, пользуясь служебным положением, Рунге забрал себе в дом самую красивую пленницу, якобы в качестве прислуги. Понятно, иметь бесплатную прислугу - это тоже редкая удача. Но, конечно, доктору нужно было в первую очередь другое прислуживание - в постели. Но дико не повезло доктору. Эта сволочь, пленная девка, вместо того, чтобы быть благодарной, что избежала опытов по стерилизации, когда, угостив ее обедом и вином, Рунге попытался овладеть ею, уложив тут же, около обеденного стола, на коврик на пол - кто бы мог подумать, что она проявит такое зверство, - вонзила ему в шею вилку, схваченную на столе. Перебила бедняге сонную артерию.

Отто Вильгельм Кремер был на суде над изуверкой. И она вела себя вызывающе. Ей дали последнее слово, и она кричала по-немецки (была в Красной Армии переводчицей), что доктор Рунге был насильник. И что Красная Армия все равно победит. И ее брат-летчик отомстит за нее и будет бомбить Берлин.

- Да здравствует товарищ Сталин! - крикнула она в зал, и полицейский ударил ее, она упала и затихла. На смертный приговор, зачитанный ей, русская не отреагировала никак.

А Отто Вильгельм Кремер очень обрадовался приговору, он надеялся, что теперь она поступит в его руки. По профессии он был палач, главный палач тюрьмы. Лучший специалист по гильотине. Он не любил хлипкую нацию французов, но должен был признать, что французы еще во время давней своей революции ловко изобрели столь умную и нужную машину, как гильотина. И так естественно, что гильотина заработала вновь и именно в немецких условиях.

К тому же Кремер знал о своей некоторой половой особенности, так сказать, некотором интимном отклонении: он любил женщин, но более всего любил не обладать ими, а казнить, это было профессиональное призвание. А эта русская была молода и очень красива, что вызывало в нем своего рода жгучую страсть.

Он уже заранее с большим волнением представлял, как это будет: как он наклонит под нож ее голову, удар! И ее голова, уже

отсеченная, летит в корзину, и кровь потоком бьет из ее отсеченной шеи, и ее красота мгновенно превращается в нечто безобразное, трупное. О, какой это краткий, но неповторимый миг! Это - оргазм, не сравнимый даже с обладанием женщиной.

Казнь сегодня в двадцать три часа. До этого у него еще одно мероприятие: он участвует во встрече администрации тюрьмы с воспитанниками соседнего сиротского дома. Администрация шефствует над сиротами, помогает материально, одновременно воспитывая юных в духе ненависти к врагам рейха. Но как дождаться двадцати трех часов?

Сергей Клементьев и рыжеволосая Эрна Кремер вместе идут на работу. На ночное дежурство.

Они коллеги по работе и любовники. Сегодня у них будет трудовая ночь: дежурство с 20 часов и до восьми утра. Они - сотрудники разведывательного центра «Север». Он - радист, она - дешифровальщица.

Познакомились они на работе, но сблизилась в университете, вместе посещают лекции на филологическом факультете. Оказалось, что и он, и она увлечены немецкой и русской литературной классикой. В конце концов классика привела их в постель.

Но тогда Сергей еще не знал, что она - дочь главного палача соседней тюрьмы, она по возможности это не афиширует, на что папаша Отто сердится: он не только не стыдится своей профессии, напротив - гордится ею. Но когда это стало известно Сергею, он был ошеломлен. Тем не менее уйти от Эрны не смог. Он испытывал к Эрне нечто похожее на страсть. Нет, это не любовь - так он сам себе объяснил свои чувства. Любовь - это красавица-недотрога, гордая, далекая, недоступная Зоя Рудакова. А рыжеволосая, крупная, с крутыми по-немецки бедрами Эрна была живой плотью, постоянно возбуждающей его. К тому же Эрна умна, а Сергей всегда нуждался в понимающем его собеседнике.

И более того: узнав о роде занятий папаши Отто и пережив шок, он почувствовал, что в его эмоциях к Эрне появился некий новый оттенок какого-то изломанно-декадентского сладострастия. Да и что там декаденты - у великого Генриха Гейне одна из его бесчисленных любовниц тоже была дочкой палача. И она тоже была рыжеволосой, и Гейне с восторгом писал, что ее огненно-красные

волосы напоминают ему, возбуждая его, поток крови из отрубленной головы. Но Эрна рассердилась: «Зачем ты про Гейне? Он ведь был еврей!» И Сергей лишний раз почувствовал, какая все же пропасть между ними. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Она - арийка, воспитанница «Гитлерюгенд». А он - русский, советский разведчик, внедренный в тыл врага.

Сергей был из крестьянского рода, из деревни Торово близ Череповца. Но отец его, Николай Саутин (в Торово треть жителей были Саутины), женился на девушке из села Несвойское и переехал сюда в дом жены. Здесь, в Несвойском, и родился Сергей. Впоследствии семья переехала в Вологду, но в Несвойском он прожил до десяти лет и отлично знал с детства родные места, а все, что касалось Несвойского, очень интересовало его нынешнего начальника Клементьева. И он об этом подробно расспрашивал Сергея. А Сергей столь же подробно отвечал и рассказывал о Несвойском. Согласно легенде, составленной на Лубянке, он являлся представителем вологодской дворянской семьи Клементьевых, владевших на Вологодчине когда-то роскошной усадьбой. Ныне в Берлине жил представитель этого рода, белоэмигрант, яро ненавидевший большевиков, сотрудник германской разведки Виктор Николаевич Клементьев. К нему Лубянка и направила Сергея. Клементьев никогда не видел ни одного из своих вологодских родственников и был рад чудесному появлению в Берлине своего «родственника» Сергея. Именно Виктор Николаевич составил впоследствии протекцию Сергею в разведцентр «Север» и теперь являлся его непосредственным начальником.

- Сегодня может прийти важная радиограмма из Эстонии, - сказал он накануне Сергею. - Прояви особое внимание. Как получишь радиограмму и Эрна ее расшифрует - сразу дай знать мне. Разбуди даже ночью.

Потому Сергей ждет, что во время сегодняшнего дежурства может произойти нечто важное. И они с Эрной идут на работу даже пораньше. Свернули за угол. Прошли мимо сиротского дома, затем за высоким забором - тюрьма, далее (забор еще выше) - их центр.

Сергей, поглядывая на Эрну, в какой раз думает: «Что бы она сделала, если б узнала, что я советский разведчик? Не сомневаюсь - немедленно сдала бы гестапо. Более того - в ярости могла убить, растерзать. Впрочем, что-то вроде она начинает подозревать. Надо быть предельно осторожным».

До начала смены еще десять минут. Сергей проходит в комнату отдыха. Здесь на стене две репродукции, повешенные им. Великий испанец Гойя: «Сон разума порождает чудовищ» и «Обнаженная маха». Искусство тоже увлечение Сергея, особенно Гойя. Столкновение трагического, комического и прекрасного, как на этих двух репродукциях. На одной - человек, не то спящий, не то закрывший от кошмара лицо, на его спину садятся чудища-вампиры, похожие на летучих мышей. На другой - прекрасная обнаженная женщина.

Такова жизнь. Жизнь самого Гойи была такой. С молодости - бурные приключения, страсти, двор короля, громкая слава, изощренная любовная связь с красавицей герцогиней Альба, и еще - оккупация страны Наполеоном, освободительная народная война, реакция, виденные им казни, пытки. Спасение, почти случайное, от инквизиции (его самого могли пытать и казнить), старость, одиночество, мизантропия.

Что изменилось в мире со времен Гойи? Другим ли стал мир? И что означает нынешняя мировая война? Сергей включает приемник. Переходит с волны на волну, вслушиваясь в мир. Мир переполнен звуками, они перебивают друг друга. Эфир кричит, вещает, рассуждает, поет, музицирует. Чаще всего это победоносные голоса немецких радиостанций, ликование о новых и новых победах на Востоке, бравадные марши, крики «хайль». Но вот - приглушенно, издали - наше:

«Идет война народная. Священная война...»

Сердце дрогнуло. Великая песня. И хочется запеть даже мысленно со всеми, сотнями тысяч, миллионами русских. Для нас всех, кто не предал Отечество в трудный час, это священная война, и иной она быть не может.

Сергей бродит по эфиру. Звучат имена: Черчилль, Рузвельт, император Хирохито, Муссолини, Чан Кай-Ши... Но чаще всего звучат два имени: Сталин и Гитлер, Гитлер и Сталин... С ними никто не сравним. Два гиганта, они определяют нынче жизнь и смерть человечества. Они ведут мировую войну. Кто-то из них победит. Надо, чтобы победил Сталин. Сергей не любит Сталина. Но это - наименьшее зло. Гитлер - концентрированное воплощение зла, многоликого, искусительного, извращенного. «Потому я - союзник Сталина, - думает Сергей, - потому я - враг Гитлера. Но я хочу понять, что собой они представляют - и тот, и другой. Понять их сегодня, значит познать глубины зла».

Вбегает Эрна. Она трепещет от волнения, она кричит в восторге:
- Боже мой! Боже мой! Мне только что позвонил - даже трудно поверить - но сам Эмиль Морис, телохранитель фюрера. Он сказал, что увидел меня в пивной и считает, что я воплощаю тип настоящей арийки. И надо попробовать, не подойду ли я - Боже мой! - самому фюреру.

- Попробовать сначала с ним - Эмилем Морисом?

- Вероятно, да. Тебя придется бросить. Тебе вот останется обнаженная маха Гойи. А я не хуже ее. Может, еще красивей. О, какое это счастье. Можно стать любовницей самого фюрера, самого Адольфа Гитлера! Проба уже завтра.

В груди кольнуло. Все-таки любовница уходит, любовницу уведут. И к кому? К самому Гитлеру. Впрочем, вряд ли к Гитлеру. Скорее всего, это трюк доверенного лица фюрера - Эмиля Мориса.

Возможно, он таким образом решил заполучить приглянувшуюся ему Эрну. Но говорить ей об этом сейчас бесполезно.

Эрна ушла в свою комнату. Конечно, она сейчас не в себе. Еще бы... стать женщиной самого фюрера или даже одной из его женщин - это возжеленная мечта чуть ли не миллионов немок. А Эрна так тщеславна.

Сергей знает, что для фюрера время от времени специально отбирают женщин. Делают это Геббельс и Морис. Пока фюрер всех, кроме Евы Браун, отвергает. А вдруг, чем черт не шутит, выбор пал действительно на Эрну?

Как это ни невероятно, но Сергей кое-что знает об отношениях Гитлера с женщинами.

Об этом ему рассказал (разумеется, абсолютно секретно) его шеф по работе - Виктор Николаевич Клементьев.

С двадцатых годов Клементьев работал в армейской разведке. В армии многие Гитлера не любили, относились к нему с подозрением, считая выскочкой и неврастеником; за Гитлером велась слежка, собиралась негласная информация, в чем принял участие и Клементьев. Он как раз занимался сбором информации о личной жизни Гитлера. И таким образом вышел на его двоюродную племянницу, юную Гели Раубаль. Очаровательная, полная жизни, Гели хотела чего-то необыкновенного, мечтала о карьере оперной певицы, о славе, о покорении артистического мира. Так она столкнулась в своих честолюбивых и наивных мечтаниях с дядюшкой Адольфом. Он тоже хотел покорить мир и предложил сделать это вместе. Но за это она

должна была стать его любовницей и выполнять любые, даже самые извращенные сексуальные желания. Впрочем, Гитлер на самом деле влюбился в нее, и это была, видимо, самая сильная страсть, которую он когда-либо питал к женщине.

Поколебавшись, она все же согласилась, ибо посчитала, что только дядюшка способен осуществить мечту о покорении мира. Дядюшка, лишив ее девственности, развратил ее, занимался с нею сексуальными экспериментами, насыщая свои интимные, темные склонности. Впрочем, поселил ее в Мюнхене в огромной роскошной квартире, ввел в высший круг, куда уже сам забрался, всюду возил с собой. И бешено ревновал. Вполне возможно, что у него на это были основания. «Я не исключаю, - сказал Сергею Клементьев, - что Гели была любовницей и близкого друга Гитлера и его телохранителя Эмиля Мориса». Закончилось все это трагично для нее - 18 сентября 1931 года Гели Раубаль была найдена застреленной в квартире Гитлера. Что же произошло?

Возникла версия о самоубийстве Гели. Она тоже бешено ревновала. Она чувствовала, что Гитлер охладевает к ней, насытился ею. И даже одно время подумывал о женитьбе на вдове сына великого композитора Рихарда Вагнера - Винифред. Это был своего рода психологический «пунктик» Гитлера - Рихард Вагнер являлся его кумиром. Но женитьба не состоялась. Гели вроде бы успокоилась...

- Мне довелось встретиться со священником, отцом Бернардом, с которым Гели Раубаль была достаточно откровенна, - рассказывал Клементьев. - И он считал, что Гели убил сам Гитлер, либо по его приказу Эмиль Морис. Ведь к этому времени в жизни Гитлера появилась новая любовь - Ева Браун. И Гели могла уже мешать... Отец Берnard знал гораздо больше, чем успел рассказать мне. Он пообещал рассказать все на следующий день, но на встречу не явился. А к вечеру его нашли застреленным в лесу близ Мюнхена. Убийцы прятали концы в воду.

- А кто она такая, Ева Браун? - спросил Сергей у Клементьева, боясь, что тот, спохватившись, прекратит свой рассказ.

Но Клементьев, правда, в солидном подпитии, продолжил свои откровения. Так велика была его ненависть к Гитлеру (хотя Сталина он ненавидел еще больше). И, видимо, он полностью доверял Сергею, считая, что тот его не выдаст. Так Сергей узнал кое-что и о второй любовнице фюрера.

- О ней в Германии знают немногие, можно сказать, единицы, приближенные к фюреру, - продолжил свой рассказ Клементьев. -

Мне удалось однажды видеть ее, и сведениями о ней я располагаю. В наших кругах, в армейской разведке, было распространено мнение, что она обыкновенная мешаночка с крутыми бедрами. Ведь сам Гитлер говорил, что остерегается умных, рассуждающих женщин, вмешивающихся в дела мужчин. Но лично на меня Ева Браун произвела впечатление. Что-то в ней воплощено от настоящей женственности. Высокая, стройная, с прекрасной фигурой. Занималась плаванием, гимнастикой, даже скалолазанием. Обожает танцы, музыку, много читает. Из семьи мюнхенского школьного учителя. Работала ассистенткой в фотоателье Генриха Гофмана. Гофман много снимал Гитлера, так в ателье она и познакомилась с Гитлером. Он увлекся ею. Она была строгих правил, истовой католичкой. Но он шел к власти, к славе, его имя гремело, и она не устояла... Мне удалось разыскать одну из ее подруг. И она за хорошие деньги кое-что рассказала. По ее словам, Гитлер был единственным мужчиной в жизни Евы. Он лишил ее девственности, увез и поселил в своей альпийской резиденции. Там она живет, с одной стороны, как полновластная хозяйка, с другой - как пленница. Всякое внешнее общение ей запрещено, даже близко общаться с прислугой нельзя. Охраняют ее отборные жеребцы-эсэсовцы, но для любого из них женщина фюрера недосыгаема. А она очень живая натура. Став затворницей, конечно, заскучала. И даже покушалась на самоубийство. Но слава Гитлера действует на нее. Теперь она уже вроде смирилась.

Она уже горда тем, что стала избранницей фюрера - единственная из обожающих его женщин, миллионов немок, влюбленных в него. И она уже влюблена.

Таковы были тайные рассказы Клементьева о любовницах Гитлера. Впоследствии выяснилось, что в них было немало сомнительного, противоречивого, неточного. И они стали предметом внутреннего размышления Сергея о том, кем является Гитлер. Растлитель, умеет воздействовать, покорять, подчинять. Способен испытывать любовные чувства, но в конечном итоге любые человеческие эмоции для него - ничто по сравнению с маниакальной страстью к власти, ныне уже мирового масштаба. Его цель - стать величайшей личностью в мировой истории. Ради этого он готов уничтожить кого угодно. И даже свой собственный народ, ныне в большинстве своем ему покорный и подчиненный. «С массами надо общаться как с женщиной», - так он сказал однажды. А скажи мне, как ты обращаешься с женщиной, и я скажу, кто ты.

А Сталин? Кто такой Сталин? Двойник Гитлера? Или Гитлер его двойник? Оба они - маньяки власти, обожествившие самих себя. Безусловно, двум медведям не ужитья в одной берлоге, даже если эта берлога - весь мир. Кто-то кого-то должен уничтожить.

Они очень похожи. И тот, и другой - вожди партии и своих народов. Оба отвергают капитализм и строят социализм. Оба обещают своим народам великое будущее: Гитлер - тысячелетний рейх, Сталин - коммунизм.

У самого Сергея о «любимом вожде и учителе» давно сложилось вполне определенное мнение: диктатор - кровавый, двуликий и страшный, хотя и обладающий многими выдающимися способностями. В некоторых своих особенностях он - гений. Он умеет подобно Гитлеру почти гипнотически воздействовать не только на ближайшее окружение, но и на миллионы людей, подчинять их своей воле.

Живя на Западе, Сергей имел возможность читать многие материалы о Сталине, недоступные большинству советских людей. Но его прозрение наступило еще раньше. Ему от природы была дана редкая особенность - мыслить по-своему, не подчиняться общему мнению. Сергей и не хотел вовсе быть непохожим, странным, и не мог быть таким, как все. И с юности - всегда в стороне от всех, всегда имеет какую-то свою особую точку зрения, всегда - против течения. А это - одиночество, раздвоение. Такое раздвоение и привело его в разведчики, хотя когда-то Сергей и хотел стать писателем. Хотел разведывать человеческие души, спускаться в человеческие бездны. Что ж... Между писателем и разведчиком есть нечто родственное.

Сталин и Гитлер - это монстры из видений Гойи - так думает Сергей.

Но как личности - они совершенно различны. И с женщинами, видимо, ведут себя по-разному. По воле обстоятельств Сергей немало знает об отношениях молодого Сталина с одной из женщин, вологжанкой Пелагеей Ануфриевой. С ней вологодский политссылный Иосиф Джугашвили в свое время, видимо, потерпел любовную неудачу.

Перед тем, находясь в ссылке в Сольвычегодске, молодой Сталин завел любовницу - свою квартирную хозяйку - Матрону Кузакову. От Сталина у Кузаковой родился сын. Об этом Сергей тоже знает от Клементьева, это сведения армейской раз-

ведки. А вот о Пелагее Ануфриевой и ее отношениях с Джугашвили Сергеем стало известно лично. И в этом тоже есть свои тайны.

В Вологде она была их соседкой - Пелагея Георгиевна Фомина (в девичестве - Ануфриева). Фомины жили через стенку в крохотной комнатухе, семья из пяти человек, двое детей, и очень бедствовали. И Пелагея Георгиевна однажды в слезах поделилась с его мамой - мол, пропадаем. Жить не на что. И в такой теснотище мучаемся. А все их беды случились потому, что ее муж был невинно осужден как враг народа на пятнадцать лет, их выбросили из благоустроенной квартиры, все в их жизни рухнуло. И она не знает, что делать. Подумывает, не обратиться ли за помощью лично к товарищу Сталину. Ведь в молодости Пелагея Ануфриева была лично знакома с товарищем Сталиным, носившим тогда фамилию Джугашвили. И он ухаживал за ней. Это было в 1912 году. Иосиф Джугашвили тогда находился в ссылке в Вологде. «В Вологде ходит много слухов, будто молодой товарищ Сталин встречался с какой-то вологжанкой, - пооткровенничала Пелагея Георгиевна. - Так вот этой вологжанкой была я. Нет, никакой любовной связи у нас не было. Но Иосиф Виссарионович ухаживал за мной, шутил, читал стихи. Мы с ним встречались. Но на что-то интимное я бы не пошла. Возможно, он обиделся. Или все-таки, как думаете, к нему можно обратиться за помощью?»



П.Г. Ануфриева-Фомина. Она умерла в Вологде в 1955 году. При жизни ее отношения со Сталиным были засекречены.

Мама Сергея не знала, что посоветовать. А на другой день, как бы опомнившись, Пелагея Георгиевна очень просила ее никому не говорить о том, что она рассказала о своих отношениях с молодым Сталиным. И насколько это известно Сергею, его мама никому о том не говорила, поделилась лишь с сыном, еще до просьбы Пелагеи Георгиевны.

Сергею представлялось всё так: молодой Сталин пытается добиться взаимности у молодой провинциалки, но получает отказ. И вот, много лет спустя, она боится, что он может припомнить это. Ее муж незаконно осужден, и неизвестно, что может случиться с ней. Лучше бедствовать, чем рисковать. «Умная женщина, - тогда поду-

мал Сергей. - Видно, она уже тогда почувствовала по-женски, изнутри, что собой представляет Сталин».

20.55. До взлета осталось пять минут. Экипажи заняли свои места в самолетах. Последняя проверка переговорной аппаратуры.

- Как слышите меня?

- Слышим хорошо.

21.00. Вверх, в небо, затянутое облаками, взлетает красная ракета. Заработали винты. Ведущий самолет устремляется вперед по аэродрому. Другие бомбардировщики вырываются за ним. Всего - двенадцать машин. Взлет!

Прошли сквозь облачность. Набирают высоту. Впереди в разрывах облаков видны берега. Они уже заняты немцами. Откроют огонь? Нет, все тихо. Значит, ничего не ждут. Это хорошо.

Внизу - море. Вверху - сияющая луна. Облака, яркий лунный свет, бескрайний черный простор моря. Все выше, выше, дальше, дальше, вперед, вперед!

Проходит час полета. Преображенский приказывает надеть кислородные маски. Впереди - сплошная чернота. Но вот внизу - уже огоньки, лучи прожекторов то тут, то там. Берег. Германский берег. Вот она - Германия, добрались. Снова лучи прожекторов. Конечно, заметили. Но ни единого выстрела. Принимают за своих. Не в силах представить, что это русские.

Но на глазах портится погода. Тяжелые тучи. Мокрый туман. Пропадает видимость. Лететь нельзя.

- Что делать, товарищ полковник? - спрашивает штурман.

- Вперед! - говорит Преображенский. - Возвращаться воспитание не позволяет.

Лететь нужно. Через не могу. Через сплошной мрак, рискуя. Конечно, можно сбросить бомбы и повернуть назад. Все равно внизу Германия. Но главная цель - Берлин. И вот впереди даже сквозь туман все отчетливее и отчетливее видны огни, дрожащее, переливающееся, приближающееся море огней. Неужели? Неужели Берлин? И видимость здесь лучше. Это - Берлин!

Никакой светомаскировки. Германская столица слишком уверена в себе. Она еще не знает, что ее ждет.

Атака началась. Советские бомбардировщики атакуют Берлин.

Зоя Рудакова в камере смертников ждет казни. Ах, как хочется жить! Ах, как страшно умирать. И невыносимо странно, что тебя казнят, тебе отрубят голову. Какая жуть! И надо выдержать, не забиться в истерику, не закричать, не просить пощады.

Она никого серьезно не обидела в своей жизни - ни одного человека. А тот, кого она убила, был для нее не человек - насильник, фашист.

А ведь она могла не попасть на фронт. Знакомый их семьи, знаменитый художник, академик, предлагал ей: «Хотите, Зоя, я достану бронь? Если...» - «Если что?» - «Если согласитесь стать моей... натурщицей. Понимаете, я хотел бы, как Гойя, написать свою обнаженную маху». «Кого? Какую маху?» - «Ну, то есть прекрасную обнаженную женщину. Сегодня, во время войны и озверения, это нужно. А вы прекрасны». - «Вы с ума сошли! Как вам не стыдно!»

Она всегда была высоконравственной, идейно убежденной советской девушкой, настоящей комсомолкой. Теперь ей отрубят голову.

Она выдержит, не закричит, она покажет этим фашистам-выродкам, как умирают советские девушки.

За решетчатым окном - какой-то гул. Кажется, самолеты. Гул все ближе, ближе...

Дежурство идет как обычно. Ничего особенного. Но сразу после 21 часа приходит шифровка от агента с острова Сааремаа. И инстинктивным нюхом разведчика Сергей понимает - это нечто важное. Об этом его предупреждал Клементьев. И надо сообщить о шифровке шефу и отдать ее на дешифровку Эрне. Но Сергей медлит. Инстинкт разведчика снова подсказывает ему - задержи. Если нельзя шифровку скрыть, то надо по крайней мере задержать, подделав время ее прихода. И копию передать своим - связнику. Правда, последнее возможно только завтра.

- Тебе ничего не поступало? - спрашивает, открыв дверь, Эрна.

- Нет. Ничего.

- Странно.

Эрна закрыла дверь. Неужели она что-то подозревает? Медленно тянется время. Проходит час, другой... Может, уже пора сообщить Клементьеву о шифровке? Может, хватит рисковать?

Сергей подходит к окну, распахивает его: за окном море огней, приглушенный шум ночной жизни огромного города, самоуверенно, спесивого, претендующего считаться столицей мира.

Но что это? Какой-то гул. Он приближается, нарастает. Похоже - самолеты. Английская авиация? Налет?

Удар! Грохот. Задрожали стены. Ослепительная вспышка. Взрыв! Еще взрыв - где-то рядом. Начинается ад. Загрохотали зенитки. Взрыв следует за взрывом. Невероятно, но Берлин бомбят.

Вбегает Эрна, лицо искаженное, паническое:

- Выключи свет! Нас бомбят. Это англичане!

Но тут по радию - в минутной тиши - звучит ликующий русский голос:

- Мое место - Берлин! Задача выполнена. Возвращаюсь на базу. Наши! Наши бомбят Берлин. И какой знакомый голос!.. Сергей не помнит себя. Но кричит в восторге:

- Это - наши! Мы бомбим Берлин!

Последнюю фразу он, как в беспамятстве, повторяет почему-то по-немецки. И опомнившись, видит бешеные глаза Эрны.

- Значит, ты - русский шпион! - кричит она. - Я уже подозревала. Я звоню в гестапо.

Новый удар. Сергей теряет сознание, но приходит в себя. Вокруг все горит. Эрна лежит вверх лицом, залитым кровью. Сергей понимает, что он ранен, но пока не чувствует боли. И он поет во весь голос: «Идет война народная! Священная война!»

Далее - отрывок из очерка С. Варшавского и Б. Реста «Над Берлином» (библиотечка «Огонька», 1942 г.).

«Наконец Преображенский тоже может посмотреть, как горит Берлин. До сих пор он был вынужден сдерживать себя, подавлять свое законное нетерпение, сосредоточивать волю на одном только управлении самолетом, лежавшем на боевом курсе. Но теперь - вольно! Преображенский кладет машину в крутой поворот - и круто наклоненный город предстает перед ним. Сполох пожара радует его сердце...

Взрыв за взрывом сотрясает воздух. Проекторы совсем обезумели - голубые электрические щупальца рыщут в высоте. Не видя цели, беспорядочно бьют зенитки. Сатанинский фейерверк зажигается над черным городом. Зенитные разрывы ложатся далеко в стороне. Советские бомбардировщики гудят над Берлином. Бомбометание окончено. Задание выполнено. Домой!»

Удар по Берлину был настолько неожиданным и ошеломляющим для немцев, что все советские самолеты без потерь вернулись на свой аэродром. Это был триумф! И оказалось, что еще до возвращения эскадрильи командование уже знало об успехе. Из ночного неба над горящим Берлином пришла радиограмма, посланная стрелком-радистом, старшим сержантом Рудаковым. Снова процитирую очерк Варшавского и Реста: «Еще до вылета было решено не давать в эфир никаких радиограмм, чтобы не обнаружить себя. Но там, над горящей фашистской столицей, радист не выдержал, и радиоволны

принесли командованию весть о торжестве балтийского бомбардировщика: «Мое место - Берлин! Задача выполнена. Возвращаюсь на базу».

Гитлер и Ева Браун едут по ночному Берлину. Ева упросила фюрера об этой встрече - всего на два часа. Об этой встрече никто, кроме ближайших телохранителей, не знает, она не зафиксирована ни в одном из протоколов. Фюрер уступил мольбе возлюбленной и выкроил из своего времени два часа; он боялся ее новой депрессии, и ее доставили из альпийской резиденции в Берлин (привезли в автомобиле. Гитлер запретил Еве летать самолетом, чтобы не подвергать ее драгоценную жизнь ни малейшей опасности). Но их встреча оказалась неудачной: к ее огорчению, он проявил мужское бессилие. «Неужели он теперь импотент? - со страхом подумала она. - Это, видимо, из-за перегрузок, ведь работа у него титаническая. Надо бы обратиться к врачу...» И вот теперь она возвращалась в Альпы, он ее провожал.

- Ты переутомлен, - сказала она ему. - Ради Бога, найди время для отдыха, для сна. Ведь все, милый, идет просто великолепно. Россия разбита. Но береги себя, ради Бога.

Он промолчал. Проехали центр, сиявший огнями. И вдруг возник какой-то гул. И через несколько мгновений - взрыв, грохот, вспышка, клубы дыма где-то недалеко от передовой машины с охраной. Все три автомобиля встали: передовая машина, автомобиль фюрера и замыкающая машина, тоже с охраной. Мгновенное оцепенение. Но уже через несколько секунд из передовой машины к автомобилю фюрера подбежала охрана.

- Что это? - выкрикнул фюрер. - Покушение?

- Нет, мой фюрер, - ответил Эмиль Морис, сидевший за рулем. - Это авианалет.

Подбежавшие охранники доложили, что никто не пострадал.

- Что делать, мой фюрер? - спросил Эмиль Морис. - Возвращаться?

- Вперед! - скомандовал Гитлер.

- Нет! Надо вернуться! - закричала Ева. - Ты не можешь рисковать! Боже мой, эти варвары могли убить тебя! Но это невозможно. Ты нужен Германии! Ты нужен миру! Ты нужен мне. Я люблю тебя! Ты дороже мне самой жизни!

Загремели новые взрывы, уже в отдалении. Погасли огни. Ударили зенитки.

- Вперед! - повторил Гитлер.

На следующий день фюрер устроил разнос Герингу и всему командованию люфтваффе за ночной налет русских на столицу рейха.

- Как это стало возможно? - кричал фюрер в неистовстве. - Вы же мне сами докладывали, что русская авиация уничтожена. Вы за это ответите! А этого русского полковника, который командовал налетом, я приговариваю к публичной казни. Взять его живым, доставить в столицу и повесить публично. Он - мой личный враг и должен понести возмездие.

На столе Сталина лежал для подписи указ о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Преображенскому - за успешный налет на Берлин.

Сталин был рад, что налет оказался таким успешным, хотя прекрасно понимал: особого военного значения он не имел. Другое дело, что все это было очень важно психологически. Подумать только - бьем по самому Берлину.

Тяжелые, неслыханные, неожиданные поражения Красной Армии потрясли Сталина. И не переставала терзать мысль: война проиграна, Гитлер побеждает его. Некоторое время Сталин был даже не в силах обратиться к народу, хотя знал: все ждут, что он скажет в этой страшное время. И он все же сказал, как никогда не говорил, как никогда не обращался к людям: «Братья и сестры!» И вроде бы сам поверил в возможную победу. Сталин просмотрел биографию Преображенского, приложенную к указу. Оказывается, вологжанин по происхождению. И почему-то вспомнилась вологодская ссылка. Ведь его сын - тоже по рождению вологодский. Так сказать, незаконно (он усмехнулся) рожден в Вологодской губернии, в городе Сольвычегодске Матреной Кузаковой от политссыльного Иосифа Джугашвили. Да, грехи молодости. А вот с другой вологжанкой - Пелагеей Ануфриевой - он потерпел любовную неудачу. Помнится, послал ей из Петербурга две открытки, в одной даже написал, что целует ее «горррррячо». И почему вспоминаются такие пустяки? В такое время.

Сталин подписал указ.

По этому указу вологжанин Е. Преображенский получил звание Героя Советского Союза. И вошел в историю как первый советский командир, первый летчик, атаковавший Берлин. А что это значит - войти в историю - Иосиф Сталин прекрасно понимал. Он брал с собой в вечность только самых достойных.

Зоя Рудакова прячется в парке, дальнем его уголке, в помещении (судя по стендам на стене) заброшенного тира. Уже, видимо, полдень. И что-то надо делать. Но что? Все происшедшее с ней кажется почти нереальным, фантастическим. Она ждала казни. Было жутко. И вдруг - сначала какой-то гул. Потом - вспышка, взрыв, грохот. На миг она лишилась сознания. Но придя в себя, увидела - в стене камеры зияет пролом. Это было чудо. Она поняла - был авианалет. И она осталась невредима. Все остальное происходило почти бессознательно, как в бреду. Она выскочила в пролом. На земле корчился какой-то человек, какой-то тюремщик. У него не было ног, кровь хлестала из обрубков выше колен. Она перепрыгнула через него и увидела - в тюремной стене тоже есть пролом. Она выскочила на улицу и долго бежала по темному городу (огни в нем погасли), лишь лучи прожекторов бродили по небу. Взрывы, выстрелы зениток, пожары, но уже в отдалении.

Конечно, она не знала, куда бежит и куда ей надо бежать. Оказалась в каком-то парке, наткнулась на небольшое дощатое строение, похожее на сарайчик. Дернула заколоченную дверь, та открылась. Внутри были стенды, предназначенные для тира. Она поняла - это заброшенный тир. Она закрыла дверь и укрылась здесь.

Медленно приходила в себя. Сознание временами как бы отключалось - от всего перенесенного. Так прошел остаток ночи. Настало утро. Пришел день. Что ей делать дальше, она не знала. Выхода не было. Спасения все равно не было. На ней был тюремный халат. И стоит ей, как она полагала, только появиться в людном месте, ее сразу же наверняка арестуют. Но и прятаться в заброшенном тире долго невозможно. Она была одна во враждебном, чужом городе, и ее положение было безнадежно.

Но тут случилось еще одно чудо... Парк был пуст. Но неожиданно на аллее появился мужчина, элегантный, красивый брюнет, в его руках была книга. Он сел на скамейку недалеко от тира, где она пряталась. И начал читать книгу. В щель в стене ей было все хорошо видно (да и зрение у нее было превосходное). И то, что она увидела, поразило ее. Незнакомец читал книгу, хотя и на немецком языке, но какую! На обложке значилось: «И. Сталин. К вопросам ленинизма».

Это было совершенно невероятно: в фашистском Берлине человек читал труд товарища Сталина. Неужели свой? Может, это не-

мецкий коммунист? Такое не могло быть случайно. Казалось, судьба посылает ей новый шанс... И она решила выйти из своего укрытия и подойти к нему.

Эмиль Морис, друг и телохранитель фюрера, назначил свидание одной прекрасной особе в дальнем уголке (подальше от посторонних глаз) старого парка. Квартира этой особы как раз находилась рядом со старым парком.

Она была большой оригиналкой, а Морис обожал оригинальных женщин. Она сказала, что, восхищаясь фюрером и зная «Майн кампф» от корки до корки, все же хотела бы что-то знать и о вожде большевизма Сталине, почитать какую-нибудь из его работ. И Морис взял для нее из фонда для служебного пользования одну из книг Сталина, переведенную на немецкий. Конечно, все это было, как он предполагал, предлогом для свидания. Но пусть хоть Сталин, хоть сам дьявол приведет к нему в постель эту оригинальную красавицу. Красавица, конечно, опаздывала. От нечего делать Морис попытался почитать кое-что из сталинской книги, но для него это было скучно. Эмиль Морис, несмотря на радостные вести с Восточного фронта, все же скучал в последнее время. Слишком много завистников и недоброжелателей было вокруг. Правда, к счастью, фюрер всегда верил ему. Фюрер видел в нем верного и преданного соратника, хотя фюреру некоторые доброты открыто намекали, что, мол, нельзя полностью доверять нечистокровному арийцу, тем паче французского происхождения. Но фюрер помнил, что Морис был рядом, когда еще только начиналась славная история национал-социализма. И, конечно, не мог забыть, как они вместе в трудные времена сидели в тюрьме и фюрер рассказывал ему, Эмилю Морису, о задуманном бессмертном труде, библии нашей эпохи - «Майн кампф».

Но завистники только и ищут возможность подставить ногу. В последнее время Морису стало известно, что некий сотрудник армейской разведки Клементьев, возглавляющий сектор разведывательного центра «Север» (кстати, русский по происхождению), собирал секретные сведения относительно смерти Гели Раубаль, встречался в том числе и с покойным (туда ему и дорога) священником Бернардом, которому очаровательная Гели доверяла и рассказывала о своих интимных отношениях с фюрером. Ах, Гели, Гели, тебя не забыть. И, конечно, жаль тебя...

Так вот, этот Клементьев, судя по информации, имеет наглость лезть в интимную жизнь самого фюрера и выдвигает предположе-

ние, что, скорее всего, надоевшую любовницу Гели Раубаль застрелил по указанию фюрера именно он - Эмиль Морис. Безусловно, подобное надлежит немедленно пресечь. И выяснить, что стоит за сбором такого рода информации... Не исключено, что все очень серьезно.

А пока красавица-оригиналка опаздывает. Книгу Сталина, конечно, даже ради любопытства читать невозможно - сплошные непонятные большевистские догмы. Но что это? Морис видит, как из какого-то расположенного напротив строения, похожего на сарайчик, выходит девушка. Она смертельно бледна. Она - в тюремном халате. Она очень красива. И она, невероятно, но она направляется прямо к нему - Эмилю Морису.

В Берлине уточняли урон, нанесенный русским налетом. В частности, в сводке с Геббельсштрассе были приведены окончательные сведения о потерях и разрушениях этой наиболее пострадавшей улицы. Одна из русских бомб попала в сиротский дом, убито восемь детей, пятнадцать сирот ранено. Здание полуразрушено. Две бомбы попали в здание тюрьмы. Частично разрушена стена возле здания и камера смертников. Главному палачу Кремеру оторвало обе ноги. Также две бомбы попало в здание разведывательного центра «Север». Погибли почти все сотрудники центра, несшие в ту ночь дежурство (пять человек). Радист С. Клементьев тяжело ранен.

Сергей бредил. Приходил в сознание и снова впадал в беспамятство. Чувствовал, что все время что-то говорит в бреду. Но во мраке беспамятства инстинктивно возникала тревожная мысль: не сказать бы чего лишнего, не выдать себя. А его бред принимал все более и более причудливые формы.

Вот монстры Гойи садятся к нему на грудь и начинают терзать его. А вот появилась обнаженная маха - прекрасная и живая. И монстры, словно испугавшись ее красоты, улетают. Сергей вглядывается в нее и видит: это Эрна, его любовница. Он протягивает к ней руки. Она отпрянула. Нет, это не Эрна, это Зоя Рудакова, его юная любовь, недоступная Зоя. Он впервые видит ее обнаженной.

А вот другое видение: Вологда, древний Софийский собор. Вологодский кремль. Но что это? Над Вологодским кремлем развевается знамя со свастикой. А у Софии - группа немецких солдат, гогочут, фотографируются. Значит, и Вологда уже оккупирована. Все равно будем бороться. А вот из мрака выступил портрет Сталина. И Сер-

гей впервые говорит в лицо вождя дерзкие слова: «Я воюю не за вас, Иосиф Виссарионович. Я воюю за Родину».

Бред отступил. Стало легче. Он очнулся в госпитале. Весь в бинтах. И первый, кто пришел к нему, был его «шеф» - Виктор Николаевич Клементьев. И глаза у него были стальные.

- Я слышал твой бред, Сергей, - глухо сказал он. - Ты много чего говорил в бреду. Но ясно одно: ты - советский шпион. Я еще не сообщил об этом в гестапо. Ты беспомощен, прикован к койке, не уйдешь. Но я хочу, чтобы ты сам во всем сознался мне.

Первый порыв - сорвать с себя бинты и умереть. Чтобы потом не мучиться под пытками на допросах. Но Сергей выдержал стальной взгляд Клементьева. Умереть несложно. Сложнее - выиграть поединок.

- Виктор Николаевич, - сказал он «шефу», - мы с вами оба русские люди. Мы оба болеем за Россию. Вспомните, вы мне доверяли. Вы мне о многом рассказывали, например, о любовницах Гитлера, о Гели Раубаль, ее убийстве. Такое вам, простите, никогда не простят.

Указ о присвоении звания Героя Советского Союза полковнику Преображенскому среди летчиков-балтийцев был встречен с восторгом. Поднимая «фронтовые сто грамм», Преображенский сказал: «Это награда нам всем. И мы еще будем бомбить Берлин. И разбомбим его. Завтра новый налет».

Часть 2

ДВОЙНИК

После налета советских самолетов на Берлин шеф гестапо Генрих Мюллер мог сказать: я предупреждал. Такое вполне могло случиться. Красная авиация, как объявил Геринг, не уничтожена. Красная армия, как объявил Геббельс, не уничтожена. Русские не сдадутся. «Блицкрига» не будет. И все еще возможно.

И это означало для самого Генриха Мюллера, что надо решаться. Надо начинать крупнейшую в своей судьбе игру. Следует выходить на Сталина и обеспечить себе тылы. Верно и честно служа фюреру, надо попытаться найти контакт со Сталиным.

На такое мог быть способен лишь один человек - Генрих Мюллер.

В «Энциклопедии третьего рейха» о нем говорится так: «Генрих Мюллер был потомком баварских крестьян, малоинтеллигентным, но чрезвычайно упорным и упрямым. Он был небольшого роста, приземистым, массивным, с почти квадратной головой...»

Он начинал в двадцатые годы как простой детектив, но, проявив способности, возглавил отдел криминальной полиции в Мюнхене. Его ценили как профессионала высокого уровня. Гиммлер, создавая гестапо, пригласил туда Мюллера в числе первых. И не ошибся. В гестапо Мюллер быстро проявил себя. Впоследствии он уже работал с Гейдрихом, Кальтенбруннером и Гиммлером. «Гиммлер обратил внимание на такие его качества, как слепое подчинение дисциплине и профессиональную компетентность. Мюллер не раз подавал заявление о приеме в нацистскую партию, но в течение шести лет получал отказ». В гестапо понимали: он - чужой, он не нацист, гитлеровская идеология ему безразлична. Потому и не принимали в партию. Но вот парадокс: несмотря на это, Мюллер быстро делал служебную карьеру. За его спиной, негласно покровительствуя ему, стоял сам фюрер. Гитлер был многим обязан Мюллеру. И фюрер это помнил, видя в нем верного пса, ярого служаку.

Но, считая себя глубоким психологом, фюрер насчет Мюллера все же ошибался, он не знал до конца «верного Генриха». А «верный Генрих» был не так уж прост, как казался. На самом деле был двойник.

Чаще всего он был именно таковым - понятным, простонародным, цельным, но наступал какой-то момент для него, и в нем просыпалась душа иезуита, которую жадно влекло все тайное, странное, запретное, и он в такой миг мог переступить черту запретного. Это доставляло ему особую, ни с чем не сравнимую радость.

К тому же он был необычайно расчетлив и невероятно хитер. Он играл в свою игру, не подвластную ничьей воле, в том числе и фюрера. Никто, на мой взгляд, среди нацистского руководства не мог заподозрить в «простаке» Мюллере двойника. Двойничество Мюллера вполне подтверждается известными фактами. Например, делом Бломберга - Фрича. В этом деле Мюллер ведет себя как двойник: одно дело в том, во что он верит, как он думает, и совершенно иное, как он поступает.

А факты были таковы: Мюллер делал все, что было нужно фюреру. Это особенно проявилось в той сложной игре, которую вел фю-

пер с высшим командованием, генералитетом, все еще смотревшим с надменностью на вождя нации как на бывшего ефрейтора. А фюреру нужна была армия, для него надлежало прежде всего установить контроль над генералитетом и устранить несогласных. Главным авторитетом в армии был военный министр, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий вооруженными силами Вернер фон Бломберг, считавшийся «отцом» возрожденного вермахта. Его правой рукой являлся генерал-полковник Вернер фон Фрич. Мюллер понимал, что они мешают фюреру, и потихоньку собирал на них досье. В 1937 году разногласия между фюрером и этими руководителями вермахта стали очевидны. Бломберг прямо заявил: «Германии не грозит нападение с чьей-то стороны». И Мюллер понимал: это правда. Мюллер верил Бломбергу. Никто не собирался нападать на Германию. Это означало мир. Но Гитлеру нужна была война, как самый сильный и верный способ утверждения своего гения. Гитлер на одном из военных совещаний в 1937 году без обиняков заявил: «Будущее Германии зависит от удовлетворения ее нужды в новых территориях». А потом в одной из частных бесед добавил: «Вряд ли я долго проживу. В моей семье не доживали до преклонного возраста. Оба моих родителя умерли молодыми. Проблемы, требующие решения, необходимо решать по возможности быстрее, еще при моей жизни. Будущие поколения этого не сделают».

Гитлер полагал, не веря в будущие поколения, что покорить Европу, а затем и весь мир, Германия может только благодаря его гению. Никто, кроме него, Гитлера, это осуществить не в силах.

От всех этих великих планов Мюллеру становилось не по себе. В душе он, двойник, был на стороне генералов. Но они не обращали на него, Мюллера, никакого внимания, с них нечего было взять. А Гитлер мог дать новое повышение по службе, с Гитлером открывались большие перспективы... И Мюллер выступил на стороне Гитлера, в нужный момент нанес удар, подсунув прессе свое досье.

Была использована слабость Бломберга - женщина. В свои шестьдесят лет, будучи давно вдовцом и выдав дочь за сына фельдмаршала Кейтеля, Бломберг решил жениться на двадцатичетырехлетней, хорошенькой Еве Грин. И свадьба состоялась. А после первой брачной ночи газеты сообщили, что Ева Грин, молодая жена старого главнокомандующего - проститутка, работавшая на панели на берлинской рабочей окраине, в Нойкельне. И не только там. Фройльйн Грин полиция зарегистрировала в качестве жрицы любви в

семи городах, такова была сексуальная география новоиспеченной жены «отца вермахта». К тому же она уличена в краже.

Разразился неслыханный скандал. За честь главнокомандующего яро выступил его заместитель, генерал-полковник Фрич. И тут Мюллер подsunул прессе досье на Фрича. Вот Фрич как раз сторонился женщин, но из досье следовало - генерал-полковник был уличен в гомосексуальной связи с каким-то молодым человеком в туалете потсдамского вокзала. Возмущение Фрича не имело предела, он уверял: все это - ложь.

Офицерский суд чести поддержал генерал-полковника. Но газетная шумиха сделала свое дело: оба высших военных чина ушли в отставку. А Гитлер заявил: «Отныне я беру на себя непосредственно и лично командование вооруженными силами». Гитлер получил желанную власть над армией. А Мюллер фактически стал полновластным шефом гестапо.

Но последующие события и нападение на СССР, видимо, вызвали в его душе сомнения: правильно ли он поступил, полностью связав себя с Гитлером, сделав ставку только на Гитлера. Ведь фюрер явно зарывался, он уверовал, что им движет само Провидение. И полагался только на свою гениальность. И в этом внутренне Мюллер не мог не вступить в тайные разногласия с фюрером.

Мюллер был религиозен, ходил в церковь, соблюдал все каноны, требуемые от доброго католика. Он утверждал: «Без Бога, или прочного морального стержня, общество быстро распадется на отдельные фракции... Берегитесь человека, который хочет стать Богом».

Новым мессией хотел стать Гитлер. Он отвергал основные заповеди христианства, создавая культ во многом языческого Провидения, сочетаемый с собственным культом. Это было, по мнению Мюллера, лжерелигией. Это было хуже, чем откровенный атеизм Сталина. Таковой мог быть временным, тем более что Мюллер знал: Сталин закончил духовную семинарию, учился в духовной академии, хотел быть священником, что не могло пройти бесследно. Сталин мог переменить свой взгляд на христианство. Гитлер - никогда.

Чем более Мюллер присматривался к Сталину, тем более Сталин вызывал в нем симпатию. Сталин был проще, понятнее, ближе. Выходец из народа, Мюллер считал, что Сталин выступает за простого человека, он верит в народ и опирается на него. А в Гитлере была двойственность: с одной стороны, он тоже опирался на массы, а с другой относился к простому человеку с долей презрения.

Мюллер оказался как бы между Гитлером и Сталиным: первому он служил, ко второму его идейно тянуло, влекло.

Конечно, у Сталина в стране был террор. Верхушка партии и армии подверглась массовому уничтожению. Из 85 членов Военного совета - цвет армии - 76 были объявлены «врагами народа», арестованы, расстреляны. Видимо, так было нужно для создания твердой власти, единого мощного государства.

У Гитлера тоже был террор. И Мюллер все это видел своими глазами. Он был вечером 29 июля 1934 года на аэродроме, когда в Мюнхен прилетел Гитлер и его встречали главари мюнхенских штурмовиков - Шейнгрибер и Шмидт. Они восторженно вскинули руки: «Хайль Гитлер!

А фюрер набросился на них с нарочитой, грубой бранью. Они были ошеломлены. И тот же телохранитель фюрера Эмиль Морис выхватил револьвер и расстрелял их в упор. Гитлер пихнул ногой один из трупов и сказал: «Эти люди не так уж были виноваты».

Они ни в чем не были виноваты, они искренне и рьяно служили своему фюреру. Но их надо было принести в жертву - во имя единства, цельности рейха. Штурмовые отряды СА, с помощью которой Гитлер пришел к власти, эта буйная, малоуправляемая трехмиллионная масса вооруженных людей, уже мешала ему: фюреру нужны были железный порядок в стране и безраздельная, ни с кем не делимая власть.

И он обрушил на верхушку СА свою личную гвардию - отряды СС. Началась «ночь длинных ножей». «Лучший друг Гитлера» (так он себя называл), вождь штурмовиков Эрнст Рем, вернейший из верных, был расстрелян - в полном недоумении для себя - в тюремной камере. Главарей СА хватали где попало: на службе, на улице, дома, вытаскивали из постелей. Большинство арестованных свезли в Лихтенфельд, в подвал школы. Потом выводили из подвала группами, чертили на левой стороне груди на мундирах мелом круг (чтобы легче целиться прямо в сердце) и расстреливали в упор.

Умирая, многие из них кричали: «Хайль Гитлер!»

Так было и в Советском Союзе, и Мюллер знал это. Перед расстрелом знаменитый красный комбриг Якир успел выкрикнуть: «Да здравствует товарищ Сталин!» С именем Сталина перед расстрелом умирали многие.

Мюллер лично участвовал в фабрикации дела маршала Тухачевского. В свое время Тухачевский учился в Академии Генштаба в Германии, и немецкая разведка пыталась завербовать его. Исполь-

зовали женщину. Она переспала с Тухачевским. Он не устоял. Однако завербовать его не смогла. Это была красавица-разведчица Жозефина Енсен.

Тем не менее были сфабрикованы фальшивые документы о имевшихся якобы связях Тухачевского с немецкими спецслужбами, их подбросили чешской разведке. А президент Чехословакии Бенеш передал фальшивки Сталину. Этого было достаточно, чтобы Тухачевский и группа его соратников, видных красных командиров, пошли под расстрел.

1 июня 1937 года на заседании Военного совета Сталин разъяснил собранным специально всем известным советским командирам, что происходит. «Товарищи, я вижу на ваших лицах мрачность и какую-то растерянность, - говорил Сталин. - Понимаю, что тяжело слушать о тех, с которыми мы десятки лет работали и которые теперь оказались изменниками Родины. Но огорчаться не надо. Это явление закономерно... Тухачевский является шпионом в пользу Германии. Он был завербован тогда, когда учился в Академии Генштаба в Германии, лучшей разведчицей, красавицей Жозефиной».

Впрочем, вслед за Тухачевским были «разоблачены» и многие другие «шпионы», лучшие красные военачальники, уже без всяких фальшивок и поводов. Многих из них подвергли диким пыткам. Маршалу Блюхеру вырвали глаз и предупредили: «Не сознаешься - вырвем второй».

Разумеется, всех этих жутких подробностей Мюллер знать не мог. У него было свое представление о Сталине. И Сталин казался ему в чем-то более понятным, чем Гитлер.

Сталин не провозглашал террора. А Гитлер его открыто провозглашал. Он говорил: «Мы должны быть безжалостны. Террор - вот что является наиболее эффективным инструментом». И самое чреватое, опасное было в том, что Гитлер обратил террор против других стран и народов. Покорение большей части Европы сделало и Мюллера могущественным человеком на континенте. Но в пламени, которое разжег Гитлер, можно было сгореть вместе с ним.

Вот почему Мюллер, задумываясь о спасительном варианте в случае катастрофы, решил выйти на Сталина. И была еще, конечно, страсть игрока, страсть двойника, которого тянет в новую бездну.

...На стол Мюллера легло распоряжение Гейдриха: в связи с сооружением новой ставки фюрера под Винницей принять особые меры по обеспечению его безопасности на завоеванной украинской

территории, полностью исключить попытку покушения на его жизнь. Предупреждение оказалось пророческим: бункер под Винницей таил опасность для Гитлера.

Часть 3

ВОЛОГЖАНКА В БУНКЕРЕ ГИТЛЕРА

...И она сказала:

- Я прошу вас, поручите это мне. У меня есть возможность проникнуть в бункер Гитлера. И если это произойдет, я убью этого изверга. Я готова, клянусь, пожертвовать собой. Лишь бы уничтожить его. Это поможет приблизить победу. Поражения Красной Армии, поверьте, это - временное. Мы все равно победим.

Замысел этого повествования возник у меня очень давно (так бывает в писательской работе), в далеком 1987 году, когда я работал корреспондентом вологодской областной газеты «Красный Север». И произошло это при следующих обстоятельствах. В том году отмечалось семидесятилетие «Красного Севера». Многие его работники награждались, получали поощрения. И я за свою работу был премирован бесплатной туристической путевкой по Украине и Молдавии. Разумеется, тогда невозможно было представить, что через четыре года эти союзные республики станут самостоятельными государствами. Подобное можно было посчитать лишь неуместной и дикой фантастикой. И, конечно, для меня это была поездка по родной стране, иначе и быть не могло.

Наш туристический маршрут начинался с Винницы, я здесь никогда не был и с большим интересом ждал знакомства с красавицей Винницей, с ее архитектурой, ее памятниками старины. Мне было известно, что неподалеку, в селе Вороновица, находится бывшая усадьба нашего знаменитого земляка, создателя первого самолета А.Ф. Можайского. Знал я и о некоторых событиях, связанных с Винницей в последующие времена. В частности, о том, что здесь в годы гражданской войны была ставка Петлюры и она была разгромлена и вырублена неожиданно ворвавшимися в город красными конниками. Сам Петлюра тогда уцелел, чтобы впоследствии, в 1926 году, уже в Париже получить пулю от агента ОГПУ. Это было одно из первых крупных политических убийств советских спецслужб за рубежом, что применялось и в последующие годы. Как известно, в 1959 году в

Западной Германии агентами КГБ был убит другой знаменитый украинский националист - Степан Бандера, виновный в большой крови. Так решилась тогда проблема украинского национализма, и казалось, что ни о какой независимости - незалежности - Украины никогда уже не могло быть и речи.

Ах, Винница, столица благодатной Подолии - зеленая, яркая, с изобильным базаром, заваленным зеленью, овощами, ягодами, фруктами! Здесь можно было услышать украинскую «мову», а так повсюду - русская речь. По советским меркам все было вполне комфортабельно - современная гостиница в центре, обильная еда в ресторане, много экскурсий с выездами за город, на природу. Чего еще не хватает советскому человеку?

А мне, признаться, не хватало. Как заноза, засела в душе навязчивая мысль: ведь рядом с Винницей была в годы Отечественной войны ставка Гитлера «Вервольф», и я хотел побывать на этом месте. Как староста нашей группы (такovým меня избрали) спрашиваю о подобной экскурсии у туристического начальства. И получаю ответ: «Такая экскурсия не предусмотрена по вашему плану». Но я настойчив, я не хочу уезжать, пока не побываю на месте ставки Гитлера. И добиваюсь (ура!) своего. Нашей группе выделяют автобус и дают экскурсовода. Экскурсовод предупреждает нас:

- Учтите, что ничего особенного вы не увидите. Только груды взорванных бетонных балок и конструкций. И обыкновенные лесные поляны. Правда, есть памятник военнопленным, которые вели здесь строительство и были расстреляны все до одного. Мы почтим их память.

Конечно, мы почтили их память, возложили к памятнику цветы. По словам экскурсовода, их было более четырнадцати тысяч, строивших сверхсекретный объект, обреченных по завершении строительства на уничтожение. Русские, украинцы, поляки, чехи, словаки, даже норвежцы. Они знали тайну этого места, ставка Гитлера возводилась их руками. И должны были умереть - для сохранения тайны. И они это понимали. И спустя многие годы я чувствовал боль за них.

Строительство, как рассказывал экскурсовод, велось сверхускоренными темпами. В октябре 1941 года оно было начато, к маю 1942 года закончено, а 23 мая спецпоезд «Гейдрих» доставил в Винницу Гитлера.

Незадолго перед тем (продолжает экскурсовод) из Винницы вылетел самолет со скандинавскими специалистами, принимавшими участие в строительстве. Скандинавы были щедро вознаграждены.

И могли быть довольны. Но далеко они не улетели - самолет взорвался в воздухе. Никто, разумеется, не уцелел. Руководили строительством немецкие, шведские и норвежские специалисты. Никто из них на родину не вернулся. Все исчезли бесследно. Гитлер умел хранить свои тайны и не останавливался ни перед чем...

...Экскурсовод ведет экскурсию. Мы, слушая его, бродим по лесным полянам, здесь повсюду возвышаются груды бетона и искореженного железа, это бывшие входы и выходы ставки Гитлера, взорванной при отступлении самими немцами. Экскурсовод говорит:

- Существует две версии о «Вервольфе». По одной из них - ставка взорвана полностью, под землей - бетонный хаос. По другой - ставка до сих пор цела, взорваны лишь входы и выходы. И, конечно, существует много легенд. Есть даже такая: будто здесь под землей хранятся сокровища - золото, драгоценности, награбленные гитлеровцами, антиквариат, но все это заминировано. Любая попытка проникнуть сюда кончится взрывом, и все в окрестности взлетит на воздух. Версий и легенд много.

- А были ли настоящие обследования здесь, экспедиции специалистов? - спрашиваю я.

- Конечно, - отвечает экскурсовод, - к примеру, одна из экспедиций обнаружила остатки бассейна (это был личный бассейн Гитлера) и домика около него. В его фундаменте нашли шурфы воздухозаборников, топливные брикеты с маркировкой «Тироль», телефонный кабель, вполне годный и сейчас к использованию, арматурные прутья, чугунные трубы. И все это за полвека не тронут коррозией. Значит, если что-то есть внутри, под землей, то все должно сохраниться.

Предположительно был определен главный вход в бункер, но проникнуть в него невозможно: путь преграждают многотонные бетонные глыбы, спрессованные взрывом.

Экскурсовод обратил наше внимание на окрестную природу, низкорослые деревья и кустарники. Почему окрест прекрасные леса, мы ехали через лес, и недалеко есть даже лесная база отдыха, а здесь лесок мелок и низок - не растет, природа не по-украински чахлая? Потому, можно представить, что под верхними слоями целый подземный город: огромные сооружения, сложная система тоннелей. Проклятое, таинственное место. Экскурсовод поясняет, что здесь была своего рода «мертвая зона», как бы «черная дыра». Все живое, приблизившись к этому месту, исчезало, уничтожалось. Даже немецкие самолеты, сбившиеся с курса и случайно оказавшиеся над этой территорией, немедленно сбивались. Никто

из прислуги, из обслуживавшего персонала, отсюда не вернулся, не вышел живым.

- Есть легенда, - говорит экскурсовод, - ее рассказал один из уцелевших бывших охранников Гитлера: будто однажды сюда привезли молодую русскую красавицу, военнопленную, которая пошла на службу к немцам, и ей было поручено вручить Гитлеру подарок - очаровательного щенка. Гитлер любил собак и был доволен. Но никто эту русскую красавицу более не видел. Типичная была северянка - русая, льняные волосы.

- А может, вологжанка? - спрашиваю я.

- Может, и вологжанка. - отвечает он. - Если вам угодно.

Мое воображение вспыхивает, захватывает душу. Конечно, это вологжанка. Во всяком случае, пусть будет так. Это - красавица Зоя Рудакова. Молодая переводчица, отличница факультета иностранных языков Ленинградского университета. Она была призвана в армию, но попала в плен. Зое грозила гибель. Но по воле случая в Берлине ей встретился телохранитель и давний друг Гитлера - Эмиль Морис. Красота русской пленной поразила его, он увез ее к себе, сделал своей любовницей - никакого сопротивления ему оказать было невозможно. Это было ужасно. Она хотела покончить с собой, но постепенно пришла к мысли: надо выдержать и подобное. И надо искать возможность вырваться из этого ада. В душе она продолжала оставаться советской девушкой, ненавидящей Гитлера и фашистов. Но сделала вид, будто полностью переменялась. И ее насильник постепенно поверил ей. И, привыкнув, даже сделал своей секретаршей. Но она продолжала искать выход. И ей повезло. Произошло невероятное - она встретила Сергея.

Сергей должен был погибнуть. Но ему тоже повезло.

Он выжил после тяжелого ранения, но в бреду выдал себя своему шефу по разведцентру «Север» Виктору Николаевичу Клементьеву, которому стало ясно, что он советский разведчик. Но шеф, давний русский сотрудник немецкой разведки, все же не выдал его немцам; он сам, как выяснилось, потрясенный фашистскими зверствами, совершаемыми в оккупированных областях России, переживал самый сложный внутренний перелом и искал выход из тупика, в котором оказался. Он по-прежнему ненавидел большевиков, но и с Гитлером ему стало совсем не по пути. Для Сергея это было спасением. И своего рода потрясением, хотя подобное он мог представить.

Но еще больше его потрясла совершенно невероятная встреча с

Зоей Рудаковой, красавицей-землячкой, вологжанкой, своей первой любовью. Встреча (с ума сойти) вопреки всему была здесь, в фашистской Германии, чего никак не могло произойти. Но произошло.

В один из своих выходных он поехал в Дрезден, в знаменитую галерею, где давно не бывал. Здесь, в зале античной скульптуры, у знаменитой «Афродиты с яблоком» время от времени проходили его конспиративные встречи с подпольщиками из тайной антифашистской организации «Красная гвоздика», с которой он был связан. И на этот раз к «Афродите с яблоком» должен был прибыть связной. Но связного у скульптуры не оказалось. У «Афродиты с яблоком» стояла молодая женщина в изящном черном костюме. Это была Зоя. Непостижимо прекрасная, как древнегреческая Афродита. С тех пор эта скульптура приобрела для него особый, почти мистический, тайный смысл.

Он долго не мог поверить, что это на самом деле Зоя. Он остановился перед ней, застыл, пожирал ее глазами. Поверил, когда она то ли в восторге, то ли в ужасе воскликнула: «Сергей, это ты?» - «Зоя?!» - «Тихо, - он бросился к ней, она отстранила его. - Я не одна. Запомни мой берлинский телефон. И уходи».

К ней уже подходил чернявый мужчина в эсэсовской форме. Сергей ахнул. Это был Эмиль Морис. Один из близких сподвижников самого Гитлера.

Нервы сдали. Сергей в каком-то шоковом состоянии выбежал из зала. К тому же Эмиль Морис мог узнать его, они были знакомы. Но как все это могло случиться, что Зоя оказалась здесь, в фашистском Берлине и Дрездене и к тому же с Эмилем Морисом? Объяснений у Сергея не было и не могло быть. Неужели она пошла на службу к немцам? Какие у нее могли быть отношения с одним из приближенных самого Гитлера? И надо ли ей звонить? Не опасно ли это? Не попадешь ли в западню? Ответов он не находил. И все же при всех своих сомнениях и колебаниях он на следующий день позвонил ей. Она назначила ему встречу в старом парке за Тиргартеном. Даже по телефону чувствовалось, как она волнуется. Они встретились. И сразу все объяснилось. В слезах Зоя рассказала ему, как, попав в плен и чудом избежав смерти, она по воле обстоятельств оказалась в руках Эмиля Мориса. По ее словам, она не покончила с собой лишь потому, что у нее в душе почему-то оставалась надежда, что она сумеет найти выход для своего спасения.

Сергей сразу и полностью поверил ей. И испытал боль за нее -

ей так много пришлось пережить. И он предложил ей вступить в подпольную берлинскую организацию «Красная гвоздика», с которой был связан. Она была в восторге. И она ожила. У нее появилась надежда. Она могла бороться. Будучи близка к одному из фашистских заправил, самому Морису, она могла быть особенно полезна «Красной гвоздике». И случай представился.

Как-то Морис сказал ей, что решил взять ее с собой в ставку Гитлера. «Это великая честь, - сказал он ей. - Ты вручишь фюреру мой подарок - очаровательного щенка. Фюрер обожает собак. Красивый щенок из рук красивой женщины, к тому же бывшей комсомолки - это оригинально. Это должно произвести впечатление. Через неделю мы с тобой едем в ставку».

Она внутренне содрогнулась. Ей предстоит встреча с главарем всех фашистов. А если попытаться... Если что-то придумать... Если у новых друзей попросить пистолет, пронести его в гитлеровскую ставку и, выбрав момент, выстрелить в Гитлера в упор. Убить изверга, избавиться от него весь мир. И пусть ее потом пытаются, пусть терзают, пусть хоть на куски режут. Это был бы настоящий подвиг. И она готова на все.

В тот же день на конспиративной квартире она рассказала подпольщикам - у нее появилась возможность оказаться в ставке Гитлера. Редчайший случай. Что делать? Нельзя ли организовать покушение на фашистского главара? И щенок - такая симпатичная мордашка, крохотная пока немецкая овчарка - уже принесен в их квартиру.

Рассказ Зои взволновал всех. Все согласились - случай редчайший, уникальный. Но как его использовать? Нет, пронести пистолет в ставку не удастся. Гитлера охраняют как зеницу ока опытейшие телохранители. Подобное невозможно.

- А что если... воспользоваться щенком? - вдруг предложил один из подпольщиков. На него посмотрели с недоумением. А он продолжал:

- Да, да. Есть такой вариант. Есть! Вы же знаете, я по профессии - биолог и кинолог. И берусь это осуществить. Надо заразить щенка бациллами бешенства и других опасных болезней. Я смогу это сделать. Получив такой подарочек, Гитлер неминуемо заразится. Особенно если щенок укусит или даже хотя бы полижет его. И никакая охрана его не спасет!

Услышав такое, сначала все были шокированы. План покушения

казался просто фантастичным. Но Зоя в волнении закричала:
- Я верю - это возможно! Я готова сделать это!

Начались споры. В конце концов решили - на самом деле подобное реально. Но вместе с тем и смертельно опасно - в первую очередь для самой Зои. Но Зоя со слезами на глазах заявила, она будет рада совершить подвиг. Ей до слез жалко щенка. Но ради уничтожения Гитлера она готова пожертвовать не только щенком, но и собой.

И все почувствовали, что это правда. И отговаривать ее не нужно.

К этому времени Гитлер благополучно пережил уже несколько покушений. Казалось, он заколдован.

Были на Гитлера и, так сказать, нетрадиционные, необычные покушения. Так, однажды после выступления на одном из митингов Гитлеру был вручен букет, отравленный сильным ядом. Но Гитлер, ничего не подозревая, машинально передал букет адъютанту. Тот отравился. С Гитлером ничего не случилось. И вот тогда появился, пожалуй, самый невероятный план покушения - используя зараженного бациллами щенка. Об этом покушении сохранилось краткое упоминание камердинера Гитлера Хайнца Линге. Как о подлинном факте, о том упоминается и в книге польского профессора К. Грюнберга «Гитлер». Казалось бы, хитрость организаторов покушения могла удасться...

Завтра - отъезд в ставку Гитлера. Зоя возвращается к себе на квартиру. В большой хозяйственной сумке у нее - щенок, уже зараженный, жалобно скулящий. «Молния» на сумке слегка расстегнута, бедный щенок высунул свой влажный нос наружу. Ах, как жаль Зое обреченное, несчастное маленькое животное. Но этот несмышлениш, глупенький, милый щенок должен сыграть важную роль в мировой истории - погубить главаря фашистов. Им, вероятно, предстоит погибнуть почти одновременно - ей и щенку.

Зоя спешит - надо еще полностью подготовиться к смертельной поездке. Зоя волнуется, Зоя переживает, Зоя вне себя.

Но внезапно на людном перекрестке ее окликают. «Зоя!» - слышит она и оглядывается. К ней подбегает мужчина средних лет, в штатском. «Зоя? - ошарашенно повторяет он. - Ты ли это?»

Она вглядывается в него и узнает, глазам не верит, но все же узнает...

«Алексеев? - спрашивает она неуверенно. - Старшина Алексеев?» - «Я самый! - вопит он. - Я - Николай Алексеев. А это ты? Неужели ты на самом деле? В Берлине, живая, шикарно одетая. Я за тобой долго шел, все не мог поверить... Но не узнать тебя я, понятно, не мог».

Они служили в одной части. Алексеев по праву старшего опекал ее, ограждал от бесчисленных ухаживаний, объяснений, приставаний, по такой красавице вся часть сходила с ума. А он вроде бы помогал ей бескорыстно, ничего не требуя, ни на что не претендуя.

После они вместе попали в плен. И пути их разошлись. Казалось, навсегда. И надо же - вот так случайно встретиться в Берлине.

- Значит, ты служишь немцам, - говорит он, - какая ты ухоженная, красивая, разодетая. И главное - на свободе. Переводчицей служишь или радисткой?

- Значит, ты служишь немцам, - в тон ему говорит она. - Прилично одет, в штатском. И на свободе. Ходишь по Берлину.

- Какой симпатичный, - он протягивает руку к щенку.

- Не трогай! - пугается она и поясняет. - Он кусается. Я носила его к ветеринару. Щенок болен.

- Понятно, - он пристально смотрит ей в глаза. - А может, ты дашь адрес своих родителей? Я бы мог зайти, сказать, что ты жива-здорова. И выглядишь на все сто.

- Ты серьезно?

- Вполне. Нас забрасывают в Вологду.

- Вон оно что... Нет, адреса не дам.

- Может, встретимся? У меня еще есть время.

Она поворачивается и бежит от него.

Агентурная группа из трех человек, куда входил Николай Алексеев, была сброшена на территории Вологодской области близ станции Бабаево. Благополучно приземлились на одной из лесных полян, зарыли под высокой сосной рацию и другое снаряжение. Затем, как это и было предусмотрено, поехали на проходящем поезде в Вологду, заплатили солидную сумму проводникам. Имели фальшивые удостоверения уполномоченных для заготовки продуктов для фронта.

Все трое являлись раньше красноармейцами и были завербованы немецкой разведкой в рижском лагере для военнопленных.

Николай Алексеев, получивший в немецкой разведшколе фамилию Орлов, был в группе радистом.

К этому времени немецкая разведка развернула за линией фронта широкую агентурную деятельность. В том числе и в Вологодской области. Летом 1942 года агентурные группы были сброшены в районе Чибсары, Погорелова и других местах. Но главной из них все же считалась вологодская группа.

Устроившись в Вологде, агенты вернулись в Бабаево за рацией и другим снаряжением. Все шло без неожиданностей.

Старший в группе послал для разведки на бабаевский вокзал Алексеева. Было решено заночевать на вокзале, для чего следовало выяснить, нет ли там милиции.

Когда Алексеев вошел в зал ожидания, он увидел здесь военный патруль. И произошло неожиданное. Подойдя к патрулю, Алексеев сказал, что является немецким агентом, но хотел бы сдать с повинной.

Так вологодская агентурная группа и не начала свою шпионскую деятельность. С помощью Алексеева были арестованы и два других агента.

На допросах в Вологде Алексеев показал, что пошел на вербовку немецкой разведки с единственной целью - вырваться из плена и при первом удобном случае перейти на нашу, советскую сторону. И выразил желание сотрудничать с органами госбезопасности.

У вологодских чекистов появилась возможность крупной операции. Запросили Москву, получили согласие. Так было решено начать тщательно разработанную игру с противником. План этой радиоигры был подготовлен в Вологде. И она началась...

Алексеев связался с немецкой стороной, радировал, что якобы агентурная группа начала действовать и ведет сбор сведений обо всех крупных перемещениях воинских частей через Вологду и дислокации их на территории Вологодской области. На немецкой стороне эти сведения ждали и им поверили. Радиоигра началась успешно.

Теперь Алексеев постоянно передавал немецкой разведке сведения ложного характера. Противник получал солидную долю дезинформации.

Ночь. Тюремная камера. Алексееву не спится. Его охватила тоска. Он знает, что пока его используют в радиоигре, ему ничего не грозит. А когда радиоигра кончится? Что ждет его?

Ему хорошо известно, что существует сталинский приказ: все побывавшие в плену считаются изменниками. И что бы он ни сделал, полного прощения ему не будет. Он искренне перешел к своим, но все равно считается чужим.

Ах, какая тоска... И нет сил справиться с ней. И Зою жаль. Ведь он любил ее, хоть хранил это в тайне. Выходит, она теперь у немцев. Видно, выхода у нее не было. Он знает, что в разведывательном центре «Север» в Берлине работает какая-то молодая женщина. Наверное, это она, Зоя. Она и раньше интересовалась радиоделом. И значит, его шифровки могут попасть к ней. Как дать ей знать, что это он? Зачем это? Он сам не может себе это объяснить.

Зоя и Эмиль Морис ходят по территории «Вервольфа». Целый город: несколько десятков домов, правда, бревенчатых, но выглядящих вполне респектабельно. Для фюрера - настоящие апартаменты. И все отлично обустроено. Кинотеатр, бассейн, казино, парикмахерская. Но главное, конечно, то, что находится под землей - бункер фюрера, подземные помещения различных служб, бомбоубежище.

...Вечером - прием у фюрера и вручение ему в качестве подарка щенка.

Но Морис уже начинает сомневаться - не напрасно ли он все это затеял. Но теперь уже поздно. Надо идти до конца. Тем более что завистники действуют, его уже всеми силами оттирают, отстраняют от фюрера. Фактически он уже не телохранитель вождя. И вчера этот всезнающий Гелен, шпионское око рейха, прямо сказал ему: «Что-то меня смущает в вашей новой секретарше. По своему опыту я знаю: до конца русским доверять нельзя».

Морис искоса поглядывает на Зою. Все же ее красота должна произвести впечатление на фюрера. А вдруг он еще обратит на нее особое внимание? Ведь свет клином на одной Еве Браун не сошелся.

А тут пикантно - бывшая большевичка. Лично он, Эмиль Морис, получил от нее большое удовольствие. Он изнасиловал ее с наслаждением. И выяснилось, что она была девственница. А ныне девственница - редкость, днем с огнем не найти. Впрочем, он не раз слышал рассказы фронтовиков: когда они насилуют молодых русских девок, то часто удивляются - эти русские девки чаще всего оказываются девственницами. Такова большевистская мораль. Но мы избавим их от этой морали.

Конечно, Зоя теперь полностью подчинена ему, она как его раба,

как собственность. И выполнит его любую волю. Лишь бы от волнения на встрече с фюрером не подкачала. Не должна подкачать.

А может, все-таки он зря так уверен в ней?

Гитлеру понравился щенок. И поздно ночью, готовясь ко сну, в своем бункере он охотно поиграл с забавным и веселым щенком. Впрочем, в глубине собачьих глаз, как ему показалось, мелькнуло что-то печальное. Но возможно, это только показалось...

Гитлер обожал собак. Их преданность была гораздо правдивей, глубже и искренней, чем людская. К большинству людей он испытывал невольное презрение. Большинство человечества, как он написал однажды, состояло, по его мнению, «из маленьких, наивных индивидуумов, подверженных колебаниям и сомнениям». Увы! Подобное относится и к немцам. И предстоит гигантская задача, равная подвигу: поднять, духовно возвысить большинство маленьких немецких индивидуумов, создать из них расу господ, высшую расу. Он взял на себя великую миссию, предназначенную ему Провидением, - создать нового человека. Сильного, гордого, здорового телом и духом, презирающего капиталистическую меркантильность, уверенно все сметающего на своем пути огнем и мечом, идущего в светлое будущее - тысячелетний рейх. И война является лучшим средством для закаливания и воспитания нового человека, который без малейших колебаний и сомнений верит в гений своего фюрера Адольфа Гитлера. Конечно, на этом пути есть и кровь, и страдание.

Он, Адольф Гитлер, знает, что это такое. Он много страдал в молодости, потому что был не похож на других, был непонимаем и гоним. Он знает, что это такое - лишения, унижения, голод.

Особенно тяжелыми были для него пять лет, прожитых в Вене, когда рухнула его мечта стать художником. Эти бездарные профессора, безмозглые, гнилые интеллигенты забраковали его незаурядные, непохожие на других работы, не приняли его в Венскую академию художеств. Он бедствовал, голодал. В черном старом пальто до пят и старой шляпе он бродил в поисках пропитания по венским улицам и кафе, пытаясь продавать свои работы. Приходилось и просить милостыню. Впоследствии он написал так: «Пять лет нищеты и скорби, пять лет, в течение которых я зарабатывал на жизнь сначала как подмастерье, а потом как неизвестный художник. Голод был постоянным моим спутником. Он не покидал меня ни на мгновение». Тогда он возненавидел господство денег, власть капиталистов, банкиров, евреев. Это должно быть уничтожено. Он начал великую

революцию - за освобождение человека от меркантильности, мелочности, физической и духовной нищеты. И кровь в этой революции - неизбежна. Он, Адольф Гитлер, знает, что такое кровь. Он видел множество смертей, горы трупов. Он, уйдя на фронт добровольцем, доблестно воевал. Был награжден высшим германским орденом - Железным крестом первой степени. Впервые в истории рядовой был удостоен такой высокой награды.

Он был ранен, отравлен газами, он терял зрение, мог ослепнуть, и ему не хотелось жить. Но в тот критический момент неожиданно в нем прозвучал властный внутренний голос, без всякого сомнения, посланный Провидением, и он услышал: «Стыдись! Ты не маленький, слабый, хилый, сжимаемый тщеславием и болью человек. Ты - великий человек, ты - гений». И произошел перелом - он поверил в свой гений и уже более не сомневался, и стал гением. Он спас германский народ, подняв его из нищеты, разрухи, духовного тупика. Теперь он должен спасти все человечество.

...Щенок заскулил. И вдруг хватанул Гитлера за палец. «Ах, ты кусаться, негодный!» - Гитлер рассмеялся, потрепал щенка за ухо. И вспомнилось, и подумалось: какая все же красавица эта русская секретарша Мориса, подарившая ему щенка.

В бывшей усадьбе Можайского по его старинному парку совершал свой утренний моцион Рейнхард Гелен, начальник аналитико-разведывательного отдела генштаба сухопутных войск (его в Германии впоследствии назовут «шпионом века»).

Гелен не умел отдыхать. И во время прогулки его мозг работал, анализировал, делал выводы. А выводы были отнюдь не оптимистичны. Конечно, победы на Восточном фронте войдут в историю, это - исторические победы. Немецкая армия показала и показывает свое несомненное превосходство. Фюрер снова, как год назад, в эйфории. Но нельзя забывать уроки тяжелого зимнего поражения под Москвой, первого серьезного поражения вермахта. И удивляет мужество русских.

Русский солдат способен на то, на что не способен даже доблестный, лучший в мире немецкий солдат. И это тревожит. Русский способен, обвязав себя гранатами, броситься под танк. Русский способен лечь грудью на амбразуру пулемета. Русский может направить свой самолет на эшелон с горючим. А когда русский идет в рукопашную, в штыки, его никто и ничто не остановит.

Есть психология войны. Гелен понимает это и видит то, чего не

видят другие. Русские могут то, чего не может никто в мире. И поражения на фронте психологически их не в силах сломить.

И потому кажется, что уже с необъятных сибирских просторов, с уральских гор, с волжских степей встает на дыбы и идет, рыча, могучий русский медведь, он будет истекать кровью, но он пойдет вперед - яростно и неудержимо.

Гелен не говорит о своих сомнениях фюреру, это бесполезно. Он делает все, что в его силах. В победах вермахта - и его доля.

Здесь, под Винницей, ему нравится. Ему хорошо работается в усадьбе Можайского. Он знает, кто такой Можайский. Это тот самый изобретатель, один из многих талантливых русских, который поднял когда-то под Вологдой в воздух первый в мире летательный аппарат, прообраз самолета...

Вологда. Почему ему вспомнилась эта Вологда? Ах да, это потому, что у него на столе лежит радиограмма, полученная от разведывательной группы, заброшенной в Вологду. Из радиограммы следует, что через Вологду начата крупная переброска войск под Москву. Это важно. Это надо учесть - в самых масштабных военных планах.

И дело не только в этой шифровке. Конечно, вчера ничего не произошло. Просто красивая женщина вручила фюреру щенка. И все. Но Гелену решительно не понравилась эта русская, его интуиция, которая никогда не подводила, внушала ему подозрение к ней. Здесь что-то не то. Она вела себя как-то не так, как другие. Конечно, она очень волновалась. Этим многое можно объяснить. Но не все.

Гелен много раз видел, какое магическое впечатление производит фюрер на женщин. Они сходят с ума, впадают в истерику. Они бешено любят, они обожают фюрера. А здесь что-то другое. Это - не любовь, не обожание. Потому русская подлежала немедленной дополнительной проверке.

Правда, это работа Мюллера, гестапо. Но Гелен не доверяет Мюллеру. Более того, странные подозрения возникают в нем относительно Мюллера...

«И сердце бьется неспроста»...
Иосиф Сталин, из юношеских стихов

Гитлер проснулся в прекрасном настроении, он чувствовал, как бешено бьется его сердце. И неспроста бьется, переполненное радостью. Он увидел во сне огромную карту Европы, живую, переливающуюся разными красками. И две краски преобладали, разделенные

огненной линией, - коричневая и красная. Были островки и каких-то других, блеклых красок. Но именно две краски заливали огромное европейское пространство: красная - это сталинский СССР и коричневая - это рейх, его тысячелетний гитлеровский рейх, уже поглотивший Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Чехословакию, Югославию, Грецию, Польшу, часть Африки, Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, многие области Украины. Огненная линия - это фронт. И волны коричневой краски уже двинулись, потекли на восток, отодвигая огненную линию все дальше и дальше - к Волге и Кавказу. Это был пророческий сон, посланный ему, в чем он не сомневался, Провидением. Само Провидение подтверждало замысел его великого похода на Восток и правильное направление его удара.

Большинство его генералов были уверены, что удар надо нанести на Москву. Взять реванш за зимнее поражение под Москвой и уже летом 1942 года овладеть большевистской столицей. Все твердили ему, что победа может быть достигнута только после взятия Москвы. И на Востоке сейчас сосредоточены такие могучие силы, такая неудержимая военная мощь, перед которой устоять большевикам уже невозможно. Москва падет неминуемо. В мире нет другой силы, которая сейчас могла бы устоять перед великой немецкой силой - во всяком случае, на московском направлении. И все вроде бы было очень логично. Но они, генералы, не понимали его, как чаще всего не понимают обыкновенные люди гения. Они, по-своему талантливые, умелые профессионалы войны, руководствовались все же обыкновенной человеческой логикой. А его вело само Провидение, необъяснимая прозорливость гения. Как-то он сказал им всем на совещании генералитета: «Провидению принадлежало последнее слово, и оно привело меня к успеху... Все покоится на мне, все зависит от моего существования... Вероятно, никогда в будущем не будет человека, располагающего такой властью, как я. Я - незаменим». И они молчали. Никто уже не смел возразить ему. Раньше пытались это делать.

Когда он направил воинские части в Рейнскую область, все было против него. Говорили, что, мол, это нелепая авантюра. Немецкие малочисленные воинские части просто бессильны перед мощной французской армией, способной уничтожить их одним ударом. Но он оказался прав. Французы отступили без боя. И потом, когда он начал свой великий поход по Европе, как много было голосов - мол, это безумие, ведущее к краху. Но он верил в успех. Это было безумие гения, способное совершить нечто невероятное. И невероятное

свершилось у всех на глазах. Он с триумфом присоединил Австрию. Без единого выстрела ему сдалась Чехословакия. Одним ударом были повержены Франция, Польша, другие страны. Такого великого триумфа еще не было в мировой военной истории. Это было невероятно, потому что гениально.

В волнении он забежал по бункеру. Вот, вот - элементарная шпионская радиограмма из какой-то там Вологды, далекой неизвестной русской провинции. Но как ни странно, она подтверждает его правоту, его гениальность. В радиограмме говорится - русские перебрасывают через Вологду на Москву свои воинские силы, возможно, главные силы.

Все думают, что он ударит по Москве. А он ударит там, где никто этого не ждет. Он обрушит всю мощь своих армий к Волге, на Сталинград и на Кавказ.

И вот эта скромная радиограмма от вологодских малюсеньких агентов - только последняя капля, переполнившая чашу его гениального замысла. И коричневая краска уже заливает на приснившейся ему карте могучие пространства от Волги и Кавказа до Атлантического океана, создавая величайшую в истории человечества его, гитлеровскую, империю - тысячелетний рейх.

Когда вологодские чекисты, используя захват агентурной группы близ Бабаева, весной 1942 года начали радиоигру с немецкой стороной, никто, разумеется, не мог подумать, что это может иметь какое-то глобальное значение. Ставилась конкретная задача - дезинформировать немцев, снабжать их ложной информацией о переброске советских войск на Москву. То есть шла тайная война, так сказать, местного значения.

Никто не мог даже близко заподозрить, что это способно повлиять на самого Гитлера. Но вологодские чекисты, сами того не подозревая, сообщали немцам то, что хотел услышать Гитлер.

Большинство западных историков склоняются к мысли, что Гитлер проиграл всю войну, приняв ошибочное, роковое решение о нанесении главного удара летом 1942 года не на Москву, а на Сталинград и Кавказ. Сам Гитлер сказал об этом так: «Сталин ожидал, что мы нападём в центре. У меня же не было никакого намерения нападать в центре... Я хотел добраться до Волги и Сталинграда». Это распылило немецкую мощь и, несмотря на первоначальные крупные победы, постепенно привело Гитлера к провалу, повороту в ходе всей войны. Его гений словно отказал ему.

Получается, что именно скромные вологодские чекисты, снабжавшие немцев ложной информацией, которая могла способствовать глобальному стратегическому просчету Гитлера, именно они, незаметные, никому не известные, выиграли... вторую мировую войну. В это невозможно поверить.

И, разумеется, прямо я этого не утверждаю. Но иногда просто случайность, невероятное совпадение, ничтожная капелька, переполнившая гигантскую чашу, может иметь глобальные последствия. Крохотный снежок, случайно брошенный, может вызвать гигантскую лавину.

Ночь после вручения Гитлеру щенка Зоя почти не спала. Только под утро забылась ненадолго тяжелым и странным сном.

Ей снилось, что ее окружают уроды. Все люди вокруг превратились в уродов - со страшными перекошенными лицами, искривленными ногами, горбами, бельмами на глазах. Весь мир наполнился уродами. Они копошились вокруг чудовищной массой, тянули к ней крючковатые пальцы.

Она проснулась в страхе. В сознание вернулось все, что произошло вчера, и ее страх еще более возрос. «Я боюсь, что теперь будет со мной, - подумала она. - Потому такой сон. Конечно, я сейчас - среди уродов, в их царстве, их власти. Но все равно для меня главное не то, что будет со мной, а удалось ли покушение. Вот главное».

Изо всех сил она постаралась скрыть свое состояние от Мориса. Он вроде бы ничего не заметил, был погружен в какие-то свои раздумья.

Около полудня раздался телефонный звонок. Переговорив по телефону, Морис сказал, что его приглашает к себе в гости Гелен, главный шпион рейха. «Зачем я ему понадобился? - недоумевал Морис. - Но придется идти. Гелен видит всех насквозь. Но я-то при чем и зачем?»

В душе ее все вздрогнуло. Морис ушел. Она осталась одна. И внезапно почему-то успокоилась. Наверное, это был предел, за которым наступило безразличие, когда волноваться и переживать уже не осталось сил.

Слишком многое она перенесла за последние месяцы. Ее мир, такой простой, ясный, счастливый, разлетелся вдребезги. Она искренне считала, что жила в счастливой, лучшей стране в мире - в СССР. Правда, их семья в Вологде ютилась в крохотной комнатухе в

коммуналке, продуктов и денег постоянно не хватало. Но это было не главное. Она была счастлива, особенно когда поступила в Ленинград, стала студенткой университета. У нее был жених, летчик, друг брата, тоже летчика. Она с ним даже целовалась. И вдруг все переломилось - война, фашисты, плен.

Почему-то вспомнилось, как старшина Николай Алексеев сказал ей: «Эх, куда теперь деться простому человеку? Спрятаться бы от всех людей сразу, очутиться на необитаемом острове, как Робинзон Крузо. И чтобы вместо Пятницы была ты. Одна ты».

Она возмутилась: как это - на необитаемом острове? Сейчас надо защищать Родину. Ничего другого быть уже не могло.

Звонок в дверь. Она открыла. На пороге - двое в штатском - «Фройляйн Зоя?» - «Да».

Они резко и грубо схватили ее за руки. Они были из гестапо.

Об этом неудавшемся покушении в своей монографии «Гитлер» профессор К. Грюнберг пишет так: «Он получил в подарок великолепного щенка, который, как оказалось после тщательного обследования, был умышленно заражен бациллами бешенства».

Гитлер опять уцелел. Но его здоровье после поездки в «Вервольф» резко ухудшилось. Может, частичное заражение все же произошло?

Но есть другая версия. Ее высказывает Л. Билозерова в своей книге «Вервольф» - роковая тайна Гитлера». Приведу по этому поводу фрагмент из статьи винницкой журналистки М. Соколовой (газета «День»), излагающей эту версию.

М. Соколова пишет: «В «Вервольфе» Гитлер находился целое лето и часть осени. От нового имени он был в восторге и замечательно чувствовал себя в сосновом лесу. Сначала. Осенью же, когда после «Вервольфа» Гитлер встретился с Германом Герингом, последнего поразило, что фюрер постарел лет на 15...

Автор известной книги «Вервольф» - роковая тайна Гитлера» историк Луиза Билозерова, проанализировав изменения в его здоровье и поведение в ставке, уверяет, что смерть Адольфа Гитлера началась именно там и, что интересно, от облучения радоном. По ее версии, апартаменты Гитлера были построены именно так, чтобы его уничтожить. Самое интересное - что в евроквартире образца середины XX века излучало радон? Как показали радиологические замеры в местных карьерах, откуда немцы брали стройматериалы, и обломки бетона для «Вервольфа», оставленные после подрыва ставки,

облучение Гитлера было спровоцировано. Бункер фюрера, скорее всего, выдолблен в граните. Этот камень, который излучает радий, безопасен на открытом воздухе, но при распаде радия образуется радон. Воздействие атомной радиации, облучение радоном происходит в закрытом помещении. Бункер для этого - идеальный вариант. Тем более что радон в 7,5 раза тяжелее воздуха и оседает внизу. Трехметровые бетонные стены, которыми выложили бункер, не могли защищать от облучения, поскольку радон дает альфа-облучение, которое ничто не останавливает».

Вывод таков: Гитлер заболел в «Вервольфе» лучевой болезнью, которая в то время не была еще известна. И она постепенно усиливалась. Так что вокруг «Вервольфа» и ныне существует много версий, много тайн. Но чаще всего они носят легендарный характер. Частично, видимо, это относится и к рассказу винницкого экскурсовода, который я привожу вначале, хотя многое в нем, конечно, реально. Вроде бы легенды вокруг «Вервольфа» с течением времени должны были развеяться. Из архивов КГБ была извлечена секретная справка спецгруппы НКГБ об обследовании бывшей гитлеровской ставки после освобождения этой территории от немцев. Из этой справки явствует: никаких тайн здесь не осталось. При отступлении немцы все, что смогли, вывезли, а что не смогли - взорвали. Но легенды живучи. Современные обследования «Вервольфа» ничего особо конкретного не принесли. Но нечто тайное, по мнению некоторых, в «Вервольфе» остается.

Журналист Евгений Шафранский в статье в Интернете даже насчитал восемь нераскрытых важных тайн «Вервольфа». Кстати он читает, что укоренившееся в нашей печати название «Вервольф» является неточным. На самом деле правильное название гитлеровской ставки - «Вернвольф», что в переводе означает «Защита волка» (в отличие от «Волчьего логова» - ставки Гитлера в Пруссии). И вот что любопытно: обширная территория вокруг Винницы оказалась связана с именами крупных нацистских бонз. Что-то их влекло сюда, и не случайно. Близ Житомира находилась резиденция рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера, недалеко были летние дачи начальника рейхсканцелярии Ламерса и гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа. Близ бывшей усадьбы Можайского, где поселился «главный шпион» Гелен, была база секретной супергруппы во главе со знаменитым диверсантом Отто Скорцени.

Советская разведка располагала сведениями, что вокруг Винницы находится нечто сверхсекретное. Не случайно поблизости дей-

ствовал легендарный советский разведчик Николай Кузнецов. Он пытался проникнуть в винницкую «мертвую зону», но ему это не удалось. А «насыщенность» этой территории фашистскими знаменитостями, возможно, объясняется тем, что здесь, вокруг ставки Гитлера, планировалось создание автономного «государства» СС, где должна была жить отборная черная гвардия Гитлера. Со своими семьями, своими женами, тоже отобранными по всей Германии и всей Европе. Это был один из мифических, бредовых проектов Гитлера. Гитлер увлекался древней Спартой. И на украинской территории вокруг его ставки должна была возникнуть современная Спарта с ее жителями - воинами. Они должны были также сочетать в себе традиции и магические верования древнегерманских воинов и средневековых рыцарей ордена крестоносцев. Эсэсовец - образец мужчины, нового человека. Такой супермен СС должен быть обязательно женат на настоящей арийке. Она должна была тоже владеть оружием, метко стрелять, водить машину, заниматься верховой ездой, знать иностранные языки и историю, быть хорошей хозяйкой. И обязана была рожать. Желательно не менее четырех сыновей (в расчете на то, что если двое погибнут при дальнейшем завоевании мира, то оставшиеся двое будут охранять «новый порядок» «тысячелетнего рейха»). Планировалось введение двоеженства. Вторая жена рыцаря СС могла быть иностранкой - для оплодотворения и «облагораживания» других, покоренных народов. Таковы были мечты и планы. В реальности было нечто другое.

В войска СС принимались (нужно было «пушечное мясо» для фронта) и «особо отличившиеся» предатели, в том числе и русские. Это были, так сказать, подручные суперменов СС, их помощники.

Так получилось, что я имел возможность познакомиться с личными делами некоторых русских эсэсовцев и имею о них свое личное представление. Это возникло у меня, когда в далеком 1956 году я, являясь студентом Московского историко-архивного института, приехал на практику в Киев, в Центральный Государственный архив Украинской ССР. И мне поручили разобрать часть так называемой «россыпи» документов периода немецкой оккупации. Конечно, самые ценные трофейные документы были давно разобраны и систематизированы, но материалов было так много, что еще оставалась «россыпь», в которой вроде бы какой-то особо важной информации не было. Но по-человечески это было очень познавательно.

Так среди прочих документов оккупационного времени на рус-

ском языке в мои руки попали и личные дела некоторых русских эсэсовцев. В каждом деле было все, что и положено: заявление («Прошу принять меня в ряды СС... Клянусь в верности великому фюреру Адольфу Гитлеру»), автобиография, рекомендации, экзаменационный лист (сдавали экзамены по истории, биографии фюрера и писали сочинение на вольную тему). И мне особенно запомнилось то, что один из этих предателей, этих подонков написал свое сочинение... в стихах. Я оторопел от этих стихов. Они, как гвозди, вбились в мою голову, от них невозможно было избавиться. Вот они:

Будь ты, жид, хоть млад, хоть стар -

Всех отправим в Бабий яр.

Коммунистам и жидам

Я всегда по морде дам.

Коммуниста и жида

Морда просит кирпича.

Вот таковы стихотворные перлы этого «поэта», которые трудно превзойти в зоологической примитивности и мерзости.

Гитлер хотел создать нового человека и создал человека-изувера, монстра, уроды. Отсюда - столько зверств.

Сталин тоже создал новый тип человека. Советского человека. Бесконечно и слепо преданного своему вождю.

Но вернусь снова в Вологду. Радиоигра вологодских чекистов с немецкой разведкой успешно продолжалась до конца года. Она имела не только местное значение, охватила пять областей. Была проведена большая агентурная работа по дезинформации противника.

Все это подлинно, было на самом деле. Но подлинное, историческое в моем повествовании сочетается и с литературным вымыслом.

К примеру, личные обстоятельства Николая Алексева, его чувства к Зое - это вымышленное. Но все остальное было: плен, вербовка немецкой разведкой, переход на нашу сторону, радиоигра из Вологды. Только настоящая его фамилия - Алексеенко. Вологодский журналист Иван Королев, подробно писавший об этой радиоигре, рассказал мне о его дальнейшей судьбе. Его судили, он получил срок - семь лет. Отсидел три года. Затем жил в Вологде. Дальнейшее неизвестно.

А моя героиня - Зоя Рудакова? Вот закрываю глаза, и кажется мне: в бункере Гитлера среди фашистских бонз находится и молодая красивая вологжанка. Она прижимает к своей груди щенка. Она

целует его. Она не боится заразиться. Ей все равно скоро умирать. Она протягивает щенка ненавистному ей фюреру.

Сложись обстоятельства - так могли поступить многие из советских девушек. Таких девушек сталинской поры воспитывало время.

А имя - Зоя - я дал своей героине не случайно. В одном из своих последних писем отец написал, что в их часть поступала брошюра с новыми материалами о подвиге Зои Космодемьянской. И они поклялись всей частью отомстить за Зою.

Мне с детства запомнилась потрясающая фотография восемнадцатилетней девушки с веревкой на шее. Повешена после зверских пыток. И отец клялся отомстить за нее. И в сознании объединились повешенная девушка и погибший отец. Отсюда - Зоя.

Снова закрываю глаза. И вижу: идет ко мне вставший из братской могилы отец. Я старше его, ведь он погиб более шестидесяти лет назад. Он многого не знает.

- Скажи, сын, - с волнением спрашивает он, - кончилась война?

- Давно кончилась, отец, - отвечаю я. - Гитлер давно мертв. Мы победили.

И его мертвые глаза оживают и вспыхивают великой радостью.

Часть 4

АФРОДИТА С ЯБЛОКОМ

Упоенный победами, заваленный изобилием - любимыми товарами, любимыми продуктами, Берлин жил взвинченной, лихорадочной, роскошной жизнью столицы мира. Французский исследователь Ж. Морабини в книге «Повседневность жизни Берлина при Гитлере» пишет: «Город достиг зенита своей славы, он ощущает себя сердцем империи, простирающейся от Норвегии до Африки, от Бретани до Волги». Берлин чревоугодничает, магазины и продовольственные лавки завалены продуктами: русская икра, скандинавская водка, датское масло, греческие маслины, норвежские шпроты, французское вино, итальянские и испанские фрукты. На вокзалах бесплатно раздают украинскую пшеницу. Берлинки за полцены покупают французские шелка и духи. Все поют, все танцуют. Театры и кабаре переполнены. Все занимаются любовью - следует повышать рождаемость, фюреру нужны новые здоровые поколения. Налеты русских самолетов забыты. Это были укусы комара. Никто не подозревает,

что впереди, в конце победоносного и, по общему мнению, счастливого 1942 года - страшное Сталинградское побоище».

Казалось бы, на протяжении всего 1942 года Гитлер полностью одолевает Сталина. Гитлер обещал Сталину и его окружению возмездие от имени всей Европы. За что возмездие?

Давая характеристику в пресловутой «Майн кампф» Сталину и его окружению, Гитлер писал: «Правители современной России - это запятнавшие себя кровью низкие преступники, это - накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь вот уже скоро десять лет осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история».

Можно подумать, что подобные обличительные строки написал ярый противник диктатуры, сочувствующий трагической судьбе огромного государства и истребляемой интеллигенции. Перед войной Гитлер высоко ценил Сталина, даже опасался, как бы он не умер. Фюрер писал: «Сталин рассудителен, осторожен и хитер. Пока он жив - опасаться нечего. Но ситуация изменится: как только он умрет, так евреи, сейчас оттесненные на второе и третье места, тотчас же вновь полезут вперед». Сталин на самом деле был антисемитом, но все же не таким ярым, как Гитлер. Он подозревал в Гитлере отчасти еврея, предавшего еврейство.

Еврейский народ подлежал, по мнению Гитлера, полному уничтожению. В значительной мере на уничтожение был обречен и русский народ. Гитлер искренне считал, что русские не способны распорядиться неисчислимыми природными богатствами Урала и Сибири, завоевав же гигантские пространства, Германия преобразит их полностью и будет утопать в изобилии. «Я сделаю из завоеванных стран земной рай», - обещал фюрер немцам. Но для этого немцам надлежало освоить «технику уничтожения покоренных народов».

Сталин обещал всем народам мира свой «земной рай» - коммунизм. Оба диктатора верили, что они осуществили великие революции, которые изменят лицо мира.

Сергей идет по залам Дрезденской галереи. У него встреча со своим связником. Связник уже дважды не приходил на условленное место - к «Афродите с яблоком». Вон впереди, поверх голов

посетителей, уже видна прекрасная Афродита. У Сергея есть привычка сравнивать женщин, в которых он бывал влюблен, с какими-то классическими образами. И античная «Афродита с яблоком» напоминает ему Зою.

Но что это? Может, он сошел с ума? Что это?! Рядом с античной скульптурой - стройная женская фигура в черном костюме. Зоя? Да, это Зоя! Она? Она! Она!!! А рядом с ней - он знает его - Власов, бывший советский генерал, ныне - предатель. Зоя и Власов - это невероятно!

Генерал Андрей Андреевич Власов был своего рода русским Дон Жуаном, а говоря по-русски, бабником. Крестьянский сын, он в молодости женился на красивой крестьяночке Анне, любил свою Аник (так он ее называл), но изменял ей, и чем выше он, проявляя несомненный воинский талант, поднимался по служебной лестнице в Красной Армии, тем больше.

В довоенное время он главный свой подвиг совершил, пожалуй, не в бою, а в постели. Направленный в 1938 году в качестве военного советника в Китай к генералиссимусу Чан Кай-Ши, он, умело помогая советами генералиссимусу, попутно соблазнил его жену, происходившую из знаменитого китайского рода Сун Ят-Сена. Кроме того, завел молоденькую наложницу - 16-летнюю китаяночку из простой семьи.

Вроде бы внешность генерал Власов имел не «донжуанскую», не соблазнительную: мешковатый, сутулый, непропорционально высоченный (за что в детстве его дразнили «глистой»), одутловатое лицо, в котором было что-то простонародно-бабье, всегда в очках, никогда не улыбался. Но дело не во внешности. Была во Власове какая-то «искра божья», что-то особое, располагающее, что и влекло к нему многих, и в первую очередь женщин. После Китая он совсем пошел в загул, и есть версия, что заболел нехорошей болезнью - триппером, от чего долго лечился. Жена фактически ушла от него, хотя развода официально не было, уехала на родину в Горьковскую область. Потом - война. Власов уже в 1941 году стал одним из немногих советских военачальников, способных противостоять немецким генералам. Его даже причислили к новой плеяде выдающихся наших полководцев - Жукову, Рокоссовскому. На войне продолжались и его любовные подвиги. У него появились военно-полевые жены - выпускница мединститута Агнесса Подмазенко, назначенная им военврачом при его штабе. Она забеременела и была

отправлена в тыл - рожать. Ее сменила в постели молоденькая смазливая повариха Маша Воронова. Одновременно Андрей Андреевич писал страстные любовные письма своей законной супруге Анне Власовой, каялся в грехах, клялся в верности и требовал верности от нее. В книге «Власов. Два лица генерала» Н. Коняев так пишет о сознательном и искреннем раздвоении и «растроении» в интимных чувствах Власова: «Интересно, что особенно сильный приступ ревности к законной супруге овладел Власовым, когда он с нетерпением ожидал разрешения от бремени Али Подмазенко, когда он ласкал в постели Машу Воронову». В этом двуличие натуры Власова. Он уверяет жену, что именно он, Власов, разгромит «фашистскую сволочь».

Но вскоре у него - полный переворот. Вторая ударная армия, командующим которой назначен Власов с выдающейся стратегической целью - деблокировать Ленинград, терпит полный разгром. Власов сдается в плен к немцам. И сразу предлагает им свои услуги.

Он полностью перевернулся. Еще вчера он обожествлял Сталина, гордился личным покровительством великого вождя - теперь он объявляет Сталина врагом русского народа и готов взять на себя великую миссию: сформировать более чем двухмиллионную Русскую освободительную армию и избавить Россию от диктатуры Сталина и большевизма. Новая Россия должна стать не покоренной Германией страной, а ее равноправной союзницей. В этом Власов видел свой долг «перед нашим народом и перед фюрером», о чем он писал, будучи еще военнопленным и находясь в лагере военнопленных под Винницей. Немцы долго не могли решить, как им следует поступить с Власовым. Его все же выпустили из лагеря, дали возможность формировать русские батальоны. Совершая поездки по оккупированным Белоруссии, Прибалтике и Псковской области, Власов заявил, что если ему позволят, то он может «освободить» Ленинград, вернуть ему имя Петербург и принять в нем немцев как дорогих гостей и союзников. Гитлера взбесили амбиции Власова. Ему не нужна была новая свободная Россия со своей многомиллионной армией. Власова хотели отправить опять в Винницу, в лагерь военнопленных. Видимо, Власова спас «главный шпион» Гелен - он доказал, что Власов может быть полезен рейху. Власова в лагерь военнопленных не отправили, а посадили под домашний арест, выделив для него и его ближайшего окружения небольшой двухэтажный особнячок с палисадником и земельным участком. Контролем за

генералом и его охраной ведал некий Сергей Фрелих, рижанин, добровольно пошедший на службу в вермахт. В глубине души Фрелих не верил, что Германия способна победить СССР. «Единственный шанс выиграть я усматриваю во власовском начинании», - так писал он впоследствии, считая, что Россию победить нельзя, но, опираясь на русские антибольшевистские силы, Сталина и большевизм победить можно. Поэтому у Фрелиха были вполне доверительные отношения с генералом, и пили вместе. Власов пил много и постоянно. И вот тут появилась Оленька.

Сергей встретился с Оленькой еще год назад, в Дрезденской галерее, у «Афродиты с яблоком». И выяснилось, что она - новый связной (за прежним связным обнаружилась слезка, и его пришлось укрыть в подполье).

Это ее Сергей принял, обознавшись, за Зою. У «Афродиты с яблоком» его ждала не Зоя, а Оленька. Обознаться ему психологически было несложно: все мысли его тогда были о Зое и встрече с ней. А встретил Оленьку.

Еще при первом знакомстве он почувствовал, что она очень сексуальна. Сексуальность очень помогала Оленьке, мужчины воспринимали ее прежде всего как очаровательного и легкомысленного сексуального ангела, ничего другого, тем паче серьезного, в ней не усматривалось. Потому агента Лубянки в ней никто, в том числе и генерал Власов, не мог заподозрить.

Оленьку внедрили в окружение Власова, направив в том числе и в постель генерала-предателя, потому что власовское движение стало вызывать определенные опасения в Москве, и потому следовало взять его по мере возможности «под колпак». Москва также распорядилась, чтобы и Сергей подал рапорт об увольнении в разведцентре «Север» и перешел на агентурную работу к Власову, выдав себя за его сторонника. Начальник Сергея Виктор Николаевич немедленно подписал его рапорт и добился увольнения своего бывшего агента, о котором он теперь знал, что тот - советский разведчик. Выдавать немцам Сергея Виктор Николаевич не хотел, но и работать с ним уже не мог. Но судьба снова свела их вместе. Неожиданно последовало увольнение и самого Виктора Николаевича из разведцентра «Север», это означало, что немцы стали что-то подозревать или чем-то были недовольны, потому Виктор Николаевич тоже оказался у Власова, во власовской газете «Доброволец». Официально Сергей был зачислен в штат власовского Русского

комитета, где вел работу по отбору советских военнопленных для будущей Русской освободительной армии (РОА). Сотрудничал он и с газетой «Доброволец». Редактировал газету А.С. Казанцев, один из главных идеологов власовского движения, искренне веривший, что теперь появилась «третья сила», способная выступить и против Сталина и, в конечном итоге, против Гитлера и создать новую, свободную Россию. А.С. Казанцев стал одним из немногих видных власовцев, который уцелел после мясорубки по физическому уничтожению РОА в 1944-1945 годах. Он остался верен своим взглядам и написал известную книгу «Третья сила», в которой уничтожение РОА расценивал как гибель надежды на новый, свободный путь России. А тогда, в 1943 году, он верил, что и в России, и в Германии найдутся здоровые силы, способные свергнуть и Сталина, и Гитлера.

Виктор Николаевич был полностью увлечен этими идеями и с воодушевлением теперь работал на Власова. А вот Сергей в «третью силу» не верил, считая ее мифом, и расценивал Власова и его окружение как предателей, с которыми надо бороться так же, как и с немцами. И Оленька была ему в том помощницей.

Так в сложной и опасной закулисной игре-борьбе прошел год. Красная Армия неудержимо вторглась в Европу, роли воюющих стран полностью переменялись. Гитлер и его окружение понимали, что надо что-то делать - сверх всего. Форсировалось создание нового оружия - атомной бомбы. Но сроки не ждали. После страшного курского поражения вспомнили и о Власове, опала с него была снята, и, хотя ему полностью не доверяли, фактически формирование РОА началось: в 1944 году намечали довести ее численность до двух миллионов солдат. РОА должна была внести перелом в ход всей войны. Но Власов жаждал отличиться не только на полях сражений, у него возник план покушения на Сталина. С этого покушения, по его мнению, и должен был начаться коренной перелом в войне. Убийство Сталина стало первой целью.

О подготовке покушения первой узнала Оленька - в постели от Антонова, адъютанта Власова. Она сразу прибежала к Сергею и выложила ему все, что ей стало известно. Это была серьезнейшая информация.

Но Сергей решил узнать все, что возможно, от самого Власова. Власов доверял ему. И вот, раздобыв бутылку трофейной «кремлевки», крепленой водки, Сергей как-то вечером сумел остаться с глазу на глаз с Власовым в его кабинете, предложил выпить (закуски

почти не было) и поговорить о важном. Когда выпили, Сергей (он плеснул себе чуть, сославшись на какие-то боли в желудке), идя на риск, спросил:

- Андрей Андреевич, ваше превосходительство, простите ради Бога, но у меня к вам личная просьба: нельзя ли мне лично поучаствовать в покушении на Сталина? Я его ненавижу и готов на все.

Власов дернулся - хмелевший мгновенно, как алкоголик, он вроде бы даже протрезвел.

- Откуда ты все это знаешь? Это ж тайна... От Антонова, от Оленьки? Впрочем, какая разница. Я тебе верю и твой порыв ценю. Но ты мне нужен здесь, под рукой. А исполнитель акта возмездия над Сталиным у меня есть. Да, это будет акт возмездия от имени русского народа над кровавым тираном. Сталин должен ответить за свои неслыханные преступления. Вон Рокоссовский - он тоже сидел, и думаешь, он забыл, что ему на допросах выбили зубы? Я уверен, он поддержит меня, была бы лишь возможность. Меня все лучшие русские командиры поддержат, стоит лишь прозвучать выстрелу в Сталина. Покушение произойдет в Кремле. У немцев там есть свои люди. И как только Сталин будет убит, мы немедленно высадим десант в Москве. Я верю, начнется восстание против власти большевиков. Начнется братание моих солдат, моей Русской освободительной армии с Красной Армией. Красноармейцы для нас не враги, а наши братья. Вот тогда мы и Гитлера поставим на место - куда ему деваться, он уже проиграл войну. В Германии многие тоже поддержат нас. Я не только против Сталина, я и против Гитлера. И весь мир поймет, что я - не предатель, что я ищу для всех путь спасения. Нельзя допустить, чтоб после крушения Гитлера Европу захватил другой тиран - Сталин. Я не допущу этого. Я принесу свободу и России, и всей Европе.

Власов залпом допил водку, взгляд у него был мутный, тяжелый, он опять впал в опьянение. Но, конечно, ему хотелось стать великим человеком.

- Вот так-то, Серега, - закончил он. - Теперь иди и молчи. Проболтаешься - убью. И жди.

На следующий день Сергей увидел в особняке у Власова красивую пару: высокий, статный, с открытым, смелым лицом мужчина с военной выправкой и миловидная, как-то сразу располагающая к себе женщина. И Оленька шепнула ему: «Это люди, которые убьют Сталина. Его фамилия - Таврин, ее - Шилова».

О попытке покушения в 1944 году на И.В. Сталина (так называемое «дело Таврина») существует несколько версий, они во многом расходятся. Попытаюсь из них выбрать то, что мне кажется наиболее правдоподобным и документально обоснованным. Исполнителем теракта против Сталина должен был стать человек, в котором сам Отто Скорцени, супердиверсант «всех времен и народов», разглядел талантливое, по его словам, террориста. Это был некий Петр Иванович Шило, уроженец села Бобрик Черниговской области. По профессии - бухгалтер. По призванию - авантюрист, своего рода Остап Бендер. Жил в Саратове и работал инспектором горсовета. Трижды проигрывал крупные суммы и расплачивался казенными деньгами. Трижды арестовывался и все три раза бежал, в последний раз - в 1936 году из бани следственного изолятора. Впоследствии жил под вымышленными фамилиями Политов и Таврин. Сумел поступить в школу младшего комсостава и закончил ее. В 1942 году командовал ротой, но был кем-то опознан. Его вызвали в особый отдел и стали выяснять, не носил ли он раньше фамилию Шило. Он это яро отрицал, но в ту же ночь, отпущенный в роту, бежал к немцам. Далее приведу большой фрагмент из статьи О. Матвеева и С. Гурченко «Он должен был убить Сталина», написанной по материалам следствия, хранящимся в архиве ФСБ.

«Несколько месяцев его перебрасывали из одного концлагеря в другой. И вот однажды в «зону» прибыл помощник генерала Власова, бывший секретарь райкома ВКП(б) Москвы Георгий Жиленков - вербовать пленных для службы в РОА. Таврин сумел ему пригласиться и вскоре стал курсантом разведшколы абвера. Связь с Жиленковым продолжалась и здесь. Именно этот секретарь-расстрига подбросил Таврину идею теракта против Сталина, которая заинтересовала немецкое командование. В сентябре 1943 года Таврина направили в распоряжение начальника особой разведывательно-диверсионной команды «Цеппелин» Отто Крауса, который лично руководил подготовкой агента к важному спецзаданию.

Сценарий теракта, по версии следствия, предполагал следующее. Таврин с документами майора «СМЕРШа», Героя Советского Союза, инвалида войны, проникает на территорию Москвы, обосновывается там на частной квартире, связывается с руководителями антисоветской организации «Союз русских офицеров» генералом Загладиным из управления кадров наркомата обороны и майором Палкиным из штаба резервного офицерского полка. Совместно они ищут возмож-

ность проникновения Таврина на какое-либо торжественное собрание в Кремле, на котором бы присутствовал Сталин. Там агент должен был выстрелить в вождя отравленной пулей. Смерть Сталина могла стать, как предполагалось, сигналом для высадки на окраине Москвы большого десанта, который бы захватил «деморализованный Кремль» и поставил у власти «русский кабинет» во главе с генералом Власовым.

Для того чтобы обеспечить достоверность легенде об инвалидности «майора «СМЕРШа» Таврина, агенту сделали операцию на животе и ногах, обезобразив их рваными шрамами.

За несколько недель до переброски Таврина через линию фронта его дважды (как следует из материалов) лично инструктировал генерал Власов и трижды - известный фашистский диверсант Отто Скорцени».

Скорцени долгое время лично наблюдал за Тавриным и пришел к выводу: это незаурядный, прирожденный диверсант и авантюрист. Власов «благословил» Таврина на «великое дело».

Вместе с ним должна была действовать его жена, Лидия Шилова. По одной версии, она, уроженка Винницкой области, закончившая в Виннице пединститут, была связана с немецкой разведкой и являлась личным агентом начальника управления имперской безопасности пресловутого Кальтенбруннера. Должна была тайно контролировать все действия Таврина и, если он дрогнет, убить его.

По другой версии, Лидия стала просто жертвой трагических для нее обстоятельств, агентом она не была и даже не подозревала, что Таврин - немецкий агент. Она влюбилась в него (он был видный мужчина) и продолжала любить до конца. Когда Таврин признался ей, что является агентом, она была потрясена, но не отказалась от него. Более того, она согласилась с его планом, по которому он предложил ей фиктивно вступить в связь с немецкой разведкой, но только для того, чтобы немцы перебросили их через линию фронта на советскую территорию. А там можно было никаких агентурных заданий не выполнять, порвать с немцами и затеряться бесследно на огромной советской территории. Такая версия кажется более прав-



П. Таврин и Л. Шилова - они готовили покушение на Сталина.

доподобной. Лидия не отказалась от своего возлюбленного даже перед расстрелом.

Сергей Клементьев меж тем считал, что эта парочка действительно подготовлена для покушения на Сталина. Сергей не верил ни в какую «третью силу», считал Власова просто предателем, а его заявления об освобождении России полагал за лицемерную попытку оправдать свое предательство. Существовали на самом деле лишь две силы: советская, сталинская Россия, в которой миллионы людей шли за Сталиным, и гитлеровская Германия, в которой миллионы немцев были за Гитлера. И третьего было не дано. И, проклиная в душе Сталина, Сергей посчитал своим долгом помешать покушению, потому что за Сталиным стояла его родина. Тяжело было на душе. Но Сергей считал: он поступает верно.

В один из августовских вечеров сорок четвертого Сергей передал хозяйке кабаре «Интим» фрау Зейферт набор парижских духов. Фрау Зейферт входила в «Красную гвоздику», и это был сигнал. «Поздно ночью она осторожно вскрыла ножом боковую стенку коробки и нашла узкую полоску бумаги, густо исписанную колонками цифр. В левом углу - маленький значок: сведения исключительной важности, подлежат срочной передаче в «центр» («Неизвестное покушение на жизнь Сталина», газета «Русская Германия»).

Впрочем, Таврин «засветился», того не подозревая, еще раньше, в Риге, где он проходил курс обучения диверсионной работе. В Риге Таврин заказал у частника-портного кожаное пальто, подобное тому, что носили советские особисты. Портной был советским разведчиком и немедленно передал описание внешности заказчика в Москву. Так что Таврина уже знали, его ждали, он и его жена были обречены.

Таврина и Шилову взяли сразу, как только немецкий самолет доставил их на советскую территорию. Они не оказали особистам ни малейшего сопротивления. Сразу же признались, что являются немецкими агентами, но стали таковыми нарочно, чтобы вернуться на родину. Возможно, это была правда. Но от расстрела это их, конечно, не спасло.

Сталину было доложено, что предотвращена попытка покушения на его жизнь. Участники операции получили высокие награды.

Сергей понял, что покушения на Сталина не будет. «Я спас вас, дорогой Иосиф Виссарионович», - с иронией подумал он.

А пока - тоска по Зое. И на столе открытка - «Афродита с яблоком».

О, прекрасновенчанная, золотожеланная, прекрасногорудая, сладкоумильная, ясноокая, прекраснотазая, заключающая в себе все, о, Афродита. Сколько ты видела войн на своем веку, убийств, злодейств - не сосчитать, не понять, не узнать. Все прошло. И эта война пройдет. А ты держишь яблоко в руке и всегда будешь держать. О, прекраснотазая.

А Сергея ждала встреча с самим Мюллером.

Часть 5

МЮЛЛЕР - АГЕНТ СТАЛИНА

Мюллер: «А вы знаете, Штирлиц, что Гитлер в юности был влюблен в еврейскую девушку Штефи и сам на четверть был евреем?»

Штирлиц: «Я не имею права, группенфюрер, знать такие государственные тайны. Хайль Гитлер!»

Мюллер: «Да бросьте вы. И, признаться, мне всегда грузины нравились больше, чем евреи».

Штирлиц: «Хайль Сталин, геноссе Мюллер!»

Это я, иронизируя, пытаюсь писать в духе народных анекдотов, которые в огромном количестве появились после знаменитого сериала Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» и одноименного романа Юлиана Семенова. После этого фильма шеф гестапо Генрих Мюллер, роль которого блистательно, с неотразимым «отрицательным обаянием» сыграл Л. Броневой, стал легендарен, всем известен. И вошел даже в анекдоты. И это объяснимо. Весь роман Юлиана Семенова, при полной его серьезности, пропитан тонкой иронией. Но все это очень серьезно. Тем более что я, как уже говорилось, выдвигаю свою версию о Вертере.

Моя версия - это отклик на опубликованное, но со своим, так сказать, неожиданным выводом.

В 2002 году в Москве в издательстве «ЭКСМО» вышла переведенная на русский язык книга американского исследователя Л. Килзера «Предавший Гитлера», которую я по-своему широко использую. В аннотации к изданию говорилось: «Агент советской разведки в третьем рейхе, псевдоним - «Вертер» - самый компетентный человек, сидевший на всех совещаниях рядом с Адольфом Гитлером, по существу решивший исход войны, так и ушел в небытие без славы, оставшись неизвестным солдатом второй мировой. Кто же вы, агент Вертер?»

Наши спецслужбы, отдавая эту тему на откуп Западу, хранят полное молчание. Что это? Традиции КГБ, который, как известно, никогда не раскрывал своих главных тайн? Или такие сведения даже ФСБ неизвестны?

Во всяком случае, когда Юлиан Семенов писал свой знаменитый роман «Семнадцать мгновений весны» (это шестидесятые годы), ему ничего не было известно о Вертере. Семенов, конечно, пользовался информацией, предоставленной ему КГБ. Но Штирлиц является вымышленным героем. И, казалось бы, в качестве «суперагента» превзойти его невозможно. Штирлиц общается с самим Мюллером, шефом гестапо, с Борманом, начальником партийной канцелярии. Куда уж выше! Но реальность превзошла вымысел. На самом деле Вертер общался с самим Гитлером и узнавал его тайны от него самого.

Не сомневаюсь в том, что никто из кадровых советских разведчиков рядом с Гитлером находиться не мог. И узнавать военные тайны лично от самого фюрера, безусловно, тоже не мог. Здесь реален только один вариант: это был один из ближайших, пользующихся полным доверием сподвижников Гитлера, который, уверившись в неизбежности поражения Германии и пытаясь спасти свою жизнь, решил перейти на советскую сторону. И ставил своей целью выйти прямо на Кремль, на самого Сталина. Это могла быть птица только самого высокого полета. Известно, что некоторые из нацистских бонз перед лицом неминуемого поражения и гибели искали спасение в контактах с Западом. Но среди них могло оказаться (как исключение) такое лицо, которое попыталось спастись на Востоке. В обмен на уникальную информацию получить прощение и укрыться в Советском Союзе. Таким человеком (как это ни невероятно и ни сенсационно) я считаю Генриха Мюллера, пресловутого шефа гестапо. По моему мнению, человеком, способным предложить свои услуги Сталину, мог быть только Мюллер. И никто другой.

Но сначала хочу снова обратиться к другой сенсационной версии, высказанной уже упомянутым американцем Л. Килзером и развитой нашим российским автором Б. Тартаковским. Они считают, как уже говорилось, что Вертером был заместитель Гитлера по фашистской партии, начальник партканцелярии НСДАП Мартин Борман.

В 2004 году в совместном издании двух издательств - «ЭКСМО» и «Яуза» вышла под двумя фамилиями - Л. Килзера и Б. Тартаковского - книга «Тайная жизнь Мартина Бормана», объединенные одной темой под одной обложкой. Оба автора, американец и россиянин, пытаются доказать, что один из самых главных руководителей фашистской Германии, правая рука Гитлера по фашистской партии, являлся агентом советской разведки. Главным автором этой версии-сенсации, конечно, следует считать Л. Килзера, он работал в архивах американских служб, используя в качестве своих доказательств подлинные донесения Вертера. Россиянин Борис Тартаковский никакими документами не располагает. Он исходит из некоторых высказываний и косвенных предположений. Но, разумеется, версия Килзера и Тартаковского, на мой взгляд, заслуживает серьезного внимания.

По этой версии, Мартин Борман всегда был убежденным коммунистом, умелым подпольщиком, соратником вождя немецких коммунистов Тельмана, законспирированным для выполнения особых заданий и имевшим псевдоним «товарищ Карл». Так как фашистская партия во главе с Гитлером рвалась к власти, то было решено внедрить в нее своего коммунистического агента «товарища Карла».

Борман тайно посетил СССР, встречался со Сталиным, состоялась договоренность, что «товарищ Карл» сразу по внедрении в нацистскую сферу начнет работать на советскую разведку. Так якобы все это и произошло.

Внедрение «товарища Карла» в самую фашистскую верхушку стало возможно, поскольку Гитлер лично знал Бормана, они вместе воевали во время первой мировой войны, и Гитлер полностью доверял Борману. Это помогло Борману сделать головокружительную карьеру в нацистской иерархии, вскоре он фактически стал руководителем всего партийного аппарата НСДАП. Гитлер был как бы идейным руководителем и вождем партии, непосредственно всеми партийными делами ведал именно Борман.

Став одним из самых близких лиц к Гитлеру, Борман знал все тайны фюрера, его планы и расчеты, стенографировал его застольные беседы. Но якобы обо всем, что происходило у Гитлера, Борман

сразу же информировал советскую сторону. Поэтому все, что планировалось, замышлялось, намечалось Гитлером, что предпринималось им, очень быстро узнавал Сталин. И это не могло не сказаться на ходе всей войны.

Борман до конца оставался при Гитлере, и именно он, что является подлинным фактом, руководил сожжением тел покончивших с собой 30 апреля 1945 года Гитлера и Евы Браун. Отсюда возникает соблазн - предположить, что эти тела так и не были полностью сожжены сознательно, а сохранились полуобгоревшими и впоследствии были обнаружены советскими особистами. А 1 мая, в пять часов утра, Борман по радиации передал советскому командованию сведения, что он находится в рейхсканцелярии.

Начался последний штурм рейхсканцелярии. Группу захвата возглавил начальник советской военной разведки генерал Иван Серов. В 17 часов, согласно этой версии, советские особисты вывели из рейхсканцелярии человека с мешком на голове. Его посадили в танк, который двигался к аэродрому. Так, по этой версии, Мартин Борман был доставлен в Советский Союз. Здесь он продолжал оставаться засекреченным лицом, прожил до 1973 года, когда и скончался. По уверению Б. Тартаковского, в Москве, в районе Лефортово, на кладбище есть заброшенный памятник с надписью «Мартин Борман, 1900-1973» (во что, правда, верится с трудом).

Такова версия, по которой именно Мартин Борман являлся советским агентом Вертером и все донесения Вертера принадлежат именно ему.

О том, что Борман был советским агентом, по уверению Б. Тартаковского, ему впервые сказал около двадцати лет назад Маршал Советского Союза А.И. Еременко. Безусловно, это лишь версия.

Тем не менее, даже не располагая архивными документами, на мой взгляд, эту версию вполне можно опровергнуть путем анализа - и логического, и психологического. Эта версия, по моему убеждению, не согласуется с исторической реальностью.

Если допустить, что Мартин Борман был советским агентом, то совершенно невозможно объяснить, почему он никак не проявлял себя в крупнейших исторических событиях того времени. Почему «товарищ Карл» ничего не сообщил Сталину о том, что 22 июня 1941 года фашистская Германия нападет на СССР? Ведь такому агенту Сталин мог поверить. А в завершение всего - почему Нюрнбергский международный военный трибунал, в котором активнейшую роль играли советские представители, вел подробное следствие от-

носителем Бормана, признал его нацистским преступником и заочно приговорил к повешению? Ведь для советской стороны в это время уже не было смысла засекречивать и далее Бормана. Напротив, его следовало объявить героем, крупнейшим разведчиком всех времен и народов. Подобные вопросы можно задавать бесконечно, но на них никакого ответа быть не может. Совершенно очевидно, что Борман являлся идейно убежденным нацистом, это доказывает его деятельность по укреплению и совершенствованию НСДАП. Это было делом его жизни. Борман служил партии ревностно, с энтузиазмом.

Единственным человеком около Гитлера, оставшимся в определенной мере вне идеологии и бывшим достаточно аполитичным, являлся Генрих Мюллер. Вот кто мог довольно легко сменить хозяина при условии, что новый хозяин сохранит ему жизнь и достойно оценит его заслуги и профессиональное умение.

Мюллер, как никто, умел маскироваться. И не исключено, что, зная, как не любят верхи Бормана, чтобы отвести от себя малейшее подозрение, подбросил какой-то «легкий» компромат на него и Гелену, и кому-то из советских деятелей не самого высшего ранга (например, Еременко), чтобы при малейшем подозрении все свалить на Бормана. Конечно, это не доказательство, но логическое предположение (откуда могли распространяться «подозрения» на Бормана). И главный мой довод: контакт с советской стороной, включая самого Сталина, мог «технически» осуществить только один человек из окружения Гитлера - только Мюллер. Любое, самое высокое лицо из нацистской верхушки, в том числе и Борман, вступив в контакт с советской стороной, неминуемо со временем было бы разоблачено гестапо, любые шифровки, даже самые конспиративные, в течение нескольких месяцев, максимум года - перехватывались, обнаруживались, расшифровывались, а здесь Вертер действовал необнаруженным в течение трех лет. Это могло быть лишь в том случае, если исходило из самого гестапо, то есть от самого Мюллера. Ведь важно было не только знать тайны Гитлера, но и передать их в полной конспирации советской стороне, ориентируясь на Сталина. Такое даже Борману было не под силу, у него не было ни «технической» возможности, ни специалистов, чтобы осуществить подобное. Под силу это было лишь главному суперспециалисту по радиоигре, по сокрытию тайн - Генриху Мюллеру. Но согласился ли на контакт с шефом всемогущего гестапо, повинного в море пролитой крови, Иосиф Сталин? В таком случае - чем закончилось все это?

Ничего не утверждая, приведу цитаты из изданной в Москве «Энциклопедии третьего рейха». (М. 1999):

«Некоторые немецкие офицеры, побывавшие в советском плену, утверждали по возвращении на родину, что Мюллера якобы видели в Москве». Разумеется, подтвердить достоверность таких утверждений нельзя. Но не может быть случайной сама подобная мысль среди немецкого офицерства: Мюллер оказался в Москве потому, что установил «контакт с советской разведкой и перешел на ее сторону в момент краха третьего рейха». Это означает, что Мюллер мог действительно стать своего рода агентом Сталина. Впрочем, Вертером мог быть не сам Мюллер. Скорее всего, это подставное лицо, разведчик, работавший на Мюллера. Но повторюсь снова и снова: конечно, не Вертер, как о том пишут на Западе, выиграл Великую Отечественную войну. Ее выиграл на поле сражения наш солдат. В крови и ратном труде простой русский многомиллионный солдат добыл нашу Победу.

А Мюллер мог быть тем самым человеком, которого 1 мая 1945 года советские особисты вывели из горячей рейхсканцелярии с мешком на голове. Или это исключено?

Но пока вернемся в 1944 год. Что предшествовало этим событиям? Что привело к ним?

Мюллер вошел в приемную своего кабинета, сразу, без слов обнял секретаршу, белокурую курочку Барбару, и начал грубо мять ее. Обычно, как образцовый службист, он на работе ничего подобного не допускал. Другое дело - после работы. Но сегодня...

- Что-то случилось, Генрих? - тихо, с беспокойством спросила Барбара, оправляя перышки и слегка отстраняя его.

- Нет, милая, ничего не случилось. Просто соскучился по тебе. Сегодня ночью у тебя. Уйди на часик пораньше, приготовь ужин.

- Я рада. Тебе надо отдохнуть, милый. Ты переутомился. Или что-то все-таки случилось? Я это чувствую. Ведь ты не умеешь врать. Признайся, Генрих.

- После, милая. У меня срочная работа, - он отстранил ее и пошел в кабинет. Сегодня ему не хотелось даже работать, хотя обычно дела поднимали ему настроение. Он отодвинул бумаги. Портрет фюрера, стоявший на столе, задетый бумагами, упал на пол. Ну и черт с ним.

Некоторое время он сидел неподвижно, чувствуя в себе полную пустоту. Признаться, настроение с утра ему испортила дочь -

восьмилетняя Элизабет. Она позвонила (еще не было девяти) и спросила:

- Папа, у тебя уже есть для меня подарок на Рождество?
- А что?
- Если нет, я хотела бы тебе сделать заказ.
- Потом. Лизи, пожалуйста, потом. Я опаздываю на работу...

Она резко (видимо, обидевшись) повесила трубку. Мюллер не любил Элизабет. Конечно, она ни в чем не виновата. Но он был уверен: она не его дочь. И рождена его бывшей супругой, что особенно обидно, даже не от арийца, а от азиата, желтенького японца, некоего господина Оно. И фамилия-то у него какая-то неполноценная, нечто среднее между мужчиной и женщиной.

Столько лет прошло, но ему не забыть, как в том злосчастном 1935 году в Мюнхен приезжала японская делегация с дружественным визитом, и этот коротышка в очках, тот самый Оно, увивался вокруг его законной супруги. Тогда ему это было смешно. И плевать он хотел на то, что супружница ездила с этим япончиком на пикник. А потом, через девять месяцев, в 1936 году жена родила дочь с явными, неопровержимыми азиатскими чертами лица, с узким разрезом глаз. Все стало очевидно.

Генрих Мюллер был добрым католиком и порядочным супругом. Он никогда не изменял жене. Как говорится, «в связях, порочащих его, замечен не был». Но после господина Оно, после рождения узкоглазой Элизабет он развелся с неверной супругой, и Элизабет все эти годы жила с матерью. Он воспитывал сына Рейнхарда, будущего солдата. Ныне парню семнадцать, и он уже на фронте. Надо во что бы то ни стало спасти его. И спастись самому.

И как ни поразительно, но этого прощелыгу Оно он встретил летом 1942 года, и не где-нибудь, а на Украине, в Виннице. Он приезжал тогда в ставку фюрера под Винницей - в «Вервольф». Закончив все свои дела, гулял вечером по центру города, и здесь, около парка, лицом к лицу столкнулся - о Господи! - с Оно. И в такое трудно было поверить, но японец первым узнал его и бросился к нему.

- Герр Мюллер, это вы?
- Позвольте... - ему на миг даже показалось, что у него с рассудком не все в порядке. - А это вы, господин Оно?
- Я самый, - взволнованно закивал головой японец.
- Но каким образом вы оказались здесь, на Украине, в Виннице? И господин Оно пояснил, что вновь приехал в Германию, как

когда-то в далеком уже тридцать пятом году, в составе делегации. И представилась возможность побывать в бывшем поместье прадедушки, оно недалеко от Винницы, в селе Вороновица...

- Вороновица? - с недоумением переспросил он. - Но там же сейчас штаб Гелена.

- Совершенно верно, - опять закивал Оно. - И господин Гелен очень любезно меня принял. И показал всю усадьбу, все, что связано с моим прадедушкой.

- Но позвольте, - перебил он японца. - Как мог ваш прадед оказаться здесь, на Украине, в селе Вороновица? Он ведь жил, наверное, в Японии и был в некотором смысле японцем.

- Он был русским, - сказал Оно. - Это знаменитый русский адмирал, изобретатель Александр Федорович Можайский. В молодости он, русский морской офицер, попал в Японию. И здесь встретился с моей прабабушкой, бывшей тогда молоденькой прелестной девушкой. У них была красивая любовь. А когда мой дед вернулся в Россию, у него в Японии родился сын. Потому получается, что родоначальник нашего рода - знаменитый Можайский.

Взгляды их встретились. И тут он с удивлением почувствовал, что в открытом и смелом взгляде Оно было нечто не японское. Было то, что он уже знал по своей гестаповской работе. Сам для себя он называл это «русский взгляд». Взгляд-вызов, взгляд-поединок. И ему стало понятно, почему его жена не устояла перед этим японским потомком Можайского.

- Как поживает госпожа Мюллер? - нагло спросил Оно.

Он не ответил. Ему хотелось двинуть этому Оно в морду. Но он тогда сдержался. Просто повернулся и пошел прочь.

Вот почему он, Генрих Мюллер, не любит, когда Элизабет называет его папой. Но, конечно, главная причина его тяжелого настроения не в ней. Это уже пережитое, лишь повод. Главное в том, что надвигается крах...

Немного отвлечемся в сторону. Читатель, возможно, не поверит мне и заподозрит, что все сказанное выше - досужий вымысел автора. Нет, многое не вымысел.

У Генриха Мюллера на самом деле была семейная драма. В 1936 году его жена родила девочку, узкоглазую, совершенно азиатского вида. И Мюллер, хотя это не одобрялось на службе, развелся с женой и сошелся со своей секретаршей Барбарой Хельмут.

Не вымышлено и то, что у знаменитого изобретателя первого в

мире самолета (вернее, летательного аппарата) Александра Можайского во время его пребывания в Японии был любовный роман с молодой японкой. В 1854 году русское трехмачтовое судно «Диана» достигло берегов Японии. Главная цель визита - подготовка русско-японского договора. Но во время шторма «Диана» была выброшена на скалы и погибла. Русские моряки некоторое время прожили в Японии. Молодой лейтенант Александр Можайский, входивший в состав экипажа, влюбился в молоденькую японку, и она ответила ему взаимностью.

В 1858 году Можайский отбыл на родину и так и никогда не узнал, что после отъезда у него в Японии родился сын. Об этом я писал в своей повести «Две любви Александра Можайского».

Вот какие на самом деле бывают удивительные истории. Но пора вернуться к шефу гестапо Генриху Мюллеру.

Мюллер со вздохом поднимает с пола упавший портрет фюрера, ставит его на край стола. Он открывает сейф, берет пачку шифровок. Это последние донесения Вертера и несколько зашифрованных важных документов, подписанных фюрером. Все это по радио передать сложно. Видно, с радиоиной уже все использовано, исчерпано. Надо играть в открытую. А вдруг провал? Что тогда? Тогда не раскидывайся, действуй.

Мюллер кладет шифровки в сейф. Нажимает кнопку, вызывает секретаршу. «Барбара, пусть ко мне доставят... как его... Клементьева из пятой камеры». Его голос деловит и решителен, как всегда.

Вводят Клементьева. Мюллер жестом руки отпускает конвоира. Всматривается в арестованного. Красивый парень, высокий, белокурый. Похож на арийца, но это - русский, советский. И тот же «русский взгляд» - открытый, смелый.

- Господин Клементьев? - вкрадчиво спрашивает Мюллер. - Вернее, товарищ Саутин. Сергей Николаевич Саутин...

- Вы ошибаетесь, группенфюрер. Я на самом деле - Клементьев. В голосе - ни малейшей дрожи. Тот еще фрукт. И это на руку.

- Брось, Сергей, - говорит Мюллер (в немецкую речь он вставляет русские словечки и выражения). - Не валяй дурака. Нам надо с тобой поговорить по-деловому и в открытую. Для твоей же пользы. Садись. Курить будешь?

- Не курю.

- И не пьешь?

- Почему? Когда надо, когда хочу, пью.

- И женщин любишь?

- Люблю. Вы же и это знаете, группенфюрер.

- Я все знаю. И про тебя все знаю. И то, что ты - советский разведчик, русский шпион, мне давно известно.

- Вот это вы напрасно, группенфюрер. Извините.

- Сережа, не дури. Это не в твоих и не в моих интересах. Кости тебе ломать - ох, как не хочется. Но мы не должны больше быть врагами. Ты у меня давно под колпаком. Я мог тебя арестовать еще два года назад. Но берег. Потому что ты мне нужен. Я сразу раскрою тебе карты. Ты останешься советским шпионом. Но теперь ты будешь и моим агентом. Ты будешь Вертером.

Генрих Мюллер всегда стремился быть «человеком-невидимкой», то есть не оставлять никаких документов о себе. Но практически это невозможно. И что-то документальное о нем все же осталось, хотя и немногое. Приведу некоторые свидетельства из книги американского историка и журналиста Г. Дугласа «Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы». Видимо, единственным свидетелем того, как Мюллер лично вел допрос, стал уцелевший по воле судьбы агент английской разведки капитан Бест, который еще в 1939 году по обвинению в подготовке покушения на Гитлера был похищен в Голландии. «Мюллер, - вспоминал Бест, - был подвижный, невысокий человек чрезвычайно приятной внешности. В своей одежде он подражал Адольфу Гитлеру - серый форменный френч, бриджи в полоску и высокие сапоги. Он начал «давить» на меня сразу, как только вошел, и по мере того, как он приближался, он повышал голос с большой виртуозностью. Когда он подошел вплотную ко мне, его голосовые связки были на пределе. «Вы находитесь в руках гестапо. Не воображайте, что к вам здесь будут относиться с изысканным уважением. Фюрер уже показал миру, что он непобедим, и скоро он избавит народ Англии от евреев и плутократов вроде вас. Вам угрожает серьезная опасность, и если вы хотите дожить до завтрашнего дня, вам следует поостеречься». Затем он сел на стул напротив меня и придвинул его как можно ближе, как будто собирался загипнотизировать меня».

Что же собой как человек представлял Мюллер? Его непосредственный начальник Кальтенбруннер вспоминал о нем так: «Ничего особенного. Он был невысокого роста, с пронизывающим взглядом темных глаз и не производил впечатления человека открытого и сердечного, но было в его облике нечто привлекательное. При этом

он был вежлив («корректен»), но, возможно, чересчур скромнен... У Мюллера была замечательная память, он помнил каждого человека, с которым хотя бы однажды встречался, и все события. Для Гиммлера он был настоящей живой энциклопедией...»

Тот же Г. Дуглас, уверяющий, что лично знал Мюллера и много общался с ним, пишет: «Я видел обходительного, очень умного и проникательного человека, не лишённого некоторого мрачного чувства юмора. Он замечательно умел принять гостей, и по всему было видно, что он высоко поднялся над своим происхождением из низших слоев среднего класса. Он демонстрировал значительные познания в литературе и музыке, держал превосходный стол, и его выбор вин всегда был безупречен... Он остался убежденным католиком и регулярно посещал мессу...»

Почти двухчасовой допрос подходил к концу. И стало возникать ощущение, что это не допрос, а откровенная беседа. «Неужели он меня переигрывает как миленького?» - ловил себя на тревожной мысли Сергей.

Отпираться на самом деле было бессмысленно. Мюллер знал о нем все: где родился, где учился, как стал разведчиком, что делал. Почему его не брали, почему Мюллер позволял ему вести свою агентурную работу, тоже вроде бы становилось понятно.

- Выпьешь коньячку, Сережа?

- Выпью, группенфюрер.

- Взмок? Понятно, что взмок.

Они выпили.

- Легче стало?

- Полегче...

- Вот так, мой милый. Теперь ты - Вертер. И доставишь от меня личное послание и ценнейшие документы самому Иосифу Виссарионовичу Сталину. Это трудно. Но это надо сделать, Сережа.

- Я сделаю все, что могу, группенфюрер.

- Но сначала забросим мы тебя близ Вологды. И ты окажешься в своем родном городе, у себя дома. А, каково? Легенду мы тебе, как ты в Вологде оказался, разработаем. А из Вологды - в Москву, в приемную к Сталину. У меня в Кремле кое-кто из моих людей есть. Во всяком случае, в приемную тебя допустят. Ты меня понял, Сергей?

- Зачем в Вологду, группенфюрер?

- А вот это серьезный, дополнительный разговор. Сирены завывали. Опять налет. Спустимся в бункер. Там скажу.

В бункере, когда пережидали налет, Мюллер спросил у Сергея:

- Как тебе твоя камера? Не похожа на застенок?

Надо же... Мюллер взял его с собой в свой бункер, это своего рода невероятная честь. А теперь спрашивает про камеру.

- Приличное помещение, группенфюрер, - отвечает Сергей. - Со всем не застенок. Даже отхожее место огорожено. Тепло, сухо. И свет на ночь отключается.

- Это у нас камера-люкс, - смеется Мюллер. - Для почетных арестованных. С посещением на ночь прекрасного пола. Вот и тебе я пришлю на ночь сегодня даму твоего сердца - Зою.

- Как это, группенфюрер... - Сергею на миг становится дурно. - Какую даму сердца? Какую Зою?

- Зою Рудакову. Я ее давно берегу. Выходит, для тебя. Ты что? Тебе плохо, что ли? Не разочаровывай меня. Будь мужиком.

Сергей мог ждать от Мюллера чего угодно. И первые минуты просто не мог поверить, что все это правда. Но ему так хотелось, чтобы это было правдой и Зоя была жива.

И он поверил Мюллеру.

А Мюллер, довольный потирая руки и хихикая, пояснил, что Зоя была разоблачена еще тогда, летом сорок второго. Правда, подарить фюреру шенка, зараженного бациллами, она успела. Но фюрер уцелел, не заразился. Зою допрашивал лично он, Мюллер. Нет, она никого не выдала, никого не назвала. Конечно, установить тех, кто стоял за ее спиной, было нетрудно. Но эту мелкую, не представляющую серьезной опасности подпольную ячейку «Красная гвоздика» специально не тронули. Оставили, чтобы использовать впоследствии, но проследили всех.

- В том числе и тебя, Сергей, - рассказывал Мюллер. - Так что ты давно у меня на крючке. А Зою и пальцем никто не тронул. Хотя наверх было доложено - расстреляна. А на самом деле Зою я велел поместить в тайный блок. У нее тоже неплохая камера. Зоенька жива-здоровая. Хотя скучает, конечно. Ты ее развлечешь. Ты ее любишь?

- Люблю.

- Сегодня я пришлю ее к тебе на ночь. И знай, папаша Мюллер желает тебе только добра. Но запомни, Сергей: если на свободе ты меня предашь, то там, у Сталина, все равно получишь «вышку». Ком-промата на тебя вполне достаточно. Верно я эти слова по-русски говорю: «выш-ка», «ком-про-мат»? И к тому же даю честное слово: я сначала отдам своим жеребцам, своим ребятам твою Зою. У них

работа трудная - кости ломают. Им тоже надо отдохнуть, поразвлечься. А потом мы твоей Зое отрубим голову.

Еще тогда, в бункере Мюллера, под глухой аккомпанемент бомбежки они обсудили вариант - нельзя ли для того, чтобы выйти на самого Сталина, использовать вологодскую соседку Сергея - Пелагею Георгиевну Ануфриеву-Фомину? Ту самую, за которой тогда еще никому не известный Иосиф Джугашвили, будучи в ссылке, пытался ухаживать. У Мюллера было краткое досье на Пелагею. А Сергей рассказал Мюллеру то, что сам знал о ней и об ее знакомстве с молодым Сталиным. В те времена Иосиф Джугашвили соблазнить Пелагею Ануфриеву не сумел. Тем не менее он, видимо, сохранил о ней добрую память и, бежав из Вологды, писал ей, прислал книгу в подарок.

- Но в последнее время, - рассказывал Сергей Мюллеру, - Пелагея Георгиевна очень бедствовала: муж невинно осужден как враг народа на пятнадцать лет, семью выбросили из квартиры, ютятся в маленькой комнатухе. Правда, это было давно, в тридцать седьмом году, когда я в последний раз побывал в Вологде. Но, скорее всего, ничего не изменилось.

Мюллер согласно закивал головой и предложил такой план: Сергей появится в Вологде, как бы на побывке, зайдет к соседке, скажет ей, что имеет доступ в приемную товарища Сталина, и предложит написать письмо про ее бедствия с просьбой к Сталину о помощи. По мнению Мюллера, если она такое напишет, это поможет Сергею вступить в контакт с ближайшими помощниками Сталина. А потом уже действовать по обстоятельствам.

Сергей сделал вид, что согласился со всем этим. Но в глубине души у него было совсем другое... Как бы много ни знал Мюллер о советской жизни, но все равно чего-то он не понимал в ней. В том числе и в Сталине. Потому, еще не зная как, Сергей все же надеялся, что ему удастся перехитрить и переиграть хитрюгу папашу Мюллера. А Мюллер довольно похлопал его по плечу:

- Запомни, ты теперь - Вертер. И не с сегодняшнего дня, а с осени сорок первого года Вертер. Понял?

- Понял, группенфюрер, - усмехнулся Сергей. - Я теперь - величайший разведчик всех времен и народов.

По моему мнению, повторю, Вертера - величайшего разведчика в мире (вернее, миф о нем) - создал именно Генрих Мюллер. Это была

его самая большая тайна и самая большая гордость. Началось все с радиоигры, одной из многих искусных радиоигр в его агентурной работе. Собственно, Генрих Мюллер был первым, кто стал применять радиоигру как эффективное средство в тайной войне спецслужб, являлся ее крестным отцом и непревзойденным исполнителем. Но Вертер превзошел всех. Мюллер поставил для себя сверхзадачу: вступить в радиоигру с самим Сталиным. И невероятно, но это удалось. Шифровки, посылаемые в Москву Мюллером, ввиду их особой важности (ведь они поступали из самой ставки Гитлера) немедленно ложились на стол Сталина.

Мюллер начал свою суперигру еще осенью сорок первого, когда немецкая армия вела наступление и стремительно приближалась к Москве. В той напряженнейшей обстановке, когда утопающий хватается за соломинку, Сталину было психологически важно узнать, что у него в ставке Гитлера появился совершенно неожиданно свой агент, который информирует его о тайнах самого Гитлера. Это было чудо, но Сталину хотелось поверить в чудесное спасение, в возможность перелома войны, и он поверил.

Чтобы держать Сталина на крючке, Мюллер шифровками придуманного им Вертера наряду с ложной передавал и верную информацию, которую считал не имеющей решающего значения, которой можно было пожертвовать, - с таким расчетом, чтобы правдивость шифровок косвенным образом могла подтвердить советская разведка.

Мюллер вел двойную игру, и это захватывало, окрыляло его.

Фюрера он, конечно, в известность не поставил, но в случае победы (первый вариант его игры) собирался преподнести это со всей помпой. Мюллер, мол, тоже участвовал во взятии Москвы, ведь Мюллер дезинформировал, перехитрил самого Сталина. И внес свой большой вклад в победу. Ну а если, не приведи Бог, победы не будет, если Гитлер начнет все же проигрывать, то и этот вариант, как выйти из игры, тоже был предусмотрен. После катастрофы под Сталинградом Мюллер понял: Гитлер войну проигрывает и надо переходить к Сталину. Потому информация Вертера из ставки Гитлера для Сталина становилась все важнее, полнее, правдивее.

Вместе с тем он продолжал верой и правдой служить Гитлеру, ибо, как всегда, был и оставался во всем исполнительным и добропорядочным человеком (очень добропорядочным, так сказать).

Еще летом 1942 года под руководством Мюллера была проведена операция по разгрому «Красной капеллы» - разветвленной и мощной подпольной сети немецких антифашистов и советской развед-

ки на территории Германии, Франции, Бельгии. Крупные советские разведчики - Треппер, Сукулов, Робинсон были арестованы, их стали использовать в радиоиграх против Советов. Сотни немецких антифашистов были осуждены и казнены.

Будучи ярким антисемитом, Мюллер с большим рвением претворял, так сказать, в жизнь указания фюрера об «окончательном решении еврейского вопроса», то есть был одним из главных организаторов холокоста - массового истребления евреев в Германии и других странах.

А кульминация карьеры Мюллера - это проведенное после взрыва бомбы полковника Штауфенберга в июле 1944 года в ставке Гитлера расследование заговора среди высшего немецкого офицерства. Мюллер провел его мастерски, укрепив свое положение.

Что же передавал Вертер Сталину из ставки Гитлера?

Прочитирую некоторые фрагменты из исследования Л. Килзера.

«Вертер внимательно следил за подробностями дебатов верховного командования, даже отмечал, что говорилось в присутствии фюрера, а что в его отсутствие. В апреле 1943 года Вертер сообщил в Центр: «Совещание открылось под председательством Геринга, без Гитлера. Затем прибыл Гитлер и тоже принял в нем участие. Совещание показало наличие фундаментальных разногласий мнений между Герингом с одной стороны и Гальдером - с другой...»

При подготовке к сражению под Курском Гитлер приказал не передавать планы предстоящей битвы по радио. Они были изготовлены в количестве тринадцати бумажных экземпляров. Гитлер приказал не делать никаких копий и не сообщать никому подробностей и деталей плана. И все же, несмотря на все предосторожности, Вертер смог буквально в тот же вечер передать текст плана в Центр. То есть передать в Москву, на стол Сталину. Стоит ли говорить, какое значение все это имело для исхода решающей битвы. И вот так - изо дня в день, из месяца в месяц, на протяжении трех лет - сотни шифровок о том, что происходило в ставке высшего фашистского командования. Иногда шифровки передавались из рук в руки подставными лицами (причем те, кто их передавал, ничего не знали, от кого и что они передают). Но чаще всего это были радиошифровки - из Берлина в Швейцарию. Из Швейцарии информация поступала в Москву. Как это ни поразительно, в Москве терялись в догадках, не знали, кто такой

Вертер. Сам Сталин знал только, что ему поставляет информацию кто-то забравшийся очень высоко, в самые тайники рейха. «Кто-то в Германии, - пишет Л. Килзер, - имел достаточно смелости или же обладал достаточно безопасным положением для того, чтобы посылать донесения из самого сердца третьего рейха... С пылу с жару отправляли информацию при помощи телетайпов по беспроводным передатчикам... Поставка таких точных, детальных и своевременных разведанных в течение длительного промежутка времени было, вероятно, беспрецедентным явлением в истории войн».

Контрразведка Шелленберга не раз засекала эти радиопередачи. У Шелленберга даже возникло подозрение, что в ставку фюрера пробрался и орудует там советский шпион. Но ничего раскрыть армейские контрразведчики так и не смогли. Еще бы... Ведь все это шло от Мюллера, под его прикрытием.

Но даже и Мюллер делал ошибки: однажды в разговоре с Шелленбергом чуть было не прокололся. Воздав хвалу Гитлеру, он высоко отозвался и о Сталине. И судя уже по послевоенным воспоминаниям Шелленберга (цитирую по Килзеру), он сказал о Сталине, что тот «неизмеримо превосходит лидеров западных наций, и если бы у меня было что сказать по делу, то мы достигли бы соглашения с ним в максимально короткие сроки».

Шелленберг попытался свести разговор к шутке. «Отлично, товарищ Мюллер, - сказал он, - давайте прямо с этого момента все начнем кричать «Хайль Сталин!», и наш добрый папаша Мюллер станет начальником НКВД». Мюллер со злорадным блеском в глазах оглянулся и ответил: «Это было бы прекрасно. А вы (в этом случае) угодили бы прямо на виселицу, вы и ваши твердолобые друзья-буржуа».

Выходец из простой семьи, бывший рядовой полицейский, Мюллер на многое мог смотреть иначе, чем аристократ Шелленберг, родившийся и живший в фешенебельной буржуазной среде. У Шелленберга, как он вспоминает, возникло подозрение - не ведет ли «товарищ Мюллер» двойную игру, о чем он, естественно, донес Кальтенбруннеру, но тот ему не поверил. Шелленберг стал все больше подозревать Мюллера в предательстве.

А Мюллер, спохватившись, постарался перевести эти подозрения на Бормана - вот, мол, кто может быть «двойником», вот за кем следите. А папаша Мюллер чист как стеклышко и беспредельно верен фюреру, как и все его гестапо.

А потом и сам Шелленберг «засветился»: попытался тайно договориться с американцами, и его можно было продать фюреру, выдать с потрохами. Но стало уже не до того. Красная Армия вломилась в рейх. Шелленберг с его интеллигентскими мозгами, видно, так и не мог понять, что хозяева в Европе уже русские. И надо уже срочно менять хозяев. И признаваться, кто такой Вертер. Об этом даже в гестапо знали только два человека - он сам, Генрих Мюллер, и его белокурая секретарша Барбара.

Вертером был он сам, он поставлял информацию, а Барбара передавала ее советским агентам в Швейцарию. Но теперь радиоигра уже была отыграна.

Ужасно жаль, но Барбару придется ликвидировать. Теперь тайной Вертера должен владеть только он один. И еще частично этот русский, которому некуда деваться, чтобы выжить, - Сергей Клементьев. Правила игры изменились. Вертером должен стать этот русский. Ему надлежит оказаться в Москве и объявить, что Вертер - это он. Но за ним стоит шеф гестапо Мюллер. И Мюллер готов при точных гарантиях по первому слову товарища Сталина открыто перейти на его сторону.

Сталин прочитал последнюю шифровку Вертера. В ней говорилось о планах Гитлера по сдерживанию наступления союзников на Западном фронте. Сталин вызвал Берия.

- Вот что, Лаврентий. Информация важная, надо бы предупредить кое о чем наших этих самых чертовых союзников. Но...

Наступила пауза. Берия напрягся...

- Но... почему, - медленно, словно с трудом произнес Сталин и повторил с нажимом, - почему я ничего не знаю, кто он такой - Вертер? Такую информацию, которую он нам дает, вся ваша разведка дать не может. Но откуда он взялся, этот Вертер? С луны свалился? Боженька нам его послал? Но я еще с семинарии ни в какого Бога не верю. И я долго ждал, терпел, теперь терпение мое кончилось: я тебе давно приказывал выяснить, кто и что этот Вертер. И немедленно доложить мне.

- Я старался, товарищ Сталин...

- Старался... В жопу твое старание, мне дело нужно. Кто из наших агентов состоит в связи с этим Вертером?

- Прямой связи нет, товарищ Сталин. Только по радио и через посредников, товарищ Сталин. А непосредственно к нам вся инфор-

мация от него идет из Швейцарии от «Сисси» - это псевдоним нашего агента Рашели Дубендорфер.

- Кто она?

- Родом из Варшавы. Ненавидит Гитлера за захват Польши и антисемитизм.

- Еврейка?

- Жидовка, товарищ Сталин. Но хороший агент, проверенный, давно сотрудничает с нами. И я уже давно передал ей ваш приказ - прибыть в Москву и раскрыть все карты. Но она не явилась. Видимо, опасается, товарищ Сталин.

- Чего опасается? - Берия опустил глаза перед стальным сталинским взглядом. - И что это ты такое мне говоришь? Чего несешь? Чтобы советский агент не выполнил приказ товарища Сталина? Ты в своем уме, Лаврентий?

Капитан Николай Рудаков в составе эскадрильи ведет свой самолет на Берлин. Душа Николая охвачена восторгом. Еще бы! Ведь логово фашистского зверя с воздуха уже повержено. Берлин горит. Советская авиация вместе с союзниками господствует в небе над Берлином. Конечно, Берлин еще надо брать пехотой, танками. И противовоздушная оборона еще огрызается вовсю. И воздушные схватки с «юнкерсами» на подступах к городу становятся все ожесточеннее. Но это не сравнить с тем, что было.

Рудаков никогда не забудет первый налет на Берлин с 7 на 8 августа 1941 года. Тогда он был штурманом-радиистом в самолете полковника Преображенского (подумать только - самого Преображенского!), ныне Героя Советского Союза, прославленного на всю страну аса-командарма. И подумать только, они с Преображенским - земляки, вологжане. Вологжане первыми бомбили Берлин еще в страшном 1941 году.

Тогда непогода помогла незаметно подойти, подлететь к Берлину. Теперь Николай Рудаков ведет свой самолет на Берлин открыто, гордо, в лобовую атаку.

И днем, и ночью - авиационные налеты на Берлин. На востоке наступают русские, на Западе - союзники. Все хорошо. Но все ли хорошо?

Рашель Дубендорфер вместе со своим любовником, толстяком Бетигером, пьют пиво и слушают радионовости. Сталин сказал: беда близка.

- Я горжусь тобой, Рашель, - говорит толстяк. - Ты являешься единственным в мире человеком, который не подчинился Сталину.

- Молчи, идиот, - рассердилась Рашель. - Не сыпь соль на рану. Раскольников тоже не подчинился.

Рашель Дубендорфер совершила немыслимый для советского агента поступок: она не выполнила приказ Сталина явиться в Москву. Она была себе на уме.

Рашель знала: многие агенты, которых вызывали в Москву, бесследно исчезли. Преданные Советам люди, имевшие большие заслуги перед коммунистической разведкой, тем не менее не возвращались из Москвы, как не возвращаются из могилы

Рашель была лично знакома с Федором Раскольниковым, тем самым Раскольниковым - видным и ярким советским деятелем, который, оказавшись на Западе, отказался вернуться в СССР и написал гневное открытое письмо Сталину, обвиняя его в массовом истреблении ни в чем не повинных советских людей. К тому же она была западным человеком, способным не подчиниться кому угодно. Ее ненависть к Гитлеру за геноцид евреев была безмерна, потому она мстила Гитлеру, как могла. К тому же Лубянка всегда прекрасно платила.

Пытаюсь представить себе: если бы она явилась в Москву, там стали бы выяснять, кто такой Вертер (этого она не знала), начались допросы (ей бы не поверили), а потом - скорее всего, пытки. Под пыткой можно назвать любую фамилию. Возникло бы липовое, сфабрикованное дело, которое могло кончиться пулей в затылок в лубянском подвале. К счастью, ничего этого не произошло. И все-таки Лубянка, и сам великий Сталин ничего с неподчинившимся советским агентом Рашель Дубендорфер сделать не смогли... Факт сам по себе примечательный.

Рашель Дубендорфер входила в так называемое «семейство Гизелы», в советскую агентурную сеть в Швейцарии. В этой сети не было ни одного русского, ни одного советского человека.

А создала «семейство Гизелы» советская женщина - Мария Полякова. В отличие от истеричной и некрасивой Рашели Дубендорфер она была красавицей. Снова приведу фрагмент из книги Килзера - на этот раз о Поляковой: «Она выглядела потрясающе. Американские агенты контрразведки после войны описывали ее как русскую еврейку ростом в пять футов шесть дюймов, с потрясающей внешностью, черными волосами, красивым, хотя и мужского типа, мон-

голоидным лицом с широкими скулами». Но физические качества ничего не значили в сравнении с ее «выдающимся интеллектом и феноменальной памятью». Она свободно владела французским, немецким, английским и, естественно, русским языками и много путешествовала вместе со своим отцом, представителем советского комиссариата внешней торговли, когда тот работал в Германии, Франции и Швейцарии. Она легко сошла бы за уроженку Западной Европы. Неудивительно, что на такие редкостные способности вскоре обратили внимание. Она хотела стать врачом, но руководитель комсомола Александр Косарев увидел в ней потенциальную разведчицу. «Врачей у нас хватает», - сказал Косарев. Молодая Советская республика нуждалась в тайных агентах, особенно в молодых умных женщинах. Мария не сразу согласилась, но все же приняла предложение встретиться с Яном Карловичем Берзиным, возглавлявшим советскую военную разведку, известную также как Четвертый отдел. Как и многие другие, она была очарована Берзиным. Он предложил Марии, которой было всего лишь двадцать четыре года, стать «бойцом незримого фронта», «мыслящим товарищем».

Однако произошла некоторая накладка. «Мыслящий товарищ» забеременела и родила, стала матерью-одиночкой. Для работницы Лубянки это тоже было в некотором смысле необычно. Но ей простили. Она никому не назвала имя отца ребенка. Простили и такое, убедившись в лишний раз - умеет хранить тайны. Но быть просто мамой, растить ребенка не позволили.

Берзин сказал ей, что советское государство само воспитает малыша. В 1936 году Марию снова отправили в длительную командировку в Западную Европу, и она тогда окончательно сформировала советскую разведывательную сеть в Швейцарии и частично в Германии.

Вернулась она в СССР в кошмарном 1937 году, в пик террора, когда «ежовые рукавицы» Ежова душили всех подряд. Ее отец и брат, работники органов, были расстреляны. Расстреляли и ее легендарного начальника Яна Берзина. Но Марии Поляковой редкостно повезло - она уцелела.

В числе немногих. А ее «семейство Гизелы» действовало с отлаженностью и точностью швейцарских часов. Кстати, «гизеловцы» тоже предупреждали о начале войны в конце июня 1941 года. Сталин им не поверил.

А в октябре 1941 года по собственной инициативе с «семейством Гизелы» связался никому не ведомый Вертер, что было, конеч-

но, замечательной и неожиданной удачей. Вертер сам вышел на радиосвязь из Берлина с советским агентом Рейслером, носившим псевдоним «Люси» и жившим в Люцерне.

Рейслер - «Люси» имел обманчивую внешность мирного, тихого, серого обывателя, близорукого очкарика, который интересуется только своими мелкими делишками. На самом деле это был хитрый, изворотливый и пронизательный человек, невероятно жадный. Лубянка платила ему высшую ставку - «жалованье миллионера». А тут и такое нежданное счастье ему привалило в лице Вертера - из самой ставки Гитлера. Информация Вертера не поддавалась никакой плате - ей цены не было. Рейслер сосредоточил всю эту информацию в своих руках. Но кем является его информатор, он не знал.

Рейслер подчинялся непосредственно Рашели Дубендорфер. И передавал всю информацию Вертера ей. У него не было своего радиопередатчика. Такой радист с передатчиком - Александр Фут - был у Рашели. Через нее информация Вертера поступала Футу и уже тот передавал ее в Москву. Вот такова была цепочка, действовавшая три года безотказно. В этой цепочке были и другие лица: супруги Хамелы, Александр Родо и прочие. К примеру, молоденькая официантка, смазливая и сексуальная Маргарита Болли, любовница Родо. Но ее соблазнил по заданию Мюллера его агент Ханс Петерс, по профессии парикмахер. Тогда из-за любвеобильности прелестной Маргариты чуть было не провалилось все «семейство Гизелы». Почти всех арестовали. Но аресты произвела швейцарская полиция.

Впрочем, швейцарцы быстро разобрались, что арестованные - советские шпионы, и не захотели ссориться с советским правительством. Было очевидно, что СССР победит в войне, и вскоре всех арестованных просто выпустили. Кстати, тогда формально швейцарской агентурой руководил Родо, но он был пассивен, и тщеславная Рашель фактически взяла руководство в свои руки. Сложная шпионская игра продолжалась, хотя и двигалась к развязке.

Мюллер понимал, что у него что-то не складывается, идет не так, как он задумал. Потому последние материалы Вертера были переданы Рейслеру не по радио, а лично Фут отвез их из Швейцарии во Францию, в освобожденный Париж, где уже действовало советское представительство. Что последовало за этим, осталось неизвестно.

Эскадрилья, куда входил и самолет капитана Рудакова, имела конкретную цель - атаковать и разрушить, разнести вдребезги здание гестапо, которое до сих пор уцелело. Но на крыше здания и в приле-

гающем к зданию парке было развернуто много зениток, они повели яростный огонь. И первым был подбит самолет Рудакова. Охваченный пламенем, он взмыл сначала вверх. А потом (пламя сбить не удалось) штопором пошел вниз и, подняв огромный столб огня, врезался в здание. Видно, экипаж в свой последний, в свой смертный миг делал это сознательно. Летчики перед смертью таранили здание гестапо.

Сергей и Зоя провели ночь в одной камере. И это было невероятно. Вопреки всему, вопреки войне.

- Любимый, никого на свете нет - ни Гитлера, ни Мюллера. Есть только ты, любимый.

- Любимая, есть только ты. И ты прекрасна.

- И есть наша любовь.

- Есть наша любовь. Навсегда.

Это было их любовное прощание. На рассвете на здание гестапо начался авианалет. Загремели взрывы. Задрожала земля. Это было как землетрясение.

Толчок за толчком. Удар за ударом. И вдруг - страшнейший удар, потрясший все.

- Ты жива?

- Я жива... Что это?

- Не знаю. Видишь - проломы. Бежим?

Они выскочили наружу. То, что увидели, казалось светопреставлением. Пламень, грохот, дым, взрывы. Из остова центрального здания торчал хвост врезавшегося в него самолета.

Зоя, споткнувшись о труп охранника, подобрала его автомат.

- Зоя, туда! - Сергей увидел в отвесах пламени пролом в стене. Они побежали к пролому.

Откуда-то сбоку, словно вынырнув из преисподней, выскочили два эсэсовца с автоматами в руках. Увидели их, бегущих к пролому. Очередь! Мимо! Еще очередь! Опять мимо!

Выскочили в пролом. Но эсэсовцы были уже рядом.

И случилось неожиданное. Зоя повернулась, выскочила в пролом. И в упор расстреляла эсэсовцев - сначала одного, потом второго. И победно вскинула вверх автомат.

Вот стоит она, прекрасная и бесстрашная, вскинув вверх автомат. И вдруг - взрыв.

Что это было? Возможно, неразорвавшийся фугас, врезавшийся в землю. И теперь он сработал, взорвался.

И тело девушки мгновенно превратилось в факел. Все произошло на глазах Сергея в одно мгновение. Зоя, став факелом, погибла мгновенно.

Сергей понял - от его любимой ничего не осталось. Он понял это, еще не осознавая всего происшедшего.

Откуда-то сбоку опять появились эсэсовцы. Вытирая слезы, Сергей побежал в сторону от этого ада.

Ему еще предстояло сделать многое.

А Зоя навсегда так и осталась для него девушкой-факелом.

Часть 6

ГИБЕЛЬ ДЬЯВОЛОВ

Сталин отодвинул стакан с остывшим чаем и закурил свою знаменитую трубку. Помолчал, явно испытывая терпение Берии, играя на его нервах. Наконец поднял на него тяжелый пристальный взгляд:

- Так что у тебя стряслось, Лаврентий? Что за срочность? Гитлера поймал и выкрал, что ли?

- Гитлера постараемся поймать, товарищ Сталин, - залебезил Берия. - А срочность в том, что наконец выяснилось, кто такой Вертер, ну, то есть агент, снабжавший нас информацией из самой ставки Гитлера.

- Так... - Сталин забарабанил пальцами по столу. - Кто же он такой?

- В это, товарищ Сталин, трудно даже поверить, но это сам шеф гестапо Генрих Мюллер.

- Вон оно что... - Сталин на самом деле удивился. - А ты не путаешь чего-то, Лаврентий? Может, он тебя дурачит, этот Мюллер? Он за свою жизнь многих одурачил.

- Не путаю, товарищ Сталин. Разрешите доложить, - Берия раскрыл папки с какими-то документами. - Должен сказать, товарищ Сталин, что у нас радиосвязь с Вертером на некоторое время прекратилась. Вертер замолчал. Мы не могли понять, что это означает. Но вот некоторое время назад в советское дипломатическое консульство в освобожденном Париже явился из Швейцарии наш агент Александр Фут уже с личными посланиями Вертера. Это шифровки о последних планах Гитлера по отражению нашего наступления. А

в одной из шифровок Вертер прямо называет себя. Так сказать, будем знакомы: я - шеф гестапо Мюллер. Всегда, мол, тайно сочувствовал СССР, поэтому снабжал вас информацией. Гитлеру служить был вынужден. Но теперь в любой момент готов перейти на советскую сторону при гарантии сохранения жизни и достойного существования. Сведения абсолютно точны, товарищ Сталин.

- Вот это да, - Сталин встал, заходил по кабинету, что означало - он взволнован. Наступила пауза. Затем Сталин спросил как бы в раздумье:

- И что, по-твоему, мы будем делать с этим Мюллером? Да, информация от него была ценнейшая. Он надеется, что мы его простим, укроем, всем обеспечим. Но он же все равно нацистский преступник. У него руки по локоть в крови. И это кровь множества честных коммунистов. У кого больше? Может, у тебя больше крови, Лаврентий?

Сталин во вспышке мгновенной ярости плеснул остатки чая в лицо Берии. Берия сжался. Он не смел даже вытереть текший по лицу чай.

- Шутка, Лаврентий, - усмехнулся Сталин. - Надо подумать, как поступить с этим Мюллером. Но о Мюллере должны знать только ты и я. И никто больше.

- Сегодня ночью, товарищ Сталин, наша авиация разбомбила здание гестапо в Берлине. Думаю, многих гестаповцев мы там накрыли. Может, и Мюллера уже нет в живых.

- А может, это и к лучшему, Лаврентий? Мюллер свое дело сделал. А нет человека - нет проблемы.

12 января 1945 года Красная Армия перешла в наступление, равного которому по размаху еще не знала история. Оно развернулось от берегов Балтики до южных отрогов Карпат. На тысячах километров творилась великая мистерия великой войны.

Главный удар наносили войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов под командованием прославленных полководцев Георгия Жукова и нашего земляка Ивана Конева. Эти фронты насчитывали полтора миллиона солдат и офицеров, более 30 тысяч орудий и минометов, 7 тысяч танков, 5 тысяч самолетов. Это была стальная лавина, которую сдержать не представлялось возможным. В середине апреля советские войска, несмотря на отчаянное сопротивление немцев, достигли рек Одер и Нейсе. На рассвете 16 апреля началась великая Берлинская операция. Это был завершающий, смертельный удар.

Началась агония гитлеровского рейха. В бункере Гитлера царила истерия. Есть свидетельства личного врача Гитлера, что с фюрером происходили нервные припадки, он был на грани помешательства. Несколько раз он вскакивал по ночам с постели и кричал: «Кто я? Там, в углу, кто это?» И по-звериному выл. Но, придя в себя, отдал новые приказы - обороняться до конца, сражаться, сражаться...

Эта агония в западной литературе часто называется по аналогии с культовой оперой Рихарда Вагнера - «Гибель богов». На самом деле это была гибель дьяволов.

Берлин, еще недавно надменно считавший себя столицей мира, превратился в подземную столицу Плутона, столицу ада. Город лежал в развалинах, налеты советской и союзной авиации продолжались постоянно, лишь с небольшими перерывами. И вот в эти перерывы жизнь в развалинах обреченного города, замершего под налетами, выбиралась из бомбоубежищ, из метро, воскресала, пыталась продлить свое существование. Матери выносили в уцелевшие скверы детей - пусть подышат хоть немного весенним воздухом, побудут на солнце. Старики толпились у полевых кухонь, прося миску солдатского супа. Но были и те, кто пытался еще что-то урвать у жизни, устроить свой «пир во время чумы». Ж. Морабини, книга которого упоминалась мной, пишет: «Выступления обнаженных танцовщиц, шансонье, мимов продолжают. Молодые люди, которые здесь еще остались, танцуют ночи напролет в сумрачных бомбоубежищах и, прячась под одеялами, предаются блуду».

Для высших чинов есть комфортабельные бомбоубежища с ванными, картинами на стенах. Простой люд во время бомбежек, как сельди в бочке, набивается в подземки.

От прямого попадания бомбы в одну из станций метро погибло более тысячи человек. Происходят и дикие, апокалиптические сцены. Разбомблен зоопарк, обезумевшие лани и олени мчатся по улицам, за ними гонятся тигры. Одна из ланей дикими прыжками пытается сбить с себя пламя, она горит заживо. И что там животные, когда ежедневно, ежечасно, ежеминутно погибает бесчисленное множество людей. Страшная расплата пришла в Берлин.

А в бункере Гитлера - свадьба. Фюрер, превратившийся к тому времени уже в полуразвалину, женится на красавице, своей давней любовнице, еще молодой, достигшей расцвета женских сил и красоты Еве Браун. Своей красотой она словно озаряет мрачный бункер.

Фельдмаршал Кейтель, который подпишет скоро капитуляцию, в своих предсмертных записках перед виселицей так описывал Еву: «Очень стройная и элегантная, светлая шатенка. У нее были очень красивые ноги, и это бросалось в глаза. Очень мила и красива. Она была если не застенчива, то во всяком случае очень сдержанна».

Ева прилетела в осажденный Берлин 15 апреля. Прилетела по собственному желанию. У нее был величайший шанс - стать самой знаменитой женщиной в мире, сдать американцам. О, какая бы это была сенсация! Ей не только ничего не угрожало - в США ее бы на руках носили. Все голливудские звезды, вместе взятые, стали бы никем по сравнению с ней. Но она хранила великую женскую верность своему ненормальному, все уже потерявшему, полусумасшедшему гению-чудовищу. Это был настоящий женский подвиг. Извращенный подвиг. Она прилетела на смерть. Но прежде она хотела стать его женой, фрау Гитлер.

На рассвете 29 апреля Гитлер продиктовал свое личное завещание. В нем, в частности, говорилось: «Так как в годы моей борьбы я считал, что не могу принять на себя ответственность, связанную с супружеством, то теперь, прежде чем закончится мое земное существование, я решил взять в жены женщину, которая после многих лет преданной дружбы добровольно приехала в этот город, уже практически окруженный, чтобы разделить со мной свою судьбу. По собственной воле она умрет со мной, как моя жена. Это вознаградит нас за все, чего мы оба были лишены из-за моей работы на благо моего народа... Мы хотим, чтобы наши останки были тотчас же сожжены на том месте, где я выполнял большинство своих каждодневных дел на протяжении 12 лет моего служения народу».

Даже перед лицом смерти фюрер будет разыгрывать трагифарс, называя свою преступную деятельность «служением народу». Впрочем, известно, что, мечась по бункеру, как затравленный зверь, Гитлер кричал в ярости, что пусть германский народ погибнет, так как он не способен защитить своего фюрера.

А Ева Браун будет сиять от счастья: она стала наконец-то фрау Гитлер.

И Магда Геббельс тоже получит свой кусочек счастья, ведь фюрер подарил свой личный золотой партийный значок. Ах, какая это честь! Какое счастье! А потом она заставит принять яд своих шестерых детей, прелестных детей - пятерых девочек и мальчика. Чудовищное преступление - не знаю, с чем и сравнить его. После чего

мать-детоубийца вместе со своим супругом, distinguished доктором Геббельсом, тоже примет яд.

А Ева Браун только сутки пробудет женой Гитлера. 30 апреля фюрер выстрелит себе в рот. А Ева Браун примет яд. Дьявольская развязка...

Одним из немногих, кто оставался с Гитлером в бункере до конца, был шеф гестапо Генрих Мюллер. Что стало с ним, Мюллером?

Есть три версии. По первой из них, Мюллер 1 мая 1945 года был выведен советскими особистами с мешком на голове из здания горячей рейхсканцелярии, посажен в танк, в танке его довели до аэродрома, а затем самолетом отправили в Москву.

Может, Сталин все же пошел на контакт с Мюллером? В «Энциклопедии третьего рейха» говорится, что якобы Мюллер «установил контакты с советской разведкой и перешел к ней на службу в момент краха третьего рейха». Такая версия свидетельствует о том, что, вероятно, Мюллер вел двойную игру, мог быть агентом, действовавшим под псевдонимом Вертер, тем самым лицом, которое передавало тайны Гитлера прямо из его ставки в Кремль. И за это ему была сохранена жизнь, и он, если следовать этой версии, жил под какой-то другой фамилией в Советском Союзе, здесь и умер, и похоронен.

По второй версии, Мюллер не нашел контакта со Сталиным, пытался выбраться из Берлина, но был убит во время уличного боя.

В августе 1945 года на территории бывшего Министерства авиации был обнаружен полуразложившийся до неузнаваемости труп в форме группенфюрера СС с удостоверением в кармане на имя Генриха Мюллера. Казалось бы, что все стало очевидно. Ввиду полной очевидности труп не идентифицировали, а похоронили в одиночной могиле на Кройцбергском военном кладбище. На надгробии была сделана надпись, что в могиле покоится Генрих Мюллер, родившийся 28 апреля 1900 года и погибший в уличном бою в Берлине в мае 1945 года.

Но Мюллер был мастером мистификаций и подделок. Он мог подделать и свою собственную смерть. И возникли слухи, что Мюллер все-таки остался жив и работает до сих пор на одну из иностранных разведок. Потому 25 сентября 1963 года по настоянию Западногерманского центра по выявлению нацистских пре-

ступников могила на Кройцбергском кладбище была вскрыта и захороненные в ней останки подверглись судебному освидетельствованию. И произошла сенсация. Выяснилось, что в могиле покоились останки трех человек, но ни один из них не является Мюллером.

Тогда возникла версия, что Мюллера в целях маскировки похоронили на другом кладбище. Некоторые подозрения привели экспертов к одинокой могиле на бывшем кладбище Нойкельн. В сентябре 1963 года вскрыли и эту могилу. И опять потрясение! В духе «романов ужаса» в одиночной могиле были обнаружены останки от трех до шести усопших. И все же было объявлено, что один из похороненных мог быть Мюллером. Так что и смерть Мюллера продолжает оставаться тайной.

Наконец, есть третья версия. По ней Мюллер уцелел и укрылся в Швейцарии. ЦРУ в 1946 году его там обнаружило и перебросило в США. Мюллер использовался американцами в качестве специалиста по России и советской разведке. Американский историк Г. Дуглас опубликовал дневники группенфюрера и протоколы бесед с ним сотрудников ЦРУ. Это целая книга. Она опубликована. Она есть в Интернете - Г. Дуглас, «Шеф гестапо Генрих Мюллер. Вербовочные беседы». Но вполне возможно, что все это подделка. Мюллер есть Мюллер! До сих пор это таинственная фигура. Он и после своей смерти хитрит и дурачит весь мир.

Но насколько все-таки советский агент Вертер, действовавший в ставке Гитлера, реально может совпадать именно с Мюллером? Какие здесь могут существовать другие версии, другие лица?

Такие версии есть. По одной из них, Вертер никогда не существовал, это искусная игра английской разведки, мифологический образ, за которым стояли несколько английских разведчиков. Эта игра против Гитлера, но вместе с тем и «розыгрыш» Сталина. Но если исходить из опубликованных ныне документов, такая версия ничем документально не подтверждается и маловероятна.

Другая версия, которой официально ныне придерживается ЦРУ, сводится к фигуре советского агента «Люси» - Р. Рейслера, прожившего всю войну в Швейцарии. Маленький, неприметный с виду, внешне типичный мелкий клерк, Рейслер обладал незаурядными агентурными способностями и сумел установить связь сразу с несколькими крупными немецкими военными и чиновниками: генералом Остером, Гизевиусом, Гедлером, Боэлицом, каким-то майором, рабо-

тавшим у адмирала Канариса. Информацию, полученную от них, он суммировал, информация была очень ценной, высоко оплачивалась Лубянкой. Но Рейслер был алчным человеком, питавшим неудержимую страсть к деньгам. И он хотел получать еще больше - «жалование миллионера». Чтобы добиться этого, он придумал миф, что якобы получает сведения прямо из ставки Гитлера от некоего неизвестного лица, назвавшего себя Вертером. Так он вроде «одурачил» всех - и советскую, и немецкую, и английскую, и американскую разведки.

Не знаю, насколько ЦРУ само верит в то, что говорит. На мой взгляд, эта версия тоже не совпадает с реальностью. Если ее придерживаться, то Рейслер - величайший разведчик, переигравший все знаменитые разведки мира. Но в этом качестве он был бы давно «открыт» прессой и стал бы сегодня знаменитей пресловутого Джеймса Бонда.

Меж тем Рейслер спокойно и тихо жил после войны в Чехословакии, не привлекая к себе особого внимания. Открывались тайные имена других ранее засекреченных разведчиков, они становились знаменитыми (у нас это Зорге, Филби, Авель), а вот о Рейслере никто даже не вспомнил. Что-то тут не вяжется.

Л. Килзер прямолинейно пишет, что «Мюллер сочувствовал коммунистам и предавал третий рейх». Но тем не менее делает вывод, что «он не был Вертером».

Но почему же? На мой взгляд, Вертером не мог быть никто, кроме Мюллера. Только он, обладая выдающимися способностями разведчика и невероятной хитростью, мог перехитрить все крупнейшие разведки, Гитлера и Сталина.

Но это была смертельная игра, и Мюллер мог в ней погибнуть и, возможно, покоится ныне где-то на старом берлинском кладбище. Но о нем еще будут говорить и писать.

Они случайно столкнулись лицом к лицу у метро. И остолбенели. И некоторое время молчали, всматриваясь друг в друга. Это было в Лондоне 8 мая 1946 года.

- Вот и встретились, - наконец сказал Виктор Николаевич Клементьев.

- От судьбы, видно, не уйдешь, - Сергей протянул Клементьеву руку, и тот крепко пожал ее.

- Что ж, пойдем ко мне в гости, - предложил Клементьев. - Не опасешься меня? Гестапо я тебя не выдал.

- И англичанам наверняка не выдадите, - грустно улыбнулся Сергей. - А в гостях я у вас побываю с удовольствием.

По пути каждый кратко рассказал о себе, о том, что пришлось пережить.

- Почему Лондон - не спрашиваю, - тихо произнес Клементьев. - Но хочу верить - мы с тобой врагами не будем, оба русские, оба вологжане.

В уютной квартире Клементьева Сергея ждал сюрприз, который его порадовал. Оказалось, что жена Клементьева - та самая Оленька, бывший «сексуальный ангел», агент Лубянки.

- С Лубянкой, Сергей, покончено раз и навсегда, - сказала Оленька. - Не веришь? Ой, как я рада тебя видеть!

- Верю, - ответил он. - И я тоже рад. И в первую очередь за тебя.

Перед ним уже был другой человек - счастливая жена и мать. Все наносное, порочное отступило, проявилось настоящее, женское, человеческое.

- Нам повезло, мы спаслись, - сказал Клементьев. - А ведь вся власовская армия была уничтожена, вырублена, уцелели единицы. И полагаю, что Оленьку тоже могли объявить власовской шпионкой. Так чаще всего и бывало. А во Власове я разочаровался полностью. Нет, это не «третья сила». Вот всех их сейчас американцы Сталину выдали, всю власовскую верхушку. А Власова сами советские контр-разведчики взяли. Конечно, все это ты знаешь.

- Знаю, - сказал Сергей. - Сейчас идет следствие. Наверняка их всех повесят. А пока они каются, чернят друг друга. Они живут последние дни перед виселицей.

- Трагично это, - вздохнул Клементьев. - Идея «третьей силы», я верю, была верной. Но не те оказались люди. Не то оказалось. Эх, что там говорить. Выпьем лучше за нашу встречу.

Выпили. Стол был уставлен добротной снедью: Оленька оказалась хорошей хозяйкой.

- Вот моя «третья сила», - сказал Клементьев и кивнул в сторону детской комнаты, - мой сын. Хочу, чтобы он вырос настоящим русским человеком. И чтоб в Вологду приехал не как иностранец, а как на свою родину.

- А ты, Сережа, в Лондоне по делам? - неосторожно спросила Оленька.

- По делам, - поперхнулся Сергей.

Так выглядят сегодня развалины бывшей ставки Гитлера «Вервольф». Какие тайны хранят они?



- Извини, - сказал Оленька, поняв, что задала нетактичный вопрос.

Он действительно приехал в Лондон по важнейшему делу: здесь появился склонный к контакту человек, связанный с американским атомным центром. Надлежало похитить секреты американской атомной бомбы. Любой ценой. Конечно, все это было полнейшей тайной.

И все трое за столом - Сергей, Оленька и Клементьев - ни о чем подобном говорить не могли.

- За что пьем? - спросил Клементьев, разливая по второй рюмке.

- За победу, - предложил Сергей. - Ведь завтра - День Победы.

- Хороший тост, - сказала Оленька.

- За победу русского оружия, - провозгласил Клементьев. - И за гибель дьяволов, которые мучили нас.

- За нашу великую победу, - сказал Сергей.

Помолчали. Потом Клементьев добавил:

- Давайте выльем еще по одной. За то, чтобы усадьба Несвойское попала в хорошие руки, чтобы она возродилась...